

В.В. ЛОХОВ

**Усольские милиционеры
на фронтах ВОВ
1941-1945 гг.**

г.Усолье-Сибирское
2015 год

Тираж эксклюзивный.

Издательство газеты «Усольские новости и мировые репортажи»

Адрес: 665460, г. Усолье-Сибирское, Комсомольский пр-т, 128

Гарнитура Times New Roman

Бумага «Балет»

УСОЛЬСКИЕ
НОВОСТИ
и мировые репортажи

Автор и составитель данного сборника Лохов Валерий Владимирович.

Родился в 1950 году в селе Илоты Черемховского района Иркутской области. С 1981 года по 1994 годы служил в ОВД города Усолье-Сибирское. В отделе вневедомственной охраны при Усольском ГОВД. В звании капитана уволен по болезни. Им написан ряд книг, в основном патриотической направленности, в том числе: «История Усольского ГОВД», «Усольчанам, погибшим при исполнении гражданского и служебного долга», «Рассказы ветеранов усольской милиции».

Уважаемые читатели, в ваших руках книга о ветеранах милиции, которые принимали участие в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов и были живыми свидетелями тех памятных в истории нашей страны событий. И они же с оружием в руках сумели отстаивать интересы нашей родины и в жестоких боях изгнать не только из Советского Союза, но и освободить всю Европу от коричневой чумы фашизма, расплзавшейся по всему миру. Нашей стране обошлось это очень дорогой ценой. 27 миллионов погибших сограждан, тысячи разрушенных городов и сел было сожжено и принесено в жертву Победе.

9 мая 2015 года исполняется 70 лет со дня того знаменательного для нашей родины события. 24 июня 1945 года в Москве состоялся парад войск из сводных частей фронтов, где стандарты фашистских армий были брошены к мавзолею Ленина. 2 сентября 1945 года закончилась Вторая Мировая Война, унесшая более пятидесяти миллионов жизней.

Усольский Совет ветеранов милиции включившись в подготовку празднования 70-я Победы, принял решение отыскать сведения об участниках войны и издать сборник о их нелёгких годах во время ВОВ и послевоенные годы. Усилиями ветеранов установлено 28 ветеранов милиции, принимавших участие в войне. Многих из них хорошо помнит более молодое поколение ветеранов, относящихся к категории «Дети войны», и детей более позднего периода, которым довелось только смотреть на награды дедов и отцов, бережно хранящимся в заветных местах квартиры или дома.

Практическую помощь в создании данного сборника оказала работник полиции – капитан полиции Л.Кустос, отыскавшая в архиве девять дел на участников ВОВ, майор милиции в отставке – Титов А., член Совета ветеранов милиции.

Это очень замечательно, что живут рядом с нами такие отзывчивые люди.

Огромное им спасибо!

«Перечень усольских ветеранов милиции участников Великой Отечественной Войны»

1. Митюков Г.П.
2. Степин Николай Петрович
3. Щуцкий Василий Нестерович
4. Зубков Петр Яковлевич
5. Рудых Василий Максимович
6. Назаров Алексей Дмитриевич
7. Грозин Александр Ефимович
8. Шелепов Михаил Петрович
9. Новиков Петр Федорович
10. Акулов Иван Степанович
11. Морозов Михаил Никифорович
12. Довгаль Алексей Степанович
13. Серебряков Анатолий Степанович
14. Долженко Петр Семенович
15. Гагарин Василий Иванович
16. Етоев Борис Федорович
17. Сафронов Александр Семенович
18. Сурма Константин Васильевич
19. Никандров Иван Никандрович
20. Андреев Сократ Дмитриевич

21. Афанасьева Таисия Арсентьевна
22. Должанский Иван Николаевич
23. Суслов Емельян Дмитриевич
24. Недосекин Павел Матвеевич
25. Богочев Михаил
26. Матулин Федор Данилович
27. Коновалов Петр Васильевич
28. Ваулин Николай Ефимович

Недосекин Павел Матвеевич

Родился в 1927 году. В ряды Красной Армии призван в декабре 1944 года. В боевых действиях не участвовал. В течении года проходил подготовку и службу в городе Иркутске. Затем был переведен в Хабаровский край. Служил во внутренних войсках. В 1946 году был награжден медалями: «За победу над Японией» и «За победу над Германией». Дальнейшую службу проходил в Москве, в войсках НКВД - с 1947 года по 1949 год. С 1951 года в ОВД города Усолье-сибирское. В 1958 году поступил и в 1960 году окончил среднюю школу МВД. Работал следователем. В 1966 году перешел в спец. комендатуру.

На пенсию ушел в 1984 году.

Жена Нина и двое детей – сын Сергей и дочь Лидия.

Проживает в настоящее время в г.Иркутске.

Новиков Петр Федорович

Родился 26 сентября 1923 году в селе Жилкотой Красночикоийского района Читинской области в семье бедных крестьян. При Гутайской школе, в 1939 году окончил 6 классов. В том же году семья переехала в Бурято-Монгольскую АССР, в Кяхтанский район Шарагольского сельсовета, село Анагустай. Там поступил на работу в колхоз «Заря». Работал учетчиком, а затем кассиром вплоть до 1942 года. В июле 1942 года был призван в ряды Советской армии и направлен в Забайкальский Военный Округ в 94 стрелковую дивизию 158 ОН ПТБ. В этой части, в декабре 1942 году вступил в члены ВЛКСМ. До ноября 1943 года прослужил в этой части, пройдя военную подготовку. В отдельном противотанковом батальоне освоил навыки наводчика расчета противотанковой пушки. А затем бои с фашистами. Как отличавшегося в боях, его направляют в Лепельское военное училище, расположившееся в Вологодской области. Став курсантом, продолжил изучать артиллерию. 16.04.1945 года он его успешно заканчивает и находится в резерве офицеров главного командования в городе Минске.

В звании младшего лейтенанта 18 июля 1945 года был направлен в город Гродно на этапно-распределительный пункт, где получил должность коменданта в комендатуре №137. Это была подвижная часть, располагающаяся в санаторном поезде. После расформирования, был отозван в г.Гродно на должность командира хозяйственного взвода. В августе 1946 года по расформировании части, был демобилизован.

27.11.1946 году оформился в Усолье-Сибирский гор.отдел МВД Иркутской области в качестве участкового уполномоченного. В 1969 году становится участковым уполномоченным в п. Мишелевка. Член КПСС с

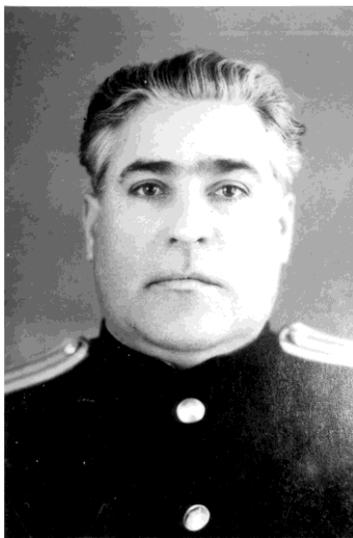
1952 года, принят Усольским РК КПСС. Комсомольцем стал с декабря 1942, приняли в армии. Приказом от 31.12.1970 года он становится инспектором – дежурным спец. Командатуры №23 по учету условно осужденных. С 01.11.1976 года уволен по статье 67 Б. Пришло время выхода на пенсию, хотя и по болезни.

Первое звание младшего лейтенанта Петр Федорович получил еще в 1955 году. Учебу продолжать не стал, но тем не менее был отличником милиции, имел очень много благодарностей и поощрений от командования за честный и безупречный труд.

За службу в рядах Советской армии и принятия участия в боях с немецко-фашистскими захватчиками награжден медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Постоянно был активен, принимал участие, личную инициативу, передавал опыт и знания молодым милиционерам.

Морозов Михаил Никифорович

Родился в ноябре 1918 года в семье крестьянина – середняка в деревне Сергеевка, Догушинского с/совета, Калачинского района, Омской области. Семья переселилась в 1914 году из Московской области в Сибирь и дружно работала в колхозе. Семья состояла из трех сестер: Екатерины, Марии, Анны. Старший брат Ефим, 1902 года рождения, окончил неполную среднюю школу в селе Калачинск, Омской области. Окончить среднюю школу не удалось в связи со смертью отца. Михаил направляется учиться в город Тюмень, поступив в фельдшерско-акушерскую школу, где учился с 1936

по 1938 годы. По решению Тюменского Горкома комсомола был направлен на работу в органы НКВД, не успев закончить техникум.

С февраля 1938 года по июль 1939 года работал помощником оперативного уполномоченного Тюменского Гор.отдела НКВД. Принимается кандидатом в члены ВКПб в 1939 году. В связи с событиями на реке Хал-Кин-Гол, в Тюмени была сформирована 65-я стрелковая дивизия. При ней был сформирован Особый отдел НКВД. Из работников Тюмени была сформирована 65-я стрелковая дивизия. При ней был сформирован особый отряд НКВД из работников Тюменского Горотдела, куда он входит в должности оперуполномоченного по особым поручениям. Проработал на этой должности до февраля 1941 года. В феврале приступил к обслуживанию частей 65-й дивизии. В июле 1941 года приказом начальника ОО НКВД Забайкальского военного округа был переведен в ОО НКВД гарнизона: «79 раз» по обслуживанию 10 ОЗАД ПВО и 323 эвакогоспиталь, где работал по август 1942 года. Переведен сразу в отдел контрразведки «СМЕРШ» 1-го Бригадного района ПВО по обслуживанию 10 и 132 ОЗАД ПВО, где работал по май месяц 1945 года. В 1942 году политотделом был принят в члены ВКПб. К ведению боевых действий с Японией, была сформирована 94-я дивизия ПВО Забайкальского фронта и Михаила назначают Старшим оперуполномоченным ОКР «Смерш», где обслуживал 1978 полк до расформирования, проведенного в конце августа 1945 года. По окончании боевых действий, с 1 сентября 1945 года зачислен в резерв отдела контрразведки Дальневосточного фронта ПВО. 28 сентября того же года откомандирован для прохождения дальнейшей службы в Управление МГБ Иркутской области. За заслуги перед родиной в период Великой Отечественной войны, Михаил Никифорович награжден медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «30 лет Советской армии».

С женой, Валентиной Ивановной, вырастили трех сыновей.

Первое звание, «сержант г/б» ему был присвоен 24.09.1940 года. 07.07.1942 года ему присваивается офицерское звание «младший лейтенант ч/б». 25.02.1950 года он уже майор МГБ. СССР, а в 1955 году, в связи с переменах в структуре становится майором милиции МВД РСФСР. 31.01.1962 года ему присваивается звание «Подполковник милиции». В 1949 году он оканчивает школу МГБ по переподготовке кадров. Направляется в Ольхонский РО МГБ Иркутской области. На этой должности он проработал до 1 мая 1954 года.

В 1957 году переводят заместителем начальника Зиминского РО милиции по оперативной работе.

05.09.1961 года он становится заместителем начальника Усольской милиции. Продолжая образование он оканчивает 10 классов и годичную Подготовку в городе Свердловске по линии руководства оперативной работой.

Сразу по приезду включился в работу совместно с ОБХСС и розыском.

С заведением агентурной сети, были достигнуты заметные успехи этих подразделений. В 1965 году, имея стаж 27 лет и 11 дней, был уволен по ст. 65 «а» приказом Б.Дербенева, начальника УООП Иркутской обл. (комиссар III ранга).

Андреев Сократ Викторович

Родился 20.04.1920 года в селе Харатирген, Бохонского района Иркутской области. По национальности бурят. К 1939 году окончил Бохонское педагогическое училище и работал учителем до начала войны. В 1941 году призван Боханским РВК. Окончил войну в звании старшины.

С 1960 по 1963 был начальником паспортного стола Усольского ГОВД. С 09.1966 года он становится заместителем начальника вневедомственной охраны. В звании капитана ушел на пенсию с 17.04.1974 года.

Жена Анна, 1925 года рождения. Воспитали трех дочерей: Ольга – 1951 год рождения, Наташа – 1957 год рождения, Елена – 1966 год рождения.

Довгаль Алексей Степанович

Родился 05.07.1926 года в селе Уст-Сидиме Приморского края. В 1941 году окончил 7 классов Усть-Сидимской школы и пройдя курсы тракториста, работал в своем родном селе на тракторе.

10.11.1943 года призван в ряды Советской Армии. Был направлен в артиллерийский полк 76 мм орудий, что располагался в городе Бикини. Определили учиться на радиотелеграфиста. После шестимесячной подготовки, стал принимать 14-16 знаков в минуту (азбука Морзе). Сдав зачеты, ему присваивается квалификация радиста третьего класса.

С 9 августа 1945 принимал участие в боях с японскими самураями в составе Второго Дальневосточного фронта. До окончания боевых действий, закончившихся для него 03.09.1945 года. Награжден медалью: «За победу над Японией», медалью: «За боевые услуги». После окончания войны работал обычным слесарем в городе Иркутске.

С 1947 года по 1948 год довелось поработать монтажником металлоконструкций в городе Канске Красноярского края, а затем работал на радиостанции модели (ГО, РО) в органах внутренних дел. Это было в 1950 году. Направлен в город Киренск ст. радиооператором по приказу № в РО.МВД.МГБ.ИО. 19.02.1953 года Алексею Степановичу присваивается звание младшего лейтенанта ч/б МГБ СССР за №922.

Член ВЛКСМ с 1944 года. В 1959 году окончил 8 классов. С 03.02.1955 года член КПСС, принят Усольским горкомом КПСС (20.08.1974г. исключен).

21.04.1960г. присваивается звание младшего лейтенанта, уже милиции, УВД Иркутской области. С 1959 года – инспектор дежурный город-

ского отдела милиции в Приморском крае. В городе Усолье работал помощником оперуполномоченного по учету 4-го спецотделения УМВДТ.ИО. Усольского района до 26.11.1981 года.

Награжден многими боевыми и юбилейными наградами. В городе Усолье-Сибирское стал проживать по причине того, что жена, Нина Ивановна, родилась в 1927 году в этом городке.

Степин Николай Григорьевич

Родился 26 января 1926 года в поселке Отяевка Елабужского района Курской области. Специальное происхождение – из крестьян – середняков. Окончил 7 классов Глазуновской средней школы в 1941 году. До призыва в армию работал рабочим в Артели по разработке и добычи торфа. 25 июля 1943 года призван в ряды РККА. Николай в семье был старшим. Дома осталось трое младших братьев – Михаил, Андрей, Иван, заменивших старшего на торфоразработках.

25.07.1943 года его направляют в 341-й отдельный артиллерийский дивизион на 2-й Белорусский фронт. В марте 1944 года направляется на фронт, на Витебское направление, где 2 мая 1944 года был ранен в кисть левой руки. Был доставлен в эвакогоспиталь № 3846, что располагался в городе Наро-Фоминске Московской области. Долечивался уже в эвакогоспитале № 944 на станции Дивизионной по Забайкальской железной дороге. 29.08.1944 году направляется в 4-й отдельный батальон выздоравливающих, находящийся в ЗАБ.ВО. лечение проходило до 28 сентября 1944 года.

После выписки из госпиталя был направлен в город Иркутск, где окончательно излечился от полученного ранения.

Пройдя комиссию, был призван годным к физическому труду. 4 ноября 1944 года был принят на Усольский фанерно-спичечный комбинат «Байкал». 21.02.1945 года был принят в Усольский горотдел УНКВД Иркутской области и уже 21.05.1946 году становится милиционером ведомственной милиции Усолье-Сибирское горотдела УМВД Иркутской области.

Началась служба, полная лишений и трудностей. С 14.04.1951г. по 27.07.1953 года – служба в Отдельном взводе милиции Усолье-Сибирского горотдела милиции УМВД. Затем служба в должности участкового уполномоченного. В 1953 году – надзиратель КПЗ. 1957 год – милиционер-мотоциклист. В 1965 году – командир отделения. 01.01.1980 года – милиционер по охране Госбанка Усолье-сибирское ГОВД, звание – старшина милиции. 06.03.1989г. увольняется из милиции по статье 65-«А», по достижению возраста.

Общий стаж его составил 45 лет и один месяц.

За участие в боевых действиях во время Великой отечественной войны Николай Григорьевич награжден медалью: «За боевые заслуги».

За службу в милиции награжден медалями: «За безупречную службу» 3, 2, 1 степеней.

Как проходил службу Николай Григорьевич, красноречиво говорит прилагаемое ходатайство начальнику управления охраны общественного порядка Иркутского облисполкома, комиссару милиции III ранга тов.Дербеневу Б.В., от начальника отдела милиции исполкомов Усолье-Сибирского городского и районного советов депутатов трудящихся майор милиции Соколовский:

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ИРКУТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА КОМИССАРУ МИЛИЦИИ III РАНГА тов. ДЕРБЕНЕВУ Б.В.

Милиционер-мотоциклист отдела милиции Усольского Горисполкома старшина милиции Степин Николай Григорьевич работает в органах милиции с 1 Февраля 1945года.

Тов.Степин родился в 1926 году в пос.Отяевка, Глазунозского р-на, Курской области в семье рабочего.

По истечении 16-ти лет он стал работать рабочим артели по разработке торфа, но уже через год, 17-ти летним пареньком, был призван в Советскую Армию и направлен на фронт.

Помня участие в Великой Отечественной войне с гитлеровской Германией в мае 1944 года был тяжело ранен и длительное время находился на излечении в госпитале. По выздоровлении был демобилизован и в ноябре месяце 1944 года направлен на работу в Усольский Фанерно-спичечный комбинат, где и работал разнорабочим до день прихода па работу в органы милиции.

С приходом на работу в органы милиции тов. Степин Н.Г. сразу же зарекомендовал себя как дисциплинированный и способный работник, обладающий волей в выполнении служебного долга, лично выдержанный вежлив, требовательный и настойчивый в лицам допускающим нарушения общественного порядка.

В последующие годы тов. Степин все больше и больше повышал свое милицмейское мастерство и за достигнутые успехи в работе неоднократно отмечался поощрениями в приказах начальника горотдела, а также начальника УООП области, и в частности:

а) В приказе №Т12 от 2|УТ-54года Нач.Усольского ГСП за добросовестное отношение к службе - объявлена благодарность.

б) В приказе Начальника того же отдела от 10 июня 1957 года - объявлена благодарность за проявленную инициативу в несении службы.

в) Приказом Начальника Усольского ГОМ от 30|Х-58г.-объявлена благодарность и занесен на доску почёта за хорошие показатели в работе.

г) Приказом № 81 Начальника Усольского ГОМ от 24|Уш-59 года за отличные показатели по охране общественного порядка - объявлена-благодарность и занесен на доску отличников милиции.

д) Приказом № 137 от 5|ХI-63 года – объявлена благодарность за достигнутые успехи в работе.

Он же Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1954 года за безупречную и долготлетнюю службу награжден медалью "За боевые заслуги". Приказом МВЧ РСФСР 38 1959 год награжден медалью За безупречную службу 2 степени".

Приказом МООП РСФСР №690 от 25|Х-63г. награжден медалью «За безупречную службу I-й степени».

Приказом УООП Иркутской области №662 от 6 ноября 1964г. за образцовое выполнение задания и раскрытие особоопасного преступления награжден 20 рублями с об явлением благодарности.

Решением №281 Исполкома Усольского Городского Совета депутатов трудящихся от 9 ноября 1964 года, за активное участие б борьбе с уголовной преступностью - награжден 15 рублями.

Тов.Степин являлся участником слета отличников милиции Иркутской области, состоявшегося 18 января 1965 года, на котором приказом начальника Управления охраны обществен - него порядка он награжден нагрудным значком «Отличник милиции».

За 20-ти летнюю службу в органах милиции тов. Степиным раскрыто и пресечено сотни преступлений, только в 1964 году, при несении патрульной службы, им раскрыто 18 преступлений, из них 8 особоопасных. Он уже в течение 10 лет не расстается со своим маневренным другом в патрульной службе - мотоциклом У-72, который помогает ему быстро и оперативно делать присмотр за патрулируемым участком.

Вот один из характерных примеров его оперативности в несении патрульной службы.

12 октября 1964 года в 19-00 часов в Городской отдел явился г-н Горин и сообщил, что 30 минут тому назад у него неизвестными преступниками от дома был угнан мотоцикл ИЖ- Планета ИРД № 05-67.

Дежурный ГОМ дал указание патрульному экипажу старшины милиции Степина принять меры к розыску преступника и мотоцикла.

Старшина тов. Степин и его спарщик милиционер Дрогун, прибыв к месту совершения преступления и отыскав направление, в котором был угнан мотоцикл, организовали поиск и преследование преступников. С помощью прохожих им удалось установить район города, куда уехали на мотоцикле преступники и путем прочески этого района они вскоре обнаружили преступников, организовали их преследование и умелым маневрированием прижали их в тупик, задержали и доставили в ГОМ вместе с мотоциклом. Преступниками, похитившими мотоцикл оказались Голомазов Геннадий и кривых Александр, которые были привлечены к уголовной ответственности.

Благодаря их умелым и настойчивым действиям буквально через час преступление было раскрыто, преступники пойманы с поличным, а похищенный мотоцикл возвращен потерпевшему-в полной исправности.

Заслуживает внимания запись, сделанная дежурным по Горотделу тов. Вольским в суточном рапорте на имя начальника от 8 октября 1964 года:

Старший мотопатруля старшина милиции тов. Степин, работая на маршруте №4, за вечер доставил в вытрезвитель 4-х пьяных граждан, трижды выезжал по вызовам на квартиры по пресечению семейных хулиганств и все вопросы решал правильно, выезжал на возникший пожар в парикмахерской.

Каждое утро на рапорте дежурные по горотделу докладывают начальнику милиции, что патрульный экипаж тов. Степина работает лучше других, больше других пресекает правонарушений, а нередко и раскрывает преступления.

Сам по себе тов. Степин человек скромный, всегда чисто и по форме одет, выглядит опрятным человеком. Имея богатый опыт милицейской работы - передает молодым работникам, пользуется заслуженным авторитетом среди товарищей по службе, и населения города.

Ходатайствую о награждении тов. Степина правительственной наградой.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА МИЛИЦИИ исполкомов усолъе-сибирского городского и РАЙОННОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

МАЙОР МИЛИЦИИ - СОКОЛОВСКИЙ

Щуцкий Василий Нестерович

Родился 02 июня 1926 года в селе Новолекарске, Доманевского района, Одесской области. По национальности – украинец. Выходец из семьи крестьян-бедняков. Окончил 4 класса начальной школы в 1941 году. Отец, Щутский Нестр Петрович 1893 года рождения, работал простым колхозником и умер рано, в 1933 году. Василий работал в колхозе до 1944 года, проживая на оккупированной территории с матерью, Степанидой Петровной.

В дальнейшем, после освобождения от фашистов, колхоз стал именоваться именем «Ватутина». После освобождения территории от фашистов, 1 мая 1944 году был призван в ряды Советской армии.

Служил и воевал в 125 Стрелковой дивизии на 1-м Украинском фронте рядовым бойцом. Обучился снайперскому делу и участвовал в боях вплоть до февраля 1945 года, когда был ранен и находился на излечении. Затем вернулся в родную дивизию и проходил в ней службу по июль 1946г.

С началом боевых действий с Японией, дивизию перебрасывают на Дальний Восток, где Василий Нестерович принимает участие в боевых действиях с японскими милитаристами.

В 1946 году проходил подготовку в отдельном учебном отряде в городе Владивостоке, освоив специальность моториста. Там же, в городе Владивосток в в/ч 69168 с 92.12.1946 года по 12.12.1950 года работал токарем. И в том же 1950 году был уволен в запас.

В 1947 году стал членом ВЛКСМ. После демобилизации сразу уехал в родной колхоз, где работал разнорабочим до сентября 1951 года. Завербовавшись в министерство МВД СССР, был направлен в город Ангарск в качестве стрелка – надзирателя в 12 Дивизион Строительства. После окончания основного строительства в городе Ангарске, перешел на службу в Усольский горотдел милиции. Случилось это 25.04.1953 году. В 1967 году он становится милиционером 1-го разряда.

Назначен командиром конвойного отделения объединенного дивизиона. Ему присваивается звание старшего сержанта милиции. Еще в 13.09.1956 году он становится «Отличником милиции». Через некоторое время, за достигнутые успехи в задержании лиц с криминальным уклоном, ему присваивается звание: «Старшина милиции». Активно принимает участие в подготовке молодых милиционеров.

05.1974 года он становится водителем-командиром отделения по охране Госбанка. С 1974 года по 01.01.1980 года он становится командиром отделения по охране Госбанка при отделе вневедомственной охраны.

06.03.1989 году уволен из органов милиции по ст. 65-«А» по возрасту. Его общий стаж составил 46 лет, 3 месяца.

Награжден медалями: «За отвагу», «За победу над Германией», 13-ю юбилейными наградами. За заслуги в период службы в органах внутренних дел награжден медалями «За безупречную службу» - 3, 2, 1 степеней, «За отличную службу в охране общественного порядка».

В 1984 году награда нашла Василия Нестеровича и ему вручили орден Отечественной войны I степени, затерявшийся в бюрократической волоките.

Митюков Григорий Павлович

Родился 5 марта 1925 года в Усть-Удинском районе Иркутской области. В ряды РККА призван с 01.1943 года. Направлен в дальнобойную артиллерию Забайкальского военного округа. Участник боевых действий с милитаристской Японией.

Награжден медалью «За победу над Японией», орденами «Отечественной войны» – I и II степеней, и множеством других, юбилейными наградами.

01.11.1984 году ушел на пенсию. Тяжелая болезнь забрала его из жизни 02.12.2001 году. С 04.03.1964 года до 01.11.1984 года был начальником отдела вневедомственной охраны при Усольском ГОВД, дослужившись до звания – подполковник милиции и оставив о себе добрую, светлую память у его сослуживцев и тех, кто знал его просто человеком.

Етоев Борис Федорович

Родился 01.10.1925 года в семье крестьянина-бедняка в Иркутской области, Эхирит-Булагайского района, Харазаргайского с/с,Идыга. По национальности бурят.

Отец Етоев Федор Етоевич родился в 1885 году в простой крестьянской семье. После революции 1917 года работал рядовым, разнорабочим в колхозе. Отец умер в 1943 году после тяжелой, продолжительной болезни. Мать, Етоева Анна, родилась в 1882 году в улусе Кулун. После революции работала в том же колхозе, что и отец, имени Калинина. Умерла в 1941 году по болезни. В школу пошел в 1934 году в Идыгинскую начальную школу, которую окончил в 1939 году, 4 класса. Затем поступил учиться в Усть-Ордынскую среднюю школу и в 1942 году закончил 7 классов. После школы работал в колхозе. В апреле 1943 года был призван в ряды Советской армии Усть-Ордынским РВК.

Зачислен в 3869 стрелковый полк, где с 06.43г. по 05.45г. проходил службу в составе войск Забайкальского военного округа. Затем был переведен в 673 запасный стрелковый полк ЗАБВО., где прослужил с 10.05.1945 года по 01.06.1946 года. Затем последовал перевод в 6-й рабочий батальон того же ЗАБВО, где прослужил 07.1946 года. Служба продолжалась в качестве стрелка. В июле 1947 года переводится в в/ч 42929 авиамотористом, где проходил службу до 13.11.1950 года, и был уволен в запас в звании старшины.

10.05.1951г. поступает на службу в усть-Ордынское отделение милиции УМГБ Иркутской области паспортистом паспортного стола.

Приказом МГБ СССР от 07.12.1952 года присваивается звание младшего лейтенанта. В 1945 году вступил в ряды ВЛКСМ, а в 1956 году становится членом КПСС, уже работая в городе Усолье-Сибирское, в котором с 25.11.1953 года становится оперуполномоченным оперативного отдела (УР).

В 1959 году становится начальником паспортного стола. Приказом УВД Иркутской области от 01.07.1960 года ему присваивается звание лейтенанта милиции, а в 1964 году приказом УООП по Иркутской области – старшего лейтенанта милиции. В 1961 году по 1963 год он оперативный уполномоченный отдела дознания, а с 1963 года по 1965 годы, старший оперуполномоченный ОБХСС.

В 1966 году вновь назначен начальником паспортного стола. 01.11.1967 приказом УООП.ИО. ему присваивается звание капитана милиции. Приказом №89 от 07.06.1973 года Етоеву Б.Ф. присваивается квалификация специалиста 3 класса и приказом МВД СССР от 25.12.1973г. ему присваивается звание майора милиции и специалиста второго класса.

Еще в 1961 году Борис Федорович окончил 10 классов СШРМ в городе Усолье-Сибирское, что привело к его дальнейшему росту профессионала и занятию достойных должностей в структуре городского отдела милиции. С 1973 года по 1983 год он работал дежурным помощником начальника отдела. В 1983 году Борис Федорович уходит на заслуженный отдых.

За заслуги перед Родиной в период Великой Отечественной Войны награжден медалью «За боевые заслуги» и очень многими наградами в послевоенный период, во время его службы в милиции.

В многодетной семье Етоевых росло четыре старших сестры, Борис Федорович был пятым, а шестым был самый младший брат, родившийся в 1931 году.

Будучи награжденный знаком «Отличник милиции», сам воспитал много талантливых милиционеров, наследников дела Дзержинского Ф.

Сурма Константин Васильевич

Родился 12 июля 1932 года в селе Дубровка Ужгородского района Закарпатской области. Это район Западной Украины, граничащий практически с пятью государствами: Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния. Практически все жители, в том числе и Константин, умели общаться между собой на пяти языках прилегающих стран Европы. В семье было трое детей, двое парней и одна девочка. Родители работали в колхозе, приучив к труду и своих детей. Успел окончить два класса, как началась война. И только потом, в мирное время удалось закончить шесть классов. Цену хлеба Константин познал с детства, не легко он давался, а с великими трудностями. Началась война и огненный вал наступающих фашистов прокатился через село, и его жители оказались в оккупации. Новые хозяева жизни не церемонились с местными жителями. Работать приходилось и на колхозных полях, и на фашистов, которые нещадно использовали людей в своих целях. Поселившаяся команда немцев быстро навела свой порядок. Отец Кости успел уйти к партизанам, а мать с тремя детьми была буквально вытолкнута прикидками из дому и поселена в хлеву, живность из которого была реквизирована немцами. Сразу открылась охота на еврейское население. Немцы тщательно прочёсывали дома, постройки, отыскивая бедолаг, пытавшихся хоть как-то укрыться. Пришли и в дом Константина в надежде чем-либо поживиться. Увидев черноглазого, с темными волосами мальчишку, немец наставил на него винтовку и скомандовал: «шнель, юде». Между ними встала мать с ужасами умоляя немца: «них юде, них юде. Мой сын это. Майн киндер». Или немец был в настроении, или действительно поверил, но опустил винтовку и скомандовал: «Айда стайка».

Так семейство оказалось в хлеву, кое как приспособив его для проживания, перенеся туда домашний скраб, который разрешили использовать немцы. Для рытья окопов и постройке блиндажей, сгонялось население со всей округи. Установленную норму выработки жестко контролировали, наказывая нерадивых и слабых. Неподалеку располагался город Мукачево, база немцев для дальнейшего наступления. Им срочно понадобился аэродром. А места болотистые. Для строительства внезапно-посадочной полосы использовали труд детей, которые носили грунт на эту площадку, утрамбовывая его в грязь и воду.

Эти воспоминания врезались в память Константина на всю жизнь.

Наконец дождалась наступления Советской Армии, и линия фронта надолго застопорилась по селу, мощному опорному пункту немцев. Всю неделю шли непрерывные бои с переменным успехом. Подошли дополнительные силы. Это был батальон танков, где в основном служили женщины, которые и выбили немцев из опорного пункта. Началась мирная жизнь, полная трудностей и лишений. Это послевоенное лихолетье легло на плечи Константина. Работать пришлось в Венгрии на обувной фабрике. Ходить приходилось ежедневно за 12 километров. С первой полочки купил велосипед и жить стало намного легче.

Настала пора призыва в армии. Служил в городе Совгавань с 25.07.1952 года по 06.12.1954г., это составило 2 года и 4 месяца в качестве стрелка, а потом писаря в штабе полка. экономия на том, что не купил, умудрялся помочь родным, хорошо осознавая трудности их жизни, особенно то, что надо было учить сестру. Возвратившись со службы, работал в родном колхозе.

По найму отправился охранять особый контингент строителей Ангарска. В Усольский ГОВД устроился на службу в сентябре 1957 года. Был водителем, а затем бессменным старшиной усольской милиции.

Принимал самое активное участие в строительстве нового здания ГОВД, внося в это важное дело неоценимый вклад. На пенсию вышел 30 мая 1985 года. Стаж работы составил 38 лет! Но продолжал работать. И только 29.03.1990 года окончил в милиции свою трудовую деятельность.

Так как жена Надежда Васильевна работала начальником охраны спиртзавода, пришел к ней и продолжил работать кочегаром.

В его трудовой книжке огромное количество записей с благодарностями и поощрениями за отличную службу в ОВД. Награжден медалями «За безупречную службу» все трех степеней.

Любили и уважали Константина Васильевича сослуживцы и после службы, наезжая к нему домой в поселок Тельма, где он проживал.

В возрасте 68 лет он ушел из жизни, оставив о себе светлую память.

Эту историю о своем отце рассказала дочь Константина Васильевича Елена Константиновна, работающая на курорте «Усолье» заместителем директора. Огромное ей спасибо за то, что сохранила в своей памяти такие воспоминания о своем отце.

Назаров Алексей Дмитриевич

Назаров Алексей Дмитриевич родился в 1910 году. По специальному положению – рабочий. В рабоче-крестьянскую Красную армию призван в 1932 году. Службу проходил в военном городке города Житомира в кавалерийской части. Как сказано в характеристике: «...беспартийный, хорошо грамотный, политически развит, как командир с большим старанием воспитывает вверенное ему отделение, прививая бойцам навыки к быстрому владению оружием и уходу за ним. Чутко относится к нуждам красноармейцев, умеет разъяснять трудности учебы. Несет общественно-массовую работу – обучает группу малограмотных красноармейцев. Характеристика дана для поступления в учебное заведение. 03.08.35 года».

Служба в рядах РККА закончилась в звании старшего сержанта. Поступил и окончил школу милиции в городе Свердловске и был направлен в город Иркутск, где получил назначение на Ольхон, прослужив там до 1949 года в должности начальника милиции.

В город Усолье-Сибирское был направлен в том же 1949 году на должность начальника уголовного розыска. Затем работал следователем.

Подавал начальству рапорт за рапортом, просясь отправки на фронт, начальство постоянно отказывало, мотивируя тем, что он необходим на месте. Кругом орудовали банды уклонистов, дезертиров, терроризирующие местное население. С ними было необходимо вести постоянную беспощадную Борьбу. А сколько взято «малин» - не счесть.

В партию вступил до войны, в 1940 году был награжден юбилейным знаком «50 лет пребывания в КПСС», а также медалью: «За боевые заслу-

ги», орденом «Красная Звезда» за № 2985498 от 24 ноября 1950 года, медалью «За доблестный труд» к 100—летию со дня рождения В.И. Ленина.

Последние годы своей службы Алексей Дмитриевич работал в спецкомендатуре Усольского кирпичного завода.

Звание «Капитан милиции» - присвоено в 1967 году.

Воспитывал четырех детей.

На пенсию ушел в звании майора милиции. Стаж работы составил 39 лет.

Должанский Иван Николаевич

Родился 14.01.1922 году в Красноярском крае, Саянском районе, в деревне Нагорной.

Окончил 5 классов школы. Участник Великой Отечественной войны. В Усольском ОВД с 1948 года прослужил до 01.01.1980г. в ГОВД в звании старшего сержанта.

Был переведен в ОВО на службу в Госбанке. 01.06.80г. ушел на пенсию по статье 65 «А» по достижению преклонного возраста.

Афанасьева Таисия Арсентьевна

Родилась 15 февраля 1927 году в селе Пруды Сычевского района Смоленской области.

В семье было три сестры. Жили трудно. Мать постоянно болела и умерла еще до начала войны, которая началась неожиданно, хотя ее и ждали. Бежать было некуда, и они остались на месте. Немцы в село вошли ночью, известив о себе лязгом гусениц и гортанным криком на незнакомом языке, словно это была ночь, а стоял день. Начались тяжелые испытания. Всех повыгоняли из домов, выталкивая прикладами старого и малого. Всюду крики, выстрелы. Немцы убивали на месте тех, кто сопротивлялся. Много односельчан было убито в ту ночь. Почти все село было сожжено.

Таисьи с сестренками повезло и им чудом удалось спастись. Еще стояло лето и за их домом был овраг, в котором они и переждали это страшное время, укрываясь в густых зарослях. Под открытым небом и ночевали там, вздрагивая от ужаса и страха во время сна. Через два дня вышли из своего укрытия, и пошли по бывшему селу, отыскивая тело отца, который вместе с мужиками укрылся с ружьем в одном из домов.

Наконец нашли его. Во дворе одного из домов на окраине. Не перемонились немцы с теми, кто в них стрелял. Не стали стрелять из оружия, а ударили из танковой пушки во двор дома. Среди убитых, у большой воронки, отыскали они своего отца с окровавленной головой и зажатой в руке двустволкой. Тяжелое горе вновь посетило семейство. Началась жизнь в оккупации, холодная и голодная. Чего только не натерпелись сестры, чтобы выжить.

Но время шло. Началось наступление наших войск. В городе Сычевке, что был в 18 км. от села был развернут передвижной фронтной

госпиталь. По настоятельной просьбе селян, все три сестры были приняты в этот же госпиталь рабочими на подсобные работы.

Возили воду в баках, рубили дрова, много работали по кухне. Любая работа была под силу худеньким девченкам.

Так и пробыли там до окончания войны.

В 1945 году госпиталь был передислоцирован на Дальний Восток, началась война с Японией.

После окончания войны приехала в город Усолье-Сибирское, где устроилась на работу в МВД. Проработала несколько лет инспектором по делам несовершеннолетних. С 1960 года перешла служить охранником в Усолье-Сибирском филиале Госбанка. В 70-е годы по семейным обстоятельствам вместе с семьей переехала в город Магадан, где работала в управлении издательства, полиграфии, издании книг. Отсюда и ушла на заслуженный отдых.

Имеет множество боевых и юбилейных наград.

Гагарин Василий Иванович

Родился в 1917 году в селе Олонки Иркутской области. Здесь прошли его детские и юношеские годы. Жизнь была очень трудной, на выживание.

Но ему удалось окончить четыре класса в местной школе. Считалось, что на тот момент в двадцатые годы это солидное образование для деревенского мальчишки.

Началось не менее трудные, тридцатые голодные годы. Особенно трудно приходилось многодетной семье. Иногда чувство голода достигало своего предела. Мать решилась на отчаянный шаг. Видеть голодные, ждущие глаза детей стало невмоготу и осенью она пошла на колхозное поле, где собрала с килограмм колосьев пшеницы. Но была замечена обходчиком полей, который ее опознал, и доложил в органы. Так, простая крестьянка угодила на десять лет лагерей. Василий начал работать в колхозе и стал передовиком. Заслуженный авторитет позволил ему вступить в комсомол – мечту многих мальчишек и девочек этого времени. Невзгоды не сломили парня.

Пришла пора, идти в армию и Василий призывается в пограничные войска Хабаровского округа. Идеальный, убежденный в победе коммунизма, отличник боевой и политической подготовки, он вскоре становится комсомольским вожаком пограничной заставы. Началась Великая Отечественная Война и Василий просится на фронт, направляя на инстанции рапорт за рапортом. Советское командование, получив надежные сведения о нападении Японии в ближайшее время, решилось использовать войска, стоящие на Восточных рубежах.

Дивизия из семи эшелонов срочно перебрасывается под Москву.

В начале декабря 1941 года, его часть вступила в бой, прикрывая Волоколамское шоссе. Василию, имевшему звание сержанта, поручают командовать стрелковым отделением. В бой вступили сразу, с колес, как

только заняли позиции. Каждый день, каждый час были на счету. Решалась судьба всей страны, Советского Союза и его народа.

Хотя и морозно на улице, было жарко. Немецкие пехотные и танковые дивизии, выйдя на стратегический простор к шоссе, ведущему на Москву, бросило туда максимум оголенного воинства, пока еще опьяненного своими первыми победами. С мечтой пройти народным маршем по Красной площади, когда им казалось, что еще один рыбок и вот она, Москва. Шли на окопы советских воинов, не считаясь ни с какими потерями в живой силе и технике. Этот фанатичный мираж застилал разум от рядового до генерала. По скошенным наступали новые волны врага, устилая трупами подмосковную землю. Редели и ряды защитников. И только благодаря стойкости и мужеству защитников в рядах, которых были сибиряки и дальневосточники, этот дикий, нечеловеческий напор сдерживали. Встали насмерть. Отступали только по рациональным тактическим соображениям или когда уже никого из защитников не оставалось в живых. Горели в танках, кидались под гусеницы ревущих громадин с крестами на боках.

Ротация остатков выбитых советских частей Красной Армии происходила практически ежедневно. Иного пути к удержанию и дальнейшему разгрому фашистов просто не было.

На вооружение немцев было немало минометных батарей, которые нещадно били по окопам и атакующим, нанося существенный урон. Отделение, которым командует Василий, обучено владению оружием и потому огонь по атакующим наносит фашистам существенный урон. Через два дня в его отделении остается четыре человека. Остальные шестеро погибли при отражении атак немецкой пехоты и частых контратаках, когда наши бойцы с криком:

- За Родину, за Сталина, яростно кидались на идущего врага и дрались с ними в рукопашную, устилая подмосковную землю телами своими и телами фашистов.

Во время очередной «обработки» окопов разорвавшаяся в окопе мина ранила Василия. Ее осколок прошел шапку и застрял в кости черепа головы, нанеся довольно серьезное, но не смертельное ранение. В госпитале подлечили быстро. И сразу на передовую с полузажившей раной. Фронт были нужны люди, так как наступил переломный момент, и предстояли жестокие бои в гигантском контрнаступлении.

Василию на этот раз повезло в том, что ранение получил в окопе, а не вовремя контратаки, оставшись лежать на поле боя. Выносить раненых не было сил, и времени. Когда пехота советских войск перешла в решительное наступление, раненых и убитых убирала с помощью бульдозеров, делая проходы из завалов трупов. В памяти Василия навсегда запечатлится этот страшный момент, когда многие из этих куч подавали признаки жизни, шевеля рукой или ногой. И это все приходило и повторялось в снах ветерана не однажды, будя среди ночи и навеивая воспоминания той битвы.

За бои под Москвой Василий Иванович был награжден орденом Красной Звезды.

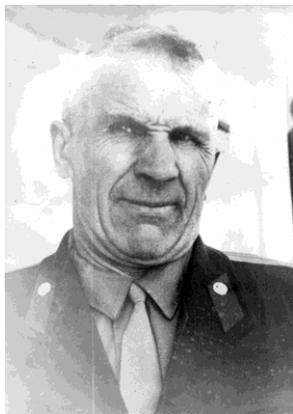
Летом 1942 года его часть вышла к Дону к Полю Куликову, где были разгромлены остатки войск Хана Мамая, получившего поражение под Москвой от воска москвитян. Вновь разгорелись тяжелые бои. Василий был ранен в ногу и после обработки в медсанбате, немного подлечился в полковом госпитале. Как только нога немного поджила, его снова направили на передовую. И снова бои. От близкого взрыва снаряда повредило осколком руку и еще не зажившую как надо ногу.

Пока лежал в госпитале войска пошла вперед. За ними переехал и госпиталь. Требовалось серьезное лечение. Некоторые тяжелораненые, не пригодные к строевой и нестроевой службе, самостоятельно отправились в стены на лечение спасительного госпиталя. Опираясь на сломанную винтовку, Василий вместе со многими направился на поиски госпиталя. Ему повезло. Санитарная машина подобрала бредущих в тыл раненых бойцов и доставила в город Тулу, в госпиталь. Ранения оказались серьезными и вскоре его перевели в госпиталь города Горького. Летом 1943 года он был комиссован из рядов армии по ранению и вернулся в родные Олонки, получив за боевые заслуги вторую награду, орден Красного Знамени. На этом война для Василия закончилась, началась мирная жизнь. Если это можно назвать так. В своих Олонках он становится участковым. Время трудное, каждый мужчина на учете.

Преступность процветала и с ней необходимо бороться. После окончания войны прошел курсы кинолога и работал с собаками в Иркутске. Довелось поработать и в транспортной милиции. Последние годы нес службу в Усолье-Сибирском. В общей сложности, прослужив более тридцати двух лет, ушел на пенсию в звании старшего сержанта.

Жил в частном доме, а когда подступила немощная старость, перешел жить в двухкомнатную квартиру. Болят у ветерана руки, ноги от старых ран, чаще привязывая к койке. Долго не сдавался болезням запаленный ветеран. Но время берет свое. Не стало фронтовика и достойного милиционера. Но память о нем живет в сердцах живых, оставляя его в рядах милиции, и ее приемника – полиции.

ОНИ ТАКЖЕ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

Рудых Василий Максимович

Серебряков Анатолий Степанович

Коновалов Петр Васильевич

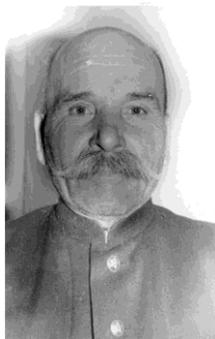
Никандров Иван Никондорвич

Акулов Иван Тихонович

Довженко Петр Семенович

Зубков Пётр Яковлевич

Грозин Александр Ефимович

Родился 22 октября 1926 года в нашей Иркутской области, в деревне Знаменка Жигаловского района, что стала его родиной. Там он пошел в школу и окончил семь классов. По тому времени это было довольно серьезное образование.

Началась война. Подошел срок призыва, и он оказывается в действующей армии (готовящейся действовать). Велась активная подготовка наших войск на Дальнем востоке, в Забайкалье оборонительных сооружений в зонах соприкосновения с Японской армией.

Александрю исполнилось лишь восемнадцать лет. Под призыв попали молодые люди 1926 - 1927 годов рождения, оторванные от плотницкого топора, рычагов трактора.

Тяжелый крестьянский труд с самого раннего детства, уважение добытого тяжелым трудом хлеба, его нетерпимость к бездельникам и тунеядцам, к ворам и хопугам, теми людьми, кто ступил на тропу преступности, определило его будущий путь, который он пройдет всю свою сознательную жизнь.

Тяжелая жизнь досталась Александрю. Мать умерла, когда ему было всего три года. С отцом и братьями приобщился к нелегкому крестьянскому труду и быту. Чтобы прожить, работали день и ночь, почти без выходных и праздничных дней.

На границе с СССР стояла могущественная 1200000 Японская Квантунская армия. В ноябре 1943 года он становится курсантом учебного центра. Началась тяжелая учеба по подготовке хорошего специалиста.

Осваивать, в основном, пришлось артиллерию, 76-ми пушки. Дополнительно освоил навыки и умения радиста. Учили уничтожать танки веро-

ятного противника, живую силу, доты и дзоты. В мае 1943 года Александр направляют на Забайкальский фронт, которым командовал Г.Я. Малиновский.

Назначили в 36-й отдельный противотанковый дивизион ПТР, 92-й дивизии.

Летом 1945 года на Восточный фронт стали прибывать дивизии с Западного фронта, почти 40 частей. Численность наших войск в 1,9 раз превосходила численность японских войск. Готовившая серьезный удар. Вопреки пакту о взаимном не нападении, подписанном правительствами еще в 1940 году. 8 августа 1945 года наши войска пошли в наступление. К исходу первого дня боев, армия, в составе которой был Александр, продвинулась на 40 километров, форсировав реку Аргунь. Шли дожди, дороги размыло что затрудняло продвижение наших войск. Но наступление было стремительным, не смотря на потери. Все лишения испытал и Александр со своей батареей. Они едва-едва успевали двигаться за танками, которые шли к городу Бухэду. Здесь они встретились с организованным, яростным сопротивлением японцев.

Это был один из мощнейших укрепрайонов, созданных японцами. Разгорелись тяжелые бои. Японцы повели контратаки, пытаясь уничтожить наступающие советские войска.

Войну Александр закончил в городе Далянь, неподалеку от Порт-Артура. Служба его в рядах Советской Армии продолжалась до 1950 года. Здесь он встретил свое счастье, Валентину Васильевну, с которой, рука об руку, прожили всю жизнь. Молодожены поселились в городе Усолье-Сибирское. Александр поступил на работу в органы внутренних дел. Службу начал в звании старшины милиции. Поначалу расследовал дела по автодорожным преступлениям и направлял их в суд. Затем перевелся на работу в отдел вневедомственной охраны при Усольском ГОВД, получив офицерское звание. Работал в качестве старшего инспектора, имея в своем подчинении несколько бригад сторожевой охраны. Вел активную борьбу с хищениями на предприятиях, организовывая для этой цели, так называемые «рейды», с привлечением для предотвращения этого негативного явления сил и средств общественности.

Уйдя на пенсию по возрасту в 1996 году, в звании майора, Александр Ефимович не остался в стороне от дел и в своем родном отделе вневедомственной охраны продолжил работу, возглавив бригаду сторожевой службы. Здесь он работал еще девять лет, охраняя собственность предприятий и учреждений.

Последние годы, годы своей жизни проживал с женой по улице Молотовой, в квартире, принадлежащей городскому Совету ветеранов, предоставив свою квартиру дочери.

В 2011 году заслуженного ветерана не стало. Ушел из жизни последний из оставшихся в живых участника Великой Отечественной Войны, стоявших на учете в Усольском городском отделе милиции.

Вечная память и слава в лучах солнца людям, спасшим мир от коричневой чумы, подарившим нам, их наследникам дальнейшую жизнь.

Родина не забывает своих героев, отличая заслуги и вехи пройденного жизненного пути. Александр Ефимович награжден медалью «За победу над Японией», орденом «Отечественной войны» 2-й степени и другими 16-ю, уже мирными, достойными наградами.

Артиллерист

Шёл август 1945 года. Закончился период тяжёлых, изнурительных работ по строительству укрепленных районов. Солдатам было тяжело, но ещё больше страдали они от недоедания. Всю оставшуюся послевоенную жизнь Александр с горечью вспоминал, как от этого пострадал его самый лучший друг и сослуживец. Как и многие, он часто был голодным и обомлелым до отчаяния. Однажды не выдержав, швырнул лопату на бруствер и громко, с отчаянием, проговорил: - отдал бы всё это Забайкалье за буханку хлеба! - Тише ты, услышать могут, - одернул Александр неосторожного сослуживца. Но было поздно. Глаза и уши у НКВД были повсюду. Не придав серьёзности этим словам, они просчитались. А на следующий день в батарею пришли работники НКВД и арестовали близкого друга. С тех пор Александр навсегда потерял его след.

Было очень трудно. По утрам, выходя из землянок, бойцы не узнавали друг друга, хоть плачь, хоть смейся. Всё лицо было затянато копотью от чадающих дымом светильников, изготовленных как газогенератор для сварки, где, в качестве топлива, использовали карбид. Они же давали и тепло. Всё это было позади. Как и, оставшаяся в прошлом, учёба в центре подготовки артиллеристов. Александр вспомнил, как их учили опытные офицеры. Готовили серьёзно и упорно, без всякой скидки на возраст и образование. К маю 1944 года он стал заряжающим, параллельно освоив обязанности ездового конной упряжки и стрелка. Освоил работу на рации. Учили их уничтожать танки, дзоты и

живую силу противника из противотанковых 76-миллиметровых орудий. Трёхдюймовую пушку Александр освоил отлично, мог заменить любой номер. На итоговых стрельбах даже получил похвалу комбата; навешенное им орудие, разнесло вдрызг макет танка. И вот он в составе 36-ого отдельного истребительного дивизиона, готовится вместе со всеми к предстоящим боевым действиям. Артиллеристы должны были ударить всей своей огневой мощью по укреплениям противника. Подвезли боеприпасы, лошадей отвели в укрытие - небольшой овраг за сопкой. Вести наступление пехоте, даже при поддержке танков, было бессмысленным и могло принести

большие неоправданные потери. Александра вызвали к командиру разведки, лейтенанту Фёдорову. Войдя в землянку, он увидел, что кроме начальника находится здесь и, хорошо знакомый ему, сержант Петрик, командир одного из орудий батареи.

- Товарищ лейтенант, рядовой Грозин прибыл.

- Проходи, Александр, присаживайся к столу.

Грозин садится на табуретку и внимательно смотрит на офицера. Лицо доброе, круглое, он походит на обычного русского парня. Его внимательные глаза осматривают сидящих бойцов.

- Вот, что, ребята, дело такое. Вам предстоит скрытно пройти в квадрат 14 - 27.

Он достал карту, расстелил её на столе.

- У командования есть предположение, что там сосредоточено большое количество артиллерии и танков. Возможно, немало и пехоты-самураев.

- Товарищ лейтенант, этот квадрат в десяти километрах от линии фронта, и он недосыгаем для нашей противотанковой батареи. Здесь уже нужны гаубицы.

- Всё правильно. Если там сосредоточен «броневой кулак», то в первую очередь достанется нам. А вы разведчики опытные, сможете пройти незамеченными. Если опасность возникнет, то нам помогут соседи-артиллеристы.

Александр и раньше доводилось ходить в разведку, картографию он знал отменно, и умел прекрасно ориентироваться на местности. Под стать ему и Сергей. Приходилось и ему бывать в тылу у японцев, нанося на карту обнаруженные огневые точки и танки.

- Нужно поторопиться. Перед началом артобработки, мы должны уже иметь данные. Вот вам карта, будете ориентироваться по ней. Отправляйтесь немедленно. Личные документы оставьте здесь. Возьмите радиостанцию с резервной батареей питания. На частоте 36 МГц будет постоянно дежурить радистка. Ваш позывной - Огонёк, базовый - Пламя.

Начальник разведки передал Александру карту и, совсем не поставному, сказал:- ну, с Богом, ребятки. Жду вас в семь утра.

Сдав документы, бойцы вышли из землянки и отправились на свою батарею для экипировки. Дело предстояло серьёзное, поэтому снарядиться в дорогу требовалось основательно.

- Компас, бинокль, карта, гранаты - перечислял Александр содержимое вещевого мешка, укладывая его так, чтобы ничего не брэнчало в пути.

- Вода, сухой паёк - и он завязал свой вещмешок, уложив всё необходимое. Перед выходом тщательно изучают свой маршрут по карте. Вооружены так, чтобы, в случае обнаружения, подороже продать свою жизнь.

И вот они в пути, установив угол направления в нужный квадрат по компасу. Старшим группы назначен сержант Петрик. Он идёт впереди, Александр следом. В пути надо обходить населённые пункты и укреплённые районы японцев, которые за долгие годы противостояния были уже известны и нанесены на карту. Десяток километров вроде не так и много, но это если идти днём и по ровной дороге. А здесь приходится идти ночью и по бездорожью и постоянно помнить, что находишься в тылу у японцев.

- Будем надеяться на Бога, да полагаться на то, что карта соответствует действительности - размышлял Александр, внимательно посматривая по сторонам, - не сбиться бы с пути.

Они, словно тени, скользили в ночи по земле, ещё занятой врагом. Через час пути они решили остановиться и свериться с картой. Собравшись в кружок, накрывшись плащ-палаткой, они включили фонарик, разложили карту и стали сверять по компасу угол своего движения. Пока отклонений от маршрута не было.

- Отлично, идём дальше.

Пришли к намеченному квадрату быстро, без всяких встреч и контактов с противником, вовремя обходя опасные места.

Вот и квадрат 14-27. Что дальше, товарищ сержант? - спрашивает Александр.

- Обходим его по периметру, устанавливаем наличие техники.

Тихо ступая, они идут вдоль колючей проволоки, вглядываясь в темноту, изредка пересекаемую светом прожекторов. Танки, орудия, автомашины стоят стройными рядами. Их много, очень много.

- Александр, считай танки, а я буду считать пушки - прошелестел в ночи шёпот Петрика. Они продолжают двигаться, стараясь избежать попадания в полосы света прожекторов. Обойдя медленно базу, они уже имели представление о количестве техники.

- Всё ясно, уходим - приказал сержант.

Пройдя около километра, они прямо в поле развернули радиостанцию. Установив частоту радиопередачи 36 МГц, Петрик, одев наушники, говорил

тихо в микрофон: - Пламя, Пламя, я - Огонёк.

Ответ последовал незамедлительно: - Огонёк, я - Пламя, доложите обстановку.

- В квадрате 14-27 до сотни танков, не менее двухсот орудий.

- Огонёк, я - Пламя. Вас понял, возвращайтесь.

Задание было выполнено и, сложив рацию в вещмешок, они осторожно продолжили свой путь. На душе было легко, Александр, несмотря на усталость, шагал бодро.

- Неплохо бы сейчас перекусить и выпить стакан горячего чая - думал он. В 6.00, благополучно перейдя линию фронта, группа была уже в своём расположении. Бойцы сразу прошли в землянку лейтенанта Фёдорова, доложили о результатах разведки. Он внимательно выслушал доклад сержанта: - в квадрате 14-27 скопление танков и артиллерии.

- Молодцы, ребята. Буду ходатайствовать о вашем награждении. Александр с Сергеем быстро переглянулись и недружно ответили: - слушим Советскому Союзу.

- Сдайте радиостанцию, перекусите и отправляйтесь на батарею. Передохните там немного, но скоро вы будете нужны.

И вот наступило, наконец, утро 8 августа 1945 года, которое с таким нетерпением ждали все, от рядового до генерала. Сколько долгих лет все

ожидали этого торжественного момента. И вот он настал. Батарея приведена в боевую готовность, снаряды досланы затворами в казённые. Капитан Лаврентьев, командир батареи, стоя рядом с радистом, немного нервничает, то и дело, поглядывая в бинокль, висящий у него на шее. Свой временный командный пункт он сделал в центре, неподалёку от орудий.

- Приказа нет - доложил ему радист.

- Значит, изменений пока нет. А уже без десяти минут семь. Александр поставлен заряжающим пушки. Он физически крепок, обладает сноровкой, умеет быстро заряжать орудие и быстро подносит нелёгкие снаряды.

По команде комбата наводчики устанавливают стволы пушек. Цели давно известны. И сектор обстрела, в данный момент, один на всю батарею. Капитан смотрит на часы и, как только, стрелки сомкнулись вместе на цифре семь, скомандовал: - батарея, огонь!

Команда быстро дублируется командирами взводов и орудий: - огонь! Ударили сразу все четыре ствола. Комбат смотрит в бинокль. Снаряды фугасные, разрывы видны отчётливо. Простреливался передний край противника. В тылу забухали крупнокалиберные пушки. Их снаряды, с шелестом, понеслись в сторону расположения японцев.

- Беглый огонь по два снаряда - громко прозвучала команда капитана. Снаряды легли точно в цель. Батарея, крупнокалиберной очередью, выпускает серию снарядов по позициям противника. Комбат видит в бинокль, что снаряды точно попадают в цель.

- Ориентир два сто пятьдесят три. Прицельным. Огонь!

- Вправо, триста, фугасными. Огонь! - корректирует он траекторию снаряда. Снова рывкнула одиночным выстрелом батарея.

- Точно в цель. Беглым, по три. Огонь!

И снова заговорила батарея, накрывая другую цель.

Разрывы крупных гаубичных снарядов, рвущихся в глубине японского расположения, слышались тяжёлым раскатистым эхом. Ударили из всех видов орудий, ясно были видны хвосты реактивных снарядов «Катюш». Из-под пилотки Александра стекают струйки пота. Его руки так и мелькают, загоняя снаряд за снарядом, около орудия уже выросла куча дымящихся, стреляных гильз. Но стрельба не прекращалась, ни на минуту. Наконец, последовала команда комбата: - прекратить огонь! Подготовить батарею в походное положение.

В бой пошли танки и пехота, минуя батарею с обеих сторон. Бойцы подогнали лошадей, груженных зарядными ящиками, и Александр с наводчиком стали укладывать в них оставшиеся снаряды. Подцепили лафет и доложили командиру взвода о готовности.

- Отлично! Ждите дальнейших указаний.

Пошёл, по-осеннему, мелкий и затяжной дождь, который сейчас никому не был нужен. Наступать, барахтаясь в непролазной грязи, трудно и тягостно. Но война катится к концу, и радость бойцов не спугнёшь дождём.

- Батарея, вперёд! - раздалась команда комбата.

Команда прозвучала, как прекрасная музыка. С большим энтузиазмом двинулись в путь. Александр был ездовым на первом орудии. Ему приходится прокладывать путь остальным, следуя за конём комбата. Колёса двуколки то и дело проваливаются в вязкую почву, уже обильно пропитанную дождями. Не легче приходится и другим расчётам.

- Ах, ты, рыжая bestия!

- Пошла, кляча орловская! - то и дело слышались незлобные ругательства ездовых, понукающих своих лошадей. Пехота и танки, подавляя слабо сопротивляющегося противника, неумолимо шли и шли вперёд. Артиллеристы старались не отставать, чтобы оказать вовремя огневую поддержку наступающим. Незаметно подобрался к реке Аргунь. Река не широкая, но быстрая. Японцы решили оказать сопротивление, используя естественную преграду. Форсировав реку, их части закрепились на берегу, приготовившись к боям. Подошедшие наши танки сходу открыли огонь по огневым точкам, которых было немало на другом берегу. Подошедший 36-ой дивизион, развернувшись, открыл огонь, поддерживая танковые орудия, выковыривая зарывшихся в землю японцев. Били почти в упор, прямой наводкой, стараясь попадать в скопления пехоты и орудийные расчёты японцев. Подавив основной огонь огневых точек, они дали возможность сапёрам начать свою работу по прокладке понтонных мостов, прикрывая их работу интенсивным пулемётно-артиллерийским огнём. В воздух летели остатки дзотов, огневых точек, люди вперемешку с брёвнами. Александр, отведя лошадей в укрытие, опять занял номер заряжающего. Несмотря на морозящий дождь, то и дело подавал снаряды в казённые пушки. В тот самый первый день боёв батарея с войсками выдвинулась вперёд на сорок километров. Теперь направление главного удара наших войск стал город Бухэду. В этом районе было сосредоточено несколько укреплённых районов, и здесь японское командование приняло решение дать решительный отпор советским войскам. Артиллеристы с любопытством пытались рассмотреть в бинокль незнакомый им город. Орудия уже развёрнуты и приведены в боевую готовность. Батарея разместилась на одной из окраин, неподалёку от жилых домов. Сразу же, не теряя времени, открыли огонь по целям, которых было предостаточно. Несмотря на это, японцы начали контратаку. Около сорока танков пошли одновременно на временные позиции наших войск. Рассыпавшись по фронту, они лавиной катились вперёд, не считаясь с потерями.

- Орудия на прямую наводку - поступила громкая команда. Это приказал комбат, который следил за обстановкой на поле боя через бинокль. Пушки установлены, наводчики прильнули к прицелам, подгоняя параметры установок. Огонь танковых пушек врага становится прицельней, снаряды стали падать в расположение батареи. Их огонь становится всё губительней. Повредило одно из четырёх орудий, ранило двух бойцов. Батарея вела непрерывную стрельбу, от громких хлопков снарядов закладывало уши.

Боеприпасов было достаточно, и поэтому стреляли без остановок. От близкого разрыва ранило наводчика орудия.

- Грозин, встань за наводчика - командовал ему командир орудия. Быстро встав к панораме, он прильнул к окуляру прицела, выискивая самые ближние цели. В перекрестие попал ближний танк, идущий прямо на батарею. Не спеша, орудия маховиками, подводит Александр перекрестие на нижнюю часть башни. Орудие уже заряжено и он, командовав самому себе

- огонь! - дёргает за шнур спускового рычага. Прильнув к прицелу, видит, что танк резко остановился и выпустил клубы чёрного дыма. Поворот маховика вправо и в перекрестие попал другой танк, идущий чуть правее подбитого. Введя корректировку, он снова подводит перекрестие в боковину танка.

- Огонь!

Опять резкий хлопок, от которого танк останавливается и начинает гореть.

- Молодец, Грозин! - похвалил капитан Лаврентьев, - это уже третий на твоём счету. На батарею вело наступление подразделение смертников, в чём и убедились вскоре бойцы. Из танков выпрыгивали десантники и вместе с пехотой, укрывавшейся за танками, шли в атаку с винтовками наперевес, на которых тускло поблёскивали плоские штыки. Опасность грозила уже не от танков, большая часть которых стояла, как вкопанная и горела, а от наступающей пехоты.

- Занять оборону! - раздалась команда комбата.

Александр, сняв с плеча удобный лёгкий кавалерийский карабин, залёг вместе со всем расчётом неподалеку от своего орудия.

- Жаль, что нет шрапнели, - подумал он, - дали бы им прикурить. Он тщательно, передёрнув затвор своего оружия, начал прицеливаться. Он увидел самурая и, как можно точнее, навёл мушку на его грудь, и нажал спусковой крючок. Выстрел! Что за диво? В том месте, где бежал самурай, вздыбился огромный столб огня и дыма. Человек буквально испарился в воздухе, потянув за собой на тот свет ещё нескольких, находящихся поблизости.

- Ага, значит, был заминирован - подумал Александр и понял в этот момент, что это смертники.

Частый огонь артиллеристов из стрелкового орудия много врагов выбил из их рядов, но их ещё много оставалось. Большая часть контратакующих, разрозненными и нестройными цепями, всё же приблизилось к залёгшим бойцам. Александр бросил заранее приготовленную гранату, которая попадала в ряды атакующих и громко хлопнула. Его примеру последовали и другие, чем внесли замешательство в ряды японцев. Многие из них с громкими криками падают. Но вот два японца уже совсем близко, сумев прорваться сквозь огонь. Стрелять из карабина бесполезно, да и в его магазине уже нет патронов. Крепко зажав карабин в руках, Александр поднялся с земли. Быстро встали и другие бойцы. Маленький, щуплый

японец несётся прямо на него с большой винтовкой, висевшей у него на веревке, вместо ремня, а штык ее направлен Александру в грудь. Мгновенным ударом, он уводит смертоносный клинок в сторону. Замечает, что лицо японца молодое и безусое, искажено страхом. Александр ударил его прикладом и, не оглядываясь, продолжает рукопашную схватку.

Бой был жестокий, но скоротечный. Мгновения и реакция решали, кому жить дальше, а кому умереть. Второй самурай шёл следом за первым.

- Но что это?!

Александр видит, что японец приводит в действие взрывное устройство, находящееся на его теле. Раздался взрыв такой огромной силы, что Александр перестал слышать. В лицо ему брызнули остатки плоти и одежды японца, но, ни один осколок, не зацепил его. Подоспели наши пехотинцы, и контратака японцев отбита. Часть японцев взята в плен. Александр смотрит на, когда-то, грозных вояк, понуро стоявших в кучке, побросав на землю винтовки и подсумки с патронами. Задержаться в городе не пришлось, войска наступали непрерывно и стремительно.

С боями приближались к городу Далянь, расположенному недалеко от Порт- Артура. Время летит быстро и незаметно, идёт уже вторая неделя непрерывных боёв с упорно сопротивляющимися японцами. Дожди закончились, погода стояла замечательная, солнечная и тёплая. Батарея стояла на отдыхе, но орудия были всегда в боевой готовности. Время было обеденным, один из бойцов ушёл с термосом за обедом для всего расчёта. Бойцы с нетерпением ожидали его. Вот, наконец, он появился. В этот момент раздался одиночный винтовочный выстрел с японской стороны.

- Вот, дьявол, попал! - услышали бойцы. Оглянувшись на бойца, ребята видят, как из термоса медленно вытекает каша на землю, а он пытается заткнуть дырку от пули. Стерпеть такого бойцы не смогли.

- Вот сволочи!

- Пообедали!

- Сейчас мы им покажем!

- Грозин, встань за наводчика - приказал командир орудия.

- Видишь большое дерево?

- Да, вижу.

- Наводи под его корень, там притаились.

Александр тщательно наводит перекрестие в нижнюю часть ствола.

- Заряжай фугасным!

Клац! Снаряд дослан затвором.

- Огонь!

Пушка гавкнула, чуть откатившись назад.

- Откат нормальный - по-уставному доложил Александр и стал всматриваться. Выстрел из пушки был абсолютно точен. Разорвавшийся снаряд выворотил дерево из земли, а снайпера и пулемётный расчёт разметало по сторонам. Пулемёт был отнесён взрывной волной далеко в сторону.

- Здорово ты его накрыл! Так и надо! - поздравили Александра ребята, довольные исходом выстрела.

- Давайте обедать, пока оставшаяся каша не остыла.

Война для Александра закончилась после освобождения от японцев города Далянь. А служить ему пришлось до 1950 года. Демобилизовавшись, он устроился работать в милицию. В 1996 году Александр Грозин вышел на заслуженный отдых.

Сержант НКВД

В самом начале 1942 года все силы были брошены для окончательного разгрома гитлеровцев под Москвой. Высшее командование планировало нанести мощный и решительный контрудар, чтобы не допустить немцев в столицу и отбросить их подальше, сняв, таким образом, нависшую над городом угрозу. Шло усиленное формирование сибирских дивизий. Для успешного ведения боевых действий на всех фронтах необходимо было увеличить численность войск НКВД. Их роль, отчасти неодоимая, была неоценимой и необходимой.

В Новосибирск подвозили ребят-сибиряков, разместив их в клубе имени Кирова. В этот раз их было отобрано всего восемь человек. Остальных, не прошедших жёсткий отбор по состоянию здоровья, распределили кого - куда. В число этих восьми ребят попал и Михаил Петрович Шелепов из села Ново-Устюбы Алтайского края. Михаил был молод, ему только исполнилось восемнадцать лет. Он, ещё не познавший жизнь, и не имеющий представления о её ценности, был горяч и рвался в бой. Новобранцев обмундировали, разбили по отделениям и взводам. Не теряя драгоценного времени, молодых бойцов начали обучать военному делу. Учили всему, что могло пригодиться в предстоящих боях. Изучали своё и трофейное стрелковое оружие, приёмы штыкового и рукопашного боя. А,

самое главное, это умение метко стрелять, а также наносить врагу смертельный удар рукой, разбивая на тренировках доски и кирпичи. Михаил был смышленным от природы и хорошим учеником. Он знал, что от его успехов в учёбе зависит не только его жизнь, но и общий успех подразделения. Чувство коллективной ответственности, привитое со школьной скамьи и сейчас поддерживаемое комиссаром, присутствовало постоянно. Такое было время, такие были люди.

Время подготовки было ограничено, фронту требовались бойцы. Михаил всего за месяц получил основательную физическую и боевую подготовку, став настоящим солдатом войск НКВД.

За отличные успехи ему было присвоено звание сержанта. Но вот окончилось время трудного учения, за которое было пролито немало пота. Десятикилометровые марш-броски с полной выкладкой, от которых на телогрейках выступала соль, поначалу выдерживали не все. Но к концу учёбы финиш достигали в полном составе. Они становились настоящими бойцами, способными вступить в бой с врагом. Начался нелёгкий боевой путь для сержанта Михаила и его товарищей. Погрузка батальона в теплушки не заняла много времени. Ранним утром литерный поезд направился на запад. Хотя и называли вагоны теплушками, в них было совсем не тепло, а скорее наоборот. Но молодость и солдатский юмор делали своё дело. Помогали, изредка выдаваемые бойцам, сто граммов, невесть, как добытые старшиной. На фронте их называли наркомовскими.

Колёса монотонно отстукивали свою дробь на рельсах, всё ближе и ближе подвозя необстрелянных ребят к линии фронта. Близость фронта они вскоре ощутили на себе.

- Сержант Шелепов! - Я.

- Возьмите бойца и живо на смену к пулемётам - отдал приказ командир взвода Петренко Иван, молодой лейтенант. Михаил, взяв с собой своего друга Николая, покинул теплушку. Поезд, пыхтя парами, стоял на полустанке, станционный персонал заливал воду из каланчи. Вот и платформа, где установлена противовоздушная счетверённая пулемётная установка и 37-миллимитровая автоматическая зенитная пушка. Пулемёт «Максим» был хорошо знаком друзьям. Приняв смену, Михаил проверил пулемёты. Во всех четырёх - вставлены ленты.

- Вот и хорошо - подумал Михаил - из четырёх стволов надёжнее.

Он взялся за ручки и проверил ход турели, всё работало чётко, без заеданий и больших усилий. Дул сильный ветер, пронизывающий до костей, несмотря на тёплые полушубки. Но ничего не поделаешь - службу нести необходимо, надо наблюдать за небом, чтобы вовремя увидеть немецкую авиацию.

- Сколько же осталось до фронта? - спросил Михаила друг.

- Думаю, километров сто, не более. - Это совсем близко.

- Да, недалеко осталось.

День был в самом разгаре. В морозном синем небе нет ни облачка.

- Эх, сейчас бы на лыжи, да в лес - подумал Михаил.

- На, бинокль, я уже посмотрелся - перебил Николай мирные мысли Михаила. Сняв рукавицы, Михаил приложил окуляры к глазам. Ничего подозрительного, в небе ни одного самолёта. Время продвигалось к обеду. Ребята замёрзли, переминались с ноги на ногу и хлопали рукавицами. И тут Николай проговорил тихим, взволнованным голосом - вижу три чёрные точки, - и показал рукой в сторону фронта, на запад, откуда приближалась смертельная опасность.

- Надо приготовить пулемёты - мелькнула мысль. Встав за установку, Михаил повернул пулемёты в сторону самолётов. В руках лёгкая дрожь от охватившего волнения. По очереди толкнув рычаги взвода в переднее положение, привёл установку в боевое положение. Точки быстро увеличивались в размерах, уже можно было рассмотреть, что это были три немецких самолёта. Прищурившись, Михаил совместил перекрестие прицела с направлением движения самолётов. Уже видны самолёты со странно смотрящимися выпущенными шасси.

- Фокеры - понял он, и слился воедино с пулемётами. Рёв моторов быстро нарастал, самолёты заходили в голову эшелона, выстроившись цепочкой. Надрывное гудение било по ушам, нервы были натянуты, как струны. Появилось желание упасть на платформу и спрятаться за её железными бортами. Усилием воли он подавил в себе это желание, только раздвинул ноги чуть шире для лучшего упора. На крыльях переднего самолёта засверкали пульсирующие огоньки.

- Бьёт из пулемётов, гад! - догадался Михаил, - пора и мне. Перекрестие прицела никак не совпадало с силуэтом самолёта.

- Угол пикирования - тридцать градусов - вспомнилось ему из теории обучения стрельбе по летящим целям. Он нажал на гашетку, и пулемёты враз ожили все четыре, звеня стреляными гильзами о металлическое дно платформы. Пули понеслись в сторону надвигающейся опасности. Пулемёты строчили безостановочно, переплетаясь с резкими хлопками автоматической защитной пушки, из которой стрелял Николай. Но не так-то просто попасть в летящий самолёт с постоянно меняющимися параметрами из пулемёта. Все поправки делаются на глаз в отличие от зенитки, где автоматический прицел определяет точку встречи пули с целью. Ребята первый раз стреляли по-настоящему, а не по учебным целям, волнение не позволяет прицелиться, снаряды летят мимо. Да и лётчик, похоже, опытный, и умело уходит от встречного огня. Установка бьёт безостановочно, но безрезультатно. За какие-то секунды самолёты пронеслись над эшелонном, поливая его свинцом. Грохнула пара разрывов от сброшенных мелких бомб, но они были в стороне, не причинив существенного вреда эшелону.

- Угол кабрирования - снова появилась мысль-подсказка из теории. О платформу звонко ударили пули, выпущенные с самолёта, но никого из зенитчиков не задела. Завывание моторов самолётов стало стихать. Они не стали заходить на второй круг, видимо, спешили на другое задание, но не упустили возможности обстрелять эшелон.

Наконец литерный поезд прибыл в городок Молодесино, раскинувшийся вдоль реки Двина. Действовали быстро, боясь нового налёта вражеской авиации. Обстановка была, в прямом смысле, угрожающая для советских войск. Закалённая в предыдущих боях, механизированная армия Вермахта давила всей своей мощью. Всё происходило быстро, подразделения формировались с учётом местных требований и немедленно направлялись на линию огня. Оружие выдавалось здесь же, недалеко от стационарных построений. В основном это были автоматы ПППШ и гранаты РГД. Отдельный батальон НКВД, относящийся к железнодорожным войскам (были ещё и заградительные и конвойные), выдвинулся на окраину города, где держали оборону и другие строевые части. Прочёсывать город не было необходимости, враг не мог войти в него, и вёл ожесточённые бои, которые шли не только днём, но и ночью. В тёмное время суток фашисты пользовались осветительными ракетами, от которых всё было видно, почти как днём. Не жалея снарядов и бомб, они без всяких перебоев, обстреливали и бомбили город, надеясь на его скорый захват. Частые пожары возникали повсюду, едкий дым от них расползлся по всем окрестностям. Каждое утро, словно по утверждённому графику, предпринимались атаки бронетехники, за которой следовала пехота.

Глазам бойцов предстало поле сражения. Несколько подбитых танков так и остались стоять на подступах к городу. Ещё чадающие едкой гарью, они казались пугающе чёрными для бойцов, впервые оказавшихся на передовой. Он вспомнил, что преподаватели - офицеры показывали на плакатах во время учёбы технику противника.

- Если верить учебным плакатам - ближе к нам стоит подбитый Т-2, лёгкий танк - сказал Михаил.

Всё было хорошо видно на фоне снега, посеребрившего и изрытого воронками. Отчётливо просматривались трупы фашистов, одетых в странные серо-зелёные шинели, совсем не похожие на наши, советские. Их было немало, разбросанных в различных позах, с раскинутыми руками и ногами. Немцы, неся большие потери, захватывали дом, другой, но отчаянной контратакой, наши бойцы выбивали их из города. Батальон, в состав которого входил Михаил со своим другом Николаем, относился к 14-ой дивизии, командовал которой генерал-лейтенант Крылов. Его усилиями, из всех войск НКВД, сформировали отдельный полк № 213 и выдвинули на защиту железнодорожного моста через Двину. Положение для наших войск было критическим, гитлеровцы вот-вот могли ворваться в город. Взорвать мост не предпринимала попытки ни та, ни другая сторона, он был нужен всем. Кроме этого, была какая-то уверенность в том, что город будет нами удержан. Полк, в скором порядке, вывели к месту назначения, и рассредоточили по обеим сторонам железнодорожного пути в пустующих жилых и производственных зданиях. Немцам противостояли уже довольно серьёзные силы наших войск, хотя и были они сформированы из разрозненных частей. Взвод, в котором находился Михаил, попал в самое пекло сражения. Его, как сержанта, сразу назначили командиром

отделения. Лейтенант Петренко вывел свой взвод на исходную позицию и, вызвав командиров отделения, поставил задачу -занять оборону в доме - и указал на двухэтажный кирпичный дом, до которого было метров сто, не более. Здание находилось вблизи от насыпи железнодорожного пути, метрах в пятидесяти, не более.

- На всякий случай, посмотрю в бинокль - лейтенант в новеньком полушубке, перетянутом ремнями, на боку штатный пистолет «ТТ», также в новенькой кобуре, долго и внимательно рассматривал в бинокль дом и прилегающие окрестности. Было временное послеобеденное затишье, лишь изредка где-то вдали, выстрелы.

- Вроде никого не видно.

Лейтенант боялся, что в доме могут находиться фашисты, и они могут встретить взвод огнём. На открытой местности - это верная смерть.

- Сержант Шелепов! - Я.

- Давай вперёд со своим отделением. Если что, прикроем огнём - отдал приказ взводный и повесил бинокль на грудь.

- Пошли.

Отделение метнулось к дому, низко пригибаясь и держа наготове оружие. Им повезло, дом оказался пуст. В нём не было ни фашистов, ни жильцов. Убедившись в этом, Михаил подал знак своим, помахав руками. Взвод в полном составе занял комнаты дома, из окон которых можно было вести огонь по наступающим немцам. Едва успев рассредоточиться и оглядеться, Михаил заметил приближающихся фашистов. Руки непроизвольно ухватились за автомат. Его отделение занимало помещения верхнего этажа.

Своего друга Николая с пулемётом РПД, он оставил при себе. Они расположились в центре здания, в одной из жилых комнат. Стёкла в окнах ещё были кое-где целые, а по углам стояла целёхонькая немудреная мебель. Жильцы покинули свои квартиры, по всей видимости, давно, уходя от постоянных обстрелов. Времени нет осматривать обстановку комнаты, нужно торопиться. Михаил отыскал пару табуреток и поставил рядом с окном, в котором были выбиты все стёкла. На один табурет уселся сам, на другой положил запасной магазин к своему ПППШ и гранаты, вставив в них запалы. Николай также, глядя на командира, готовил свою огневую точку, положив пулемёт на подоконник. Взвод успел рассредоточиться и занять оборону. Позиция была удобна, пространство впереди, как на ладони. Из окна хорошо видна насыпь и всё, что там происходит. Михаил пристально смотрел на железнодорожные пути в сторону ожидаемой опасности. И, конечно, это было не напрасно. Не нужно было и в бинокль смотреть, чтобы увидеть появившихся фашистов. Их плотные цепи двигались с правой и с левой стороны железнодорожных путей. Шли не торопясь, и не пряча, прощупывая оборону красноармейцев.

- Эх, не успели перекусить - с сожалением подумалось Михаилу. Есть хотелось так, что сосало под ложечкой. Мысли о еде пришлось отставить.

Он встал на колени и прицелился, определяя, как лучше и удобнее ему будет стрелять. До фашистов ещё далеко, не менее трехсот метров.

- Без команды не стрелять - послышалась негромкая команда взводно-го, который также расположился на втором этаже. Михаил уже отчётливо видел гитлеровцев, идущих осторожно, с оружием наизготовку. В лучах солнца поблёскивали штыки винтовок, качающиеся в такт шагов. Он посмотрел на Николая и увидел, как его друг замер, крепко прижав приклад пулемёта к плечу, готовый в любой момент открыть огонь. Уже отчётливо видны ненавистные серо-зелёные шинели, стальные каски на головах фашистов. Относительную напряжённую тишину прорезала команда - Огонь! - и, сразу же, очередь из ручного пулемёта. Это было сигналом к открытию общего

огня. Поддакивая ему, застучали очередями автоматы. В их перестук вписывались резкие щелчки трёхлинеек. Со стороны фашистов раздалось несколько ответных выстрелов, несколько человек упало. Они быстро повернули назад, уходя из-под огня. Михаил, сгоряча, дал ещё одну короткую очередь вслед им, но остановился, понимая, что немцы в зоне недосягаемости. Стрелять - значит напрасно тратить боезапасы, а они ещё пригодятся.

- Без огневой подготовки не хотят идти в атаку. Дадут нам сейчас жару - только и успел подумать Михаил. На советских солдат обрушился шквал огня немецкой артиллерии и миномётов. Сплошной вой, и свист слились почти в одно с гулками разрывами, лишая способности думать. И снова Михаил испытал этот жуткий страх, который заставил всё его тело вжиматься в пол. На спину сыпалась отбитая с потолка и стен штукатурка с известью и пылью. Сколько прошло времени с начала обстрела, для Михаила было неизвестно, он совершенно утратил чувство отсчёта времени, но ему казалось, что прошло не менее часа. Время исказилось в своём привычном русле, с момента начала огневого налёта не прошло и десяти минут. Но вот разрывы стали отдаляться в глубину города, и этот дикий кошмар прекратился. Появилась возможность слышать и сообщать. Михаил поднялся с пола и стал отряхивать прилипшие куски и пыль.

- Приготовиться к отражению атаки - послышался громкий голос командира взвода.

Немцы не заставили себя ждать долго. Едва успел Михаил очистить свой автомат от пыли и грязи, как появились их первые цепи. Опьянённые успехами артобстрела, они решили любой ценой взять город, не считаясь с потерями. Они рвались вперёд, устилая землю своими и русскими трупами. На этот раз фашистов было много, очень много. Они плотным, тёмным валом надвигались на притаившихся, оглушённых разрывами, бойцов. На этот раз их подпустили немного ближе, на расстояние не более сотни метров. Ударили дружно, смертоносным огнём всех стволов. Первые цепи были буквально сметены градом пуль. Михаил стрелял короткими очередями, стараясь тщательно прицеливаться, и не тратить напрасно патроны. Вот он приметил, как высокий офицер машет пистолетом, под-

гоняя оробевших солдат вперед. Да и сам он не прятался, видимо, чувство временного успеха вскружило ему голову. Михаил быстро перевёл ствол автомата в его сторону и начал стрелять длинными очередями, стараясь попасть в эту зловещную фигуру. Автомат затрясся, как лихорадочный, в его крепких руках, сея смерть среди фашистов. Ноги офицера подкосились и он, словно подрубленный, свалился на землю, широко раскинув руки. Вместе с ним упало ещё несколько фашистов, находящихся поблизости от него. Не выдержали гитлеровцы такого шквального огня пулемётов и автоматов наших бойцов. Понимая, что все могут погибнуть под пулями, они откатились назад, огрызаясь огнём. Сменив диск у автомата, Михаил дал вслед убегающим фрицам пару коротких очередей. На белоснежном пространстве осталось лежать не менее сотни трупов. Озлобленные неудачной попыткой, фашисты вновь ударили из всех артиллерийских стволов и труб миномётов, сосредоточив огонь на уже выявленных точках сопротивления красноармейцев. Всю свою мощь они обрушили на передний край, особенно на строения, в одном из которых находился Михаил. Со звоном трескалось и сыпалось кусками стекло из оконных рам, на спины валились куски битого кирпича, порой до боли ударяя крупными кусками. И снова идут мучительные минуты ожидания конца этого кошмара. Но и этот обстрел закончился, резко и необычно стало тихо. Лежать на полу надоело, Михаил быстро встал и отряхнулся.

- Ты жив? - спросил он Николая.

- Жив пока - ответил тот.

- Значит, ещё повоюем.

- Может, немного перекусим?

- Можно.

Достав из вещевых мешков немудреные припасы, они, устроившись за столом, стали нарезать хлеб, открыли банку рыбных консервов, которые успели подмёрзнуть. Да и хлеб едва резался острым ножом. Михаил, орудуя ножом, доставал смёрзшиеся куски рыбы и быстро жевал. Нужно было торопиться, вот-вот пойдут в атаку гитлеровцы. А ещё необходимо было успеть зарядить патронами запасной диск. Этим они сразу и занялись, покончив с едой.

- Как у вас тут дела? Все живы? Раненых нет? - к ним подошёл командир взвода, весь запыхлённый и чумазый.

- Всё в порядке - доложил Михаил своему командиру.

- Держаться до последнего - сказал он и пошёл к другим бойцам своего отделения, расположившихся рядом, в самой большой квартире.

- Ты, Николай, посматривай здесь за фрицами, а я схожу к ребятам.

- Хорошо, командир.

Все пятеро бойцов были живы и здоровы. Только вот внешний вид оставлял желать лучшего.

- Как настроение?

- Всё в порядке, товарищ сержант. Держимся.

- Как с боеприпасами?

- Не мешало, бы, подбросить нам патронов.
- Хорошо, напомню об этом лейтенанту.
- Слав Богу, что все живы - сказал Михаил, возвращаясь к Николаю.
- Кажется, снова началось - такими словами встретил его Николай.
- Явились - не запыхались - пробурчал Михаил, глядя в окно на атакующих гитлеровцев. Немцы, не считаясь с большими потерями, плотными цепями шли на штурм. Стал слышен редкий посвист влетающих в комнату пуль, и их шлёпанье о кирпичные стены.

- Да, серьёзно принялись фрицы за нас - подумал он, и подтянул поближе вещмешок с запасом патронов и гранат. Не дождавшись общей команды, раздались редкие винтовочные выстрелы, застрекотал пулемёт Николая.

Михаил выжидал, подпуская немцев ближе. Огонь его автомата на ближнее расстояние бьёт прицельней. Крепко прижав приклад автомата к плечу, он пристально всматривается в ряды наступающих. Среди них, то тут, то там падали и уже не поднимались убитые и раненые. Послышались короткие пристрелочные очереди наших автоматов. Фашисты уже были в зоне автоматного огня. Он дал короткую очередь и увидел, как фонтанчики пыли, взбиваемые пулями, взвихрились у ног наступавших. Чуть приподняв ствол автомата, Михаил дал длинную очередь, потом ещё и ещё.

- Не торопись - приказал Михаил самому себе, - стреляй прицельней. Короткими, в два-три патрона, очередями он вёл огонь. Вдруг огонь с наших позиций усилился, и в рядах фрицев появились значительные разрывы.

- Наши миномёты - догадался Михаил. И на этот раз немцы откатились, убегая по трупам своих же товарищей.

- Слава Богу, и на этот раз обошлось - подумалось Михаилу, когда он увидел, что противник спешно покидает поле боя. Немцам невозможно преодолеть непокорную русскую оборону. На помощь была вызвана авиация, которая, с надсадным жутким воем, начала бомбить наши позиции. Взрывы следовали один за другим, от них содрогалась земля.

- Командира придавило - издавека слышит Михаил чей-то голос, чей - он не может понять. Небольшая авиационная бомба угодила прямо в здание, разметав крышу и часть потолка. Обрушившиеся стены придавили Михаила своими обломками. Все звуки и образы исчезли, Михаил потерял сознание. Из носа и ушей пошла кровь, но он этого уже не чувствовал. Он не ощущал, как Николай с товарищем несут его вглубь города, спасая от смерти. От тряски носилок он пришёл в себя. Тело пронзила острая боль, словно в него вошла тысяча иголок, стоило ему чуть пошевелиться.

- Всё будет хорошо, Михаил. Мы тебя будем ждать - попрощался Николай, сдав его медицинским сёстрам. Медсанбат располагался неподалёку от передовой, в одном из уцелевших зданий. Но и здесь не было спокойствия, постоянные артобстрелы и бомбёжки. Оперировали прямо здесь только тех, кому требовалась срочная помощь, остальных, наскоро перевязав, отправляли в тыл. Михаилу обработали и перевязали открытые ра-

ны, и, в ожидании транспорта, оставили в одной из комнат. Ночь прошла в забытьё, снова и снова он видел нападающих немцев, видел их злые и беспощадные лица и каски со свастикой на них, кричал и приходил в сознание, а потом опять, от боли, проваливался в никуда. Он опять видел, как гитлеровец пытается ударить его окровавленным штыком винтовки. Окровавленное острое лезвие штыка и чёрное дуло винтовки, несущее за собой ужас смерти вот-вот сделает своё страшное дело. Михаил открыл глаза и почувствовал, что его куда-то несут. Их, тяжелораненых, спешно грузят в полторки и везут на восток, в дивизионный госпиталь. Михаил, весь в бинтах и укрытый шинелью едет в тыл, трясясь на ухабах прифронтовых дорог. Скоро подъехали к большому посёлку, где и располагался госпиталь. Это было деревянное двухэтажное здание, приспособленное под лечебное учреждение. Кровати двухъярусные, по немецкому образцу. От бешеной тряски в дороге Михаил то и дело терял сознание, но когда машина остановилась, он стал постепенно приходить в себя, поглядывая на молоденьких сестёр и санитарок, которые помогали выгружать из машины раненых. Видя их тонкие бледные руки, вымазанные йодом и зелёнкой, помогающие стаскивать и грузить на носилки вновь прибывших, он жалел их и злился на фашистов.

- Такие молодые, а уже на фронте! - размышлял он, пытаясь привстать на носилках, чтобы этим хрупким медсёстрам было легче его нести.

- Лежи, лежи, солдатик - сказала одна из них, - мы уже привыкли к тяжестим. Ободряющая улыбка, предназначенная Михаилу, появилась на её измученном лице.

Переломов костей врач не обнаружил, только тяжёлые ушибы органов. Дня через два Михаил уже смог приподняться на кровати, а на третий опустил ноги на пол. Во время вечернего обхода главный врач госпиталя, майор медицинской службы, Мария Никифоровна сказала: - Живучий ты, Шелепов. Долго жить будешь.

Сидя на кровати, Михаил рассматривал её и всех, кто её сопровождал. Мария Никифоровна, женщина лет пятидесяти, с землистым, от усталости и частого курения папирос, показалась Михаилу самой красивой женщиной.

- Спасибо на добром слове. Пойдём дальше бить фашистов.

- Выздоровливай, на фронт ещё успеешь, - и она направилась к следующему раненому.

Михаилу здорово повезло, тяжёлая контузия, хоть и медленно, но отступала. Его и других раненых лечили трофейными немецкими лекарствами, которые доставили в госпиталь бойцы - разведчики. Разобравшись в подписях и этикетках на упаковках, наши врачи решили применить лекарства для раненых.

- Умеют делать фашисты лекарства - признавали и сами врачи.

В городе уже шли ожесточённые бои. Канонада на западе, где он был расположен, уже не стихала ни днем, ни ночью.

Ходячим раненым врачи разрешали лёгкие прогулки, идущие только на пользу здоровью. Вот и сегодня Михаил вышел прогуляться на свежий морозный воздух. Вместе с ним ещё двое ходячих, приняли участие в прогулке около госпиталя, расположенного в зарослях соснового бора. Очень красивое и уютное местечко. Свежий воздух так и кружил голову. На больших высоких соснах лежали шапки снега. Небо голубое, ни одного облака. И только гул канонады говорил о том, что на земле не мир и благоденствие, а идёт жестокая и беспощадная война.

- Смотрите, смотрите - услышал он взволнованный голос одного из выздоравливающих. Посмотрев в его сторону, Михаил увидел, что тот показывает рукой в небо. Подняв голову в том направлении, он изумился, совсем не ожидая увидеть такое. В небе висели купола парашютов, медленно опускающиеся к земле. Их было немало, не один десяток. Казалось, всё небо было заполнено ими.

- Немцы! Нужно срочно в госпиталь - мгновенно решил Михаил, и спешил вместе с другими ранеными в помещение. Руководство госпиталя уже получило информацию о десанте. В коридорах и палатах шум и волнение, пробегают озабоченные медсестры. Мысли Михаила лихорадочно работали. Присутствие немцев в госпитале закончится трагически для раненых бойцов, фашисты не пощадят никого, даже медперсонал. Это понимали все, но что делать - никто не знал. В комнату, где находился Михаил, вошла главврач. Её бледно-серое лицо было озабочено, оно выдавало её волнение и решительность.

- Может случиться так, что здесь скоро будут немцы. Эвакуировать всех невозможно, придётся защищать самих себя. Прошу тех, кто может держать оружие, выйти во двор. Тёплую одежду получите у завхоза. Оружие сейчас подвезут.

Главврач ушла в другие палаты, нужно было торопиться. В таком деле дорога каждая минута. Михаилу завхоз не нужен, верхняя одежда - шинель - у него есть. Все засуетились, задвигались: кто к завхозу, кто к окну. Михаил быстро вышел во двор, где уже толпились легкораненые, которые могли ходить и держать оружие. Появилась и главврач с группой медсестёр и несколькими пожилыми солдатами, вооруженными винтовками.

- Становись - раздалась команда главврача. Построились, кто, как мог, не считаясь с ростом и званиями, просто в одну шеренгу.

- Товарищи, нельзя пропустить фашистов в город. Десант, который сейчас спускается, будет пробиваться в город. Как вы знаете - это прифронтовая полоса. Всем нам угрожает опасность. Наша задача - защитить госпиталь, хотя это и не так будет просто, и постараться, чтобы фрицы не смогли пробиться к городу.

Только она закончила говорить, во двор въехал «Захар» и остановился перед строем. Из кабины быстро выскочил пожилой усатый военный с погонами старшины.

- Всем получить оружие и патроны, - откинув задний борт и запрыгнув в кузов, командовал он.

- Подходи по одному. Поторапливайтесь.

Старшина быстро раздал оружие, по большей части трёхлинейки, и по паре горстей патронов к ней. Были и трофейные «шмайсеры» с гранатами, имеющими длинные деревянные ручки. Михаилу досталась винтовка и граната. Учить бойцов обращаться с оружием не нужно, все уже были не в одном бою.

- Становись! - раненые, человек пятьдесят, вновь быстро выстроились в стройную шеренгу. Ссыпав патроны в карман, Михаил, вместе с другими, встал в строй. Старшина внимательно смотрел на выстроившихся раненых и медицинских сестёр, которые также получили оружие. На лбу собрались крупные морщины, то ли от напряжённых мыслей, то ли от ярко светившего солнца. За его поясом заткнуты две немецкие гранаты, на плече висит штатный армейский ППШ.

- Разделиться на две группы. Первая останется в госпитале, командовать ею будет Мария Никифоровна. Вторая группа переходит под моё командование. Мы займём оборону снаружи. Бог даст, подоспеет подмога, я уже сообщил командованию о немецком десанте.

Михаил попал в группу, которая заняла оборону вокруг госпиталя. Старшина лично указал каждому место, выбирая естественные укрытия. Михаил укрылся за огромной сосной, приготовив себе из снега небольшой окоп. Просмотрел сектор обстрела и остался доволен. Зарядил винтовку новенькими жёлтыми патронами. Так как обоймы не было, пришлось их просто поместить в магазин. Успели подготовиться к встрече фашистов, как только могли.

- По крайней мере, врасплох не застанут и не перебьют, как овечек - думал Михаил, вглядываясь между деревьев. Старшина поставил его с тыльной стороны госпиталя, и сам расположился рядом. Реденькая цепочка, кое-как вооружённая, приготовилась к смертельному бою. Вскоре раздалась редкие винтовочные выстрелы со стороны улицы, ведущей к госпиталю, застрекотали автоматы.

- Началось - понял Михаил и привёл свою винтовку в боевую готовность. У гранаты скрутил крышечку, расположенную на конце ручки, чтобы в любое мгновение можно было её использовать.

- Целик ставлю на ноль, бой будет ближний - решил он, и передвинул планку прицела на нужную метку. Между деревьями замелькали фигуры немцев, с каждой минутой всё ближе и ближе.

- Пора, из винтовки достану - подумал Михаил и, прижав приклад к плечу, стал выбирать цель.

- Метров триста осталось, возьму чуть выше головы - заработала мысль. Он тщательно прицелился в мелькнувшую фигуру, и нажал на спусковой крючок. Приклад больно ударил в плечо.

- Не долечился ещё, - мелькнула мысль, но думать об этом не было времени. Реальность происходящего завладела им, и он с головой ушёл в бой. Схватившись за грудь руками, фашист повалился на снег. Быстро передёрнув затвор, Михаил стал высматривать новую цель.

- Нужно бить по ближним, иначе забросают гранатами - решил он, и взял на мушку немца, спрятавшегося за деревом и ведущего огонь из автомата длинными очередями. Вспыхивающие огоньки на дуле его автомата почти не гасли. Немец потерял осторожность, торопясь достичь своей цели. Выстрел, и он, уронив автомат в снег, заваливается на бок. Над головой послышался частый свист пуль, некоторые стали впиваться в дерево.

- Заметили, гады. Ничего, главное - побольше их уложить, а там и умереть не страшно.

Михаил и не ожидал, что он окажется таким метким стрелком, но это было так. Его сосед, старшина, стрелял короткими очередями, молча, без слов команды. Вокруг госпиталя разгорелся настоящий бой. Винтовочные выстрелы переплетались с треском автоматов. Михаил уже мог отличить

характерный «лай» немецкого «шмайссера» от нашего ППШ. Стали рваться и

гранаты, пока редко, но их резкие хлопки разрывов стали слышны, то тут, то там. Бой разгорался нешуточный, немцев, по всей видимости, было много. Михаил повёл огонь, не останавливаясь, и опомнился лишь тогда, когда на дне кармана рука нащупала всего несколько патронов.

- Раз, два, три, четыре... всё - он вставил в магазин и подтянул поближе гранату, свою последнюю надежду на спасение. Несмотря на сильный отпор, немцы неудержимо продвигались вперёд. Ещё немного и они сомнут обороняющихся. Сосед старшина бросает одну за другой две гранаты. Михаил инстинктивно вжимается в холодную землю, чтобы не угодить под осколки его гранат. Гитлеровцы замелькали между деревьями и перед Михаилом. Ещё две-три секунды и будет уже поздно. Он схватил приготовленную гранату и, резко дёрнув за выпавший шнурок, изо всех сил бросил вперёд. Он хорошо знал, что взрыв последует через пять, максимум, шесть секунд и, успев поглядеть, куда она упадёт, так же, как тогда, вжимается в мёрзлую землю. Взрыв и одновременный свист осколков слились с криками поражённых фашистов.

- Удачно попал - подумал Михаил - как быть дальше? Он выглядывает из-за сосны, не рассчитывая увидеть что-то спасительное для себя, скорее наоборот. В глубине леса раздались частые выстрелы и почти безостановочная трескотня автоматов, наших и немецких. Михаил догадался, что там идёт другой бой. Он посмотрел на старшину. Тот встал за дерево и осторожно выглядывает из-за него.

- И хорошо, и плохо - подумал он - могут все силы бросить в одном направлении. Фашисты, которые были видны Михаилу, падали один за другим, сражённые пулями бойцов, подоспевших на помощь. Звуки боя стали удаляться в сторону от госпиталя. Немецкий десант был разбит маршевым батальоном, направляющимся на фронт.

- Слава, Богу, пронесло - вздохнул с облегчением Михаил и подошёл к старшине.

- Ну что, старшина, отбились от фрицев?

- Выходит, что так.

Жизнь в госпитале вошла в своё прежнее привычное русло. Привозили раненых с фронта, выписывали выздоравливающих. После такой встряски Михаил резко пошёл на поправку и, через пару дней, стал требовать, чтобы его выписали и направили на фронт. Ему хотелось снова попасть в свою часть. Обстановка напряжённая и врачи хорошо понимали, что бойцы очень нужны. Враг ещё силён и рвётся вперёд, не считаясь ни с какими потерями. И вот Михаил, получив трёхдневный сухой паёк и справку о выздоровлении, был направлен на фронт. В сухой паёк входила и пачка махорки, которую Михаил получил на складе с другими продуктами. Отказываться он не стал, так как за время пребывания в госпитале научился курить. Сначала кашлял от этого обжигающего грудь зелья, но постепенно привык.

Городок Молодёсино не так и далеко, километрах в шестидесяти. Выйдя из госпиталя поутру, Михаил намеревался в тот же день добраться на попутках до него. Ему не терпелось попасть в свою часть, встретиться со своими товарищами, хотя и не так уж долго с ними пробыл вместе. Солнце светило ярко, обещая близкий приход весны. Птицы чирикали, словно тоже радовались теплу. Выйдя из стен госпиталя, он скрутил большую «козью ножку» и, покурив, направился дальше. Ждать попутную машину долго не пришлось. Как едущих в сторону фронта, машин, так и обратно, было предостаточно. Жизнь прифронтовая кипела, бои шли нешуточные. Не все машины останавливались. Многим не было дела до одинокого солдатика, да ещё в форме НКВДшника. Но вот нашёлся сердобольный водитель, притормозил машину. В кузове груз до самого верха, прикрыт брезентом.

- Садись быстро - крикнул шофёр. - времени в обрез.

Михаил быстро влез в кабину, положил свой вещевой мешок себе под ноги. Дав газу, машина резво сорвалась с места. Прифронтовая дорога была та же самая, по которой везли Михаила в госпиталь. Она петляла и виляла, постоянно меняя своё направление от огромных, образовавшихся после бомбежек, воронок и обгоревших остовов машин и бронетехники.

- Не дают «мессеры» покоя, может сегодня нам повезёт, груз-то в машине опасный. Если что - от нас не останется ни клочка - сетовал шофёр, пожилой усатый солдат лет сорока пяти.

- А что везёте?

- Снаряды к пушкам.

- Понятно.

- Бог даст - пронесёт.

Так разговаривая и с беспокойством поглядывая в небо, они стремительно мчались вперёд.

- Протри стёкла - протянув тряпку Михаилу, попросил шофёр, - а то не увидим фрицев вовремя. Ухо Михаила улавливает частую артиллерийскую стрельбу, доносящуюся с левой стороны от дороги.

- Чтобы это могло быть? До фронта ещё далеко - проговорил Михаил.
- Не знаю. Вчера было всё спокойно, никакой стрельбы - и шофёр поддал газу своему старенькому обшарпанному ЗИСу, стараясь не думать, что на любом ухабе они могут взлететь в воздух от детонации снарядов или растеряют ящики с боеприпасами к пушкам.

- Должны проскочить. Если фрицы прорвались - нам хана - шофёр говорил сам с собой, для своего успокоения. Чувствовалось, что он беспокоится. Впереди на дороге Михаил увидел двоих красноармейцев, отчаянно машущих руками.

- Стой, что-то хотят сказать - крикнул Михаил шофёру.

- Не могу, у меня приказ в город доставить снаряды, да и мест нет, чтобы их взять.

- Остановись, здесь что-то не то, - снова закричал Михаил.

- Чёрт с тобой, остановимся - и шофёр нажал на педаль тормоза.

- Что случилось? - выглянул в приоткрытую дверцу шофёр.

- Что везёшь?

- Снаряды.

- А калибр?

- Противотанковые, 76 мм.

Бойцы обрадовались, один из них сказал: - то, что нам нужно. Следуй за нами. Батарея осталась без боеприпасов.

- У меня приказ доставить в город снаряды. Основные бои там.

- Немцы обошли город и пытаются прорваться с тыла. Вовремя выставили заслон, нашу батарею, а боеприпасы закончились.

Бойцы, не сговариваясь, держа в руках пистолеты, встали на подножки с двух сторон кабины и приставили дуло к голове шофёра и Михаила, - поехали! Ничего не оставалось, как подчиниться приказу.

- Давай быстрее, снаряды срочно нужны.

- Хорошо, жму на всю катушку.

Проехали не более километра, как последовала новая команда: - налево! Шофёр резко выкручивает баранку, и машина по наезженной колее устремляется по снежному полю.

- Гони, дорога проверенная - командовал один из бойцов, - батарея по ней заезжала.

Кончилось поле, началось редкое перелесье. Натужено гудя, грузовик взобрался на пригорок.

- Стой, приехали! - прозвучала команда, и они остановились.

- Дальше опасно. Снаряды понесём на себе. Помогайте разгружать, время не терпит.

Выйдя из кабины, Михаил огляделся. Чуть ниже от вершины склона располагалась артиллерийская батарея из четырёх орудий. Они перекрывали рокадную дорогу, по которой пытались прорваться немецкие танки. Впереди видны, чадающие дымом, пять танков и один бронетранспортёр.

- Хорошо поработали ребята - подумал он.

Множество чёрных воронок от разорвавшихся снарядов зияло в зоне расположения батареи. Орудия стоят друг от друга неподалёку, между ними несколько десятков метров, около них суетятся люди. Завидев подъехавший грузовик, большая часть заторопилась к нему. Быстро сбросили брезент, и стали снимать ящики. Михаил вместе со всеми разгружал, подавая ящики сверху вниз. Тишина, царившая на батарее, простояла недолго. Ещё не успели до конца разгрузить машину, как раздался свист и рядом с ними разорвался снаряд. Михаил инстинктивно пригнулся к земле.

- Скорее несите ящики - поторапливал бойцов командир артиллеристов, молодой капитан. Второй снаряд угодил недалеко от грузовика, просвистев над их головами осколками. Водитель сел в кабину, намереваясь возвращаться.

- Эй, пассажир, садись в кабину - крикнул он Михаилу, который нёс ящик со снарядами к одному из орудий. Поставив ящик недалеко от пушки, он, услышав окрик шофёра, направился к грузовику. И тут, прямо в грузовик, попал снаряд. Взрыв снаряда произошёл с детонированием бензобака, и огромный, огненный столб вырос над грузовиком. Ошарашенный увиденным, Михаил остановился, но, тут же, подошёл ближе. Картина последствия попадания снаряда была ужасна. Грузовик, полностью разрушенный, ещё полыхал несгоревшим бензином. Водителя выбросило из кабины, он лежал на снегу, широко раскинув руки. Одежда тлела в нескольких местах. Лицо с обгоревшими усами стало чёрным от копоти.

- Машины нет, как добираться до своих?

Подошёл командир батареи. Он прекрасно видел, к какому роду войск относится Михаил, но, тем не менее, сказал: - скоро снова будет атака танков. Приказать тебе не могу, но предлагаю остаться. Нам люди нужны. Михаил задумался и понял, что его долг остаться сейчас здесь, иначе это будет походить на предательство.

- Куда становиться?

- Иди к первому орудью, там скажут, чем тебе заниматься - капитан указал на ту пушку, к которой ему надо было идти. Это было крайнее, левое орудие. Не теряя времени, Михаил направился к нему.

- Кто командир?

- Я - не отрываясь от бинокля, ответил артиллерист с погонами сержанта.

- Я на подмогу к вам.

Сержант перевёл на него глаза, взгляд которых был быстрый, оценивающий. Он тоже сразу заметил принадлежность Михаила к войскам НКВД, но обстановка не давала времени разобраться.

- Будешь подносить снаряды, а пока отойди подальше от орудия.

- Слушаюсь, - только и сказал Михаил.

Основная часть снарядов сложена с обратной стороны склона для защиты от пуль и прямого попадания снарядов. Оттуда и надо было носить снаряды к заряжающему. Дело немудрёное, обучаться этому не надо, и Михаил начал выполнять, порученную ему, работу. Снаряды в располо-

жении батареи стали рваться чаще, пока не принося особого вреда. Наши противотанковые пушки повели ответный огонь. Михаил видел, как после выстрела, откатывается ствол и из казённого, звеня о мёрзлую землю, вылетает стреляная гильза. Он, подтаскивая ящики со снарядами, наблюдал за орудием, к которому его отправил сержант. Стреляли и другие пушки.

- Снаряды, неси снаряды: - к Михаилу подбежал боец. Вдвоём они бегом кинулись к запасам. Резкие, звонкие хлопки пушек стали звучать всё чаще и чаще. Комья снега и земли вздымались между орудиями от попадающих снарядов. Михаилу становится страшно, ведь снаряд может попасть и в него. Но страх тут, же отступает, и Михаил с бойцом почти бегом несут ящик со снарядами, ставят его около орудия и бегут за следующим.

- Сержант, давай к пулемёту, бей пехоту. А ты, Кравченко, становись заряжающим - скомандовал командир.

- Видишь, убили нашего пулёмётчика, - показывает он.

Михаил смотрит и видит, что пулёмётчик, уткнувшись лицом в бруствер окопа, лежит неподвижно. Из рваной раны на спине течёт кровь, образовав рядом с ним кровавую кашу из снега и чёрной земли. Но руки держатся за пулёмёт, никак не хотят его отпустить. Михаилу потребовались усилия, чтобы разжать сильные, заскорузлые пальцы убитого. Над головой свистели пули, но Михаил уже не обращал на них внимания. Взяв в руки РПД, самый распространённый в нашей армии, ручной пулёмёт, осмотрел его. Рычаг взвода уже находился в боевом положении.

- Этот пулёмёт не ПППШ, с ним воевать можно - подумал он, устраиваясь удобнее на бруствере. Теперь он видит всё поле боя перед собой, а не разрозненные куски. Стрелковая ячейка располагалась недалеко от пушки, метрах в двадцати, и Михаил слышит команды, крики, ругань. Метрах в двухстах от него горят два танка, третий, с перебитой гусеницей, огрызается огнём пулёмёта. Орудийный расчёт бил по нему, пытаясь уничтожить эту машину.

- Т-3, - догадался Михаил, - это серьёзная техника. Ещё два танка двигались на батарею, ведя огонь из пушек на коротких остановках. Прячась за них, плотные цепи фрицев приближались к батарее.

- Вот эти мои, буду отсекает их от танка - подумал Михаил и нажал на спусковой крючок пулемета.

Две короткие, пристрелочные, очереди и пулёмёт застрочил, за считанные секунды, опустошив диск, все пятьдесят патронов. Упали сразу несколько фашистов, остальные медленно, серо-зелёной массой, приближались. Михаил огляделся, увидел, что рядом лежит коробка со снаряженными дисками, два пустых валяются рядом. Бросив пустой диск, Михаил быстрыми движениями вкладывает снаряженный и добывает его в гнездо лёгким ударом кулака, и, тут же, оттягивает рычаг взвода. Пока перезаряжал - фашисты заметно приблизились. Но в этот момент вспыхнул танк, идущий прямо на Михаила. Экипаж был ещё жив, пулёмёт бил по нашим позициям. Оставшиеся без прикрытия фашисты заметались,

попадая под губительный огонь пулемёта Михаила и орудий бойцов. Десятки фашистов нашли смерть на нашей земле. Два танка шли упорно, вот-вот, и они будут утюжить расположение батарей. Артиллеристы засуетились, целились наспех, да и танкисты маневрировали, уходили от огня. Вот, наконец, остановился ещё один танк, выбросив шлейф чёрного дыма. От близкого разрыва немецкого снаряда вздрогнула земля, Михаила чуть не выкинуло из окопа.

По мне стреляют - догадался он, но не испугался. Переполз в сторону, подтянул пулемёт, перезарядил его. Немцы были уже в какой-то сотне метров. Огонь из пушек по танку возымел успех. Последний танк, расстрелянный артиллеристами, вздрогнул всем корпусом и загорелся. Стало легче вести прицельный огонь по немецкой пехоте, откатившейся назад. Танковая атака захлебнулась. Несмотря на одержанную победу, ликования нет. Снаряд разрушил одно из орудий батареи, погибли четыре артиллериста. Такой ценой выполнена задача, фашисты не прошли в город с этой стороны. Михаил устало отложил пулемёт.

Молодец, квдэшник, стрелять умеешь - похвалил его командир орудия, - оставайся у нас, видишь, стрелки нам нужны.

Нет, мне надо к своим, в город.

Иди к капитану, он решит, как быть.

Михаил направился к командиру батареи. Тот смотрел в бинокль на остатки немецкой пехоты, которая продолжала отступать.

Товарищ капитан, разрешите обратиться?

Валяй.

Мне нужно в город, меня там ждут.

Приказывать не имею права, иди. А мы останемся тут. Наши позиции оставлять нельзя.

Дойду до дороги, а там подбросит кто-нибудь до города. Ну, я пошёл?

Ну что ж иди. Спасибо за подмогу. Будет возможность - доложу командованию. Подойди к старшине, предъяви ему армейскую книжку, пусть запишет твои данные.

Спасибо, товарищ капитан. Разрешите идти?

Иди.

Через полчаса, поговорив со старшиной, Михаил уже шагал по направлению к магистральной дороге. Идти легко, дорога идёт под уклон. На плече

Михаила висит трёхлинейка, которую на прощанье ему отдал старшина: - возьми, вдруг в дороге пригодится. Люди убиты, мёртвым они уже не нужны, а тебя она может защитить.

Только спустился Михаил с косогора, как сзади послышалось завывание самолётов, и в районе расположения батареи заухали разрывы авиабомб. Вскоре Михаил добрался до дороги, по которой шли грузовики и колонны солдат. К вечеру он был уже в расположении своей части, добравшись без всяких приключений.

Шёл август 1943 года. Советские войска медленно, но неотвратимо, с кровью и болью, гнали фашистские полчища назад, в их логово. Батальон войск эшелона выгрузились на маленьком полустанке, недалеко от города. Михаил увидел на западе всполохи огня, там слышались разрывы снарядов и бомб. Небо расчерчено длинными хвостами реактивных миномётов «Катюша». В городе идут ожесточённые бои за каждую улицу, каждый дом. Батальон быстро направляется в сторону города. Было решено дойти до города и ждать дальнейших указаний.

- Привал - раздалась команда. Отдыхали немного. Только заалел рассвет - прозвучала команда «подъём». Разведка установила связь с другими частями, границы на картах были скорректированы. Батальон вошёл в город, следуя за ударными частями. Главные очаги сопротивления были уже подавлены, но немцы в городе ещё были. Разрозненные и разбитые, они сбивались в кучки, и продолжали ожесточённо отстреливаться, зная, что они обречены. Батальон рассыпался огромной цепью, осторожно продвигаясь по улицам. У всех бойцов карманы и вещмешки набиты боеприпасами. Ребята уже стали опытными солдатами и, как говорил Суворов, «каждый знал свой манёр». Михаил постоянно отвлекался на ребят отделения, которым он командовал. Но это не мешало ему и Николаю постоянно держаться друг около друга.

Николай, как всегда, держал в руках ручной пулемёт РПД, стрелял из которого виртуозно. Огонь по врагу из этого пулемёта намного эффективнее, чем из автомата ППШ, бьет гораздо дальше и кучнее. Прицельный огонь можно вести на расстоянии до двухсот метров. Попасть в цель на таком расстоянии непросто, сделать под силу это только очень искусному стрелку. Вокруг стрельба, разрывы. Это мелкие стычки, остатки немецкой армии сопротивляются.

Ближе к обеду батальон выходит к центру города. Михаил со своим отделением вышел на центральную небольшую площадь города. Тут же из разбитых окон девятиэтажного дома раздались одиночные выстрелы и пулемётные очереди. Свист пуль заставил батальон укрыться за разрушенными домами, а на мостовой осталось лежать трое убитых бойцов. Все притаились, держа наготове оружие.

В лоб брать немцев нельзя, они огнём уложат наших бойцов, позиция у них удобная - сказал Михаил.

Бойцы смотрят на своего командира и ждут его команды.

Всем оставаться на местах, Николай, и вы трое, за мной - командовал он, полностью полагаясь на друга и бойцов.

Оставшимся бойцам Михаил приказал: - Стреляйте по окнам этого дома, отвлеките внимание немцев, а мы зайдём с тыла.

Подойдя к дому с другой стороны, они подвальными помещениями, прошли в дом. Проскочили быстро и незаметно, поддерживаемые плотным огнём оставшихся бойцов. Разбились на две группы и по лестницам, медленно и осторожно, начали продвигаться вверх. Оружие и гранаты приведены в боевую готовность, ценой промедления может явиться

смерть. Михаил запомнил, что стреляли с шестого этажа. И вот он, шестой этаж. Они прислушались и определили, из какой квартиры стреляют. Михаил, взявшись за ручку двери, медленно, очень медленно, боясь скрипа, открывает входную дверь в квартиру, которая оказалась незапертой. Она легко ему поддаётся, без всяких усилий и скрипа дверных петель. Одну за другой Михаил кинул две гранаты вглубь комнаты. Гранаты разорвались с оглушительным треском, сорвав с шарниров входную дверь. Как только стихли разрывы, Михаил с Николаем кинулись в квартиру. Два немца лежат навзничь на полу у оконного проёма. Пулемёт системы ЙГ-32 с лентой в приёмнике до самого пола, лежит на подоконнике. Пол усеян стреляными гильзами, в квартире резкий запах жжёного пороха. И тут произошло то, о чём Михаил Петрович сожалеет всю свою долгую жизнь. Из смежной комнаты выскочил, обезумевший от взрывов гранат, немец с автоматом. В его выпученных белёсых глазах ужас и злость. Он выпустил очередь из автомата в сторону Николая. Михаил длинной очередью стреляет в немца, почти не целясь, но не успевает опередить того на какую-то долю секунды. Немец упал на пол. Михаил обернулся и увидел, что Николай заваливается на пол. Он смотрит на Михаила удивлённо, словно, не понимая, что с ним. Из его рук выпал пулемёт, который служил ему верой и правдой всю войну. Михаил кинулся к Николаю, но было поздно. Его друг Николай смертельно ранен, одна из трёх пуль, попавших в него, пробила сердце.

С 1944 года Михаил воевал уже не с немецкими захватчиками, а с их пособниками на территориях Украины, Белоруссии, Прибалтики. Эта война была не легче прежней, а порой и трудней.

Война на фронте намного проще. Вот он, враг, перед тобой, все ясно и понятно. А «свои» были коварными и хитрыми. Днём он занимался хозяйством как обычный крестьянин, а ночью берет в руки автомат и идет в банду и нападает на советских солдат или своих активистов, проявляя неслыханную жестокость.

На Украине действовали бандеровцы, в Белоруссии националисты, а в Литве лесные братья. Кого только не было там. Они убивали участковых милиционеров, депутатов поселковых Советов, уполномоченных народом управлять делами. Выслеживали и убивали военнослужащих.

Особенно они боялись и ненавидели служащих войск НКВД, которые вели с ними бескомпромиссную борьбу не на жизнь, а на смерть.

Часто, выполняя задание где-нибудь в лесу, в случае ночлега выставляли несколько часовых, секретов, чтобы избежать нападения бандитов. Враг, кроме всего, прятался и в бункерах, имея хорошее оружие и боеприпасы.

Заметив нашу часть, прочесывающую лесной массив. Они открывали бешеный огонь в спины. Много тогда погибло наших военнослужащих от этих предательских пуль. Росла ненависть и наших солдат. В плен не брали, уничтожали на месте.

На вопрос: - присутствовал ли страх в то время? – Михаил Петрович ответил:

- Страх не было, по большому счету. Хорошо помню, что все ощущалось как обычным, мальчишкой, какой-то игрой.

Но боялись одного, не попадать им в руки. С живого кожу сдерут.

После Литвы он, вместе со своей частью передислоцировался в Белоруссию, в Волковысский район под городом Барановичами.

Там находилось осиное гнездо бандитов.

Михаила назначают начальником охраны моста, через который шла железная дорога к Белостоку.

Участок протяженностью 8 километров. Партизан был основательно вооружен, вплоть до станкового пулемета.

Здесь также проходили события, которые запомнились на всю жизнь.

Гарнизон НКВД стоял в полукилометре от села, рядом со школой.

Сюда частенько наведывались два паренька, которых они кормили чем бог послал. Они то и были их глазами и ушами. И вот эти беспризорники однажды доложили, что в один из домов приходят бандиты, которые убили секретаря горкома, работали и помогали немцам. Такого прощать нельзя. Да и требовалось согласно указания принять меры.

И Михаил скомандовал идти на захват, организовав для этого группу. Пулеметчика с пулеметом разместили на пригорке.

Сектор обстрела охватывал дом и прилегающую территорию. Четверо шли по фронту. Михаил зашел с тыла. В риге один из «красногонников» наступил на железный вал от молотилки. Случайно, в темноте, его звуки встревожили находящихся в доме. Выскочили двое и кинулись в разные стороны, догадавшись, что их обложили. Окрики: - «Стой, стрелять будем!», не действовали.

Пулеметчики дали очередь и один из убежавших был срезан. Второй убежавший отстреливался до последнего патрона и был схвачен когда обойма «парабелумма» была пуста.

На время установилась спокойствие, но только кажущейся на первый взгляд. Вопросы демографии существовали всегда. Не исключением были и белорусские девочки, которые были не прочь пообщаться с солдатами охраны моста и пути.

Годы ушли вдале, и Михаил признался в своем «грехе». Была у него знакомая девушка Марьяса, к которой он иногда заходил, как позволяла служба.

И вот однажды он задержался до полуночи у этой Маши – Марьясы. Но надо возвращаться в часть, служба требует того. Как только Михаил покинул дом, сойдя с крыльца, услышал свист. Кто-то, по всей видимости, наблюдал за ним и шагов с пятидесяти, подал сигнал. Выскочило два человека из мрака и стали приближаться. Спасла реакция и высокая картофельная ботва. Но пополз не в сторону своей части, а в сторону соседского дома, где проживала знакомая женщина Яна, приработавшая поваром прачкой в их части.

В ее окнах горел свет. Постучал в окно и она его встретила. Ему повезло еще раз. Ее взрослого сына небыло дома. Михаил попросил не выключать свет. Представив наган и гранату Ф-1 решил не сдаваться живым. Услышал как 3 – 4 человека, разговаривая, прошли мимо дома, но не зашли, идя далее. Михаил рассчитал правильно. Если не вернулся, надо вырвать – было законом. Через некоторое время появились свои ребята. На сердце Михаила отлегло. На следующий день было донесено о случившемся в СМЕРШ. Сын Яны был немедленно арестован. Больше его никто не видел.

В 1949 году Михаил демобилизовался, но не оставил службы. Продолжил работать. Приехал то он на побывку, в отпуск.

Но мать была сильно больна, при смерти. Пошел в военный просить об отставке. Из штаба Вооруженных сил дали положительный, и он остался дома.

Женился и пошел работать в милицию, ведя борьбу с теми, кто не хотел жить по закону. Жена Екатерина родила сына Анатолия. Жизнь понемногу входила в русло, благодаря заботам двух любящих супругов. Михаил остро чувствовал и близко воспринимал боль и горе.

В начале 50-х годов по указу Михаила Калинина, за кражу буханок хлеба давали срок в семь лет. И вот один из колхозников проворовался, украв два мешка зерна с колхозного склада, будучи там сторожем.

Завели дело. Поручили Михаилу провести следствие. А дело обстояло таким образом. Колхозный бригадир заметил и узнал этого человека, когда тот прятал мешки с зерном в стог сена. Утром дал знать куда следует. Тяжело было видеть семерых голодных малых ребятешек в небольшом, старом доме колхозника. А тут еще, как на руку, дежурил по городу. Служба КГБ задержала махрового бандита и ждала от него признательных показаний. Но случилось так, что нашли повешенным в камере. Случилось это тогда, когда он, оставив взамен себя, ушел на положенный обед. Срочно вызвали к высшему начальству. Пока поднимался по лестнице до второго этажа в кабинет начальника, передумал всякое. Этих минут хватило, чтобы принять решение об увольнении. Дело происходило в 1952 году, когда милиция и комитет госбезопасности существовали как единый, мощный кулак НКВД.

Брат к тому же писал из города Фрунзе, приглашая его переехать к нему. С продуктами там уже было все в норме. В Киргизии Михаил со своим семейством долго не задержался. Местные, коренные жители открыто демонстрировали и проявляли свою неприязнь к русским:

- Вы зачем приехали к нам? Хозяин здесь я. Убирайтесь, а то худо будет.

Пришлось переехать, по призыву, на Дальний Восток, где родилось еще трое сыновей. В 1969 году семейство переехало в село Раздолье, Усольского района.

Окончилась Великая Отечественная Война. Но для Михаила Петровича она продолжалась долго, были на, то причины у войск НКВД. В 1952 году, но сложившейся в ту пору обстановке, принял решение уйти в отставку. Но ушло время и старый солдат в 1969 году становится участковым инспектором Раздольинского участка, огромного по своим размерам и не простой оперативной обстановкой. Но работал с огромным удовольствием и старанием. Да и добровольные помощники, почти в каждом селе, здорово помогали, чтобы жизнь людей была спокойной и защищенной. Умели составить акт или протокол установленного образа за правонарушения, оставалось только подписать и направить для исполнения. Статьи под заголовком «РОМ выходит на дежурство» (Раздольинский отдел милиции) частенько появлялись в районной и даже областной газетах.

Любил свою работу Михаил Петрович, неоднократно был победителем по итогам работы подразделений в социалистическом соревновании. Особенно силен актив был в селе Жилкино. К штрафам водителей, задержанных в нетрезвом состоянии, относился с особой осторожностью и диффиринцировано.

Всегда посещал семью нарушителя правопорядка и проводил профилактическую работу, а уже потом только выставлял сумму штрафа.

В 1976 году Шелепов Михаил Петрович выходит на пенсию. За свой боевой вклад в победу во время Великой Отечественной Войне он награжден боевыми наградами: медалью «За боевые заслуги», медалью «За взятие Белоруссии», медалью «За победу над Германией» и уже в мирное время 14-ю юбилейными наградами, а также и за службу в органах внутренних дел. Руководство не забывало отмечать его заслуги на этом благородном пути, которое зовется настоящей мужской работой.

Первая, любящая жена Екатерина, с которой прожили всю свою долгую жизнь, умерла сразу, как только отпраздновали золотую свадьбу, этот прекрасный пятидесятилетний юбилей. Сыновья выросли, обзавелись семьями и каждый из них пошел своей дорогой. Двое из них, Анатолий и Владимир повторили путь отца, став милиционерами.

Еще в школе учитель физики привил Михаилу любознательность, тягу ко всему новому, к технике. И это пригдилось ему в его сельской жизни. Он вместе с подрастающими сыновьями

изобрел и сконструировал много технических новинок и приспособлений, так необходимых в хозяйстве.

Случилось так, что он познакомился и стал совместно проживать с Ниной Сергеевной Коробейниковой, коллегой по работе. Он переехал из села Раздолье в дом ветеранов, где они прожили счастливых 12 лет.

У Михаила Петровича написана целая тетрадка стихотворений, посвященных в основном любимым женщинам. И хотя его уже нет с нами, кажется что он и «там» читает им реквиемы, которые написал от души, искренне веря в каждое написанное им слово.

Сафронов Александр Семенович

Родился в 1927 году в Чувашской АССР, в Порецком районе, в селе Милютино.

На фронт призван в 1942 году. Служил и воевал рядовым в Стрелковой части. После ранения и лечения продолжил воевать в кавалерийской части. После демобилизации, в 1946 году поступил на службу в милицию города Усолье-Сибирское. Приходилось осуществлять службу патрульную, сопровождать осужденных по этапу на железнодорожный вокзал и обратно, осуществлять надзор за 15-ю сутокниками во время их «перевоспитания».

Старшина милиции Александр Семенович Сафронов в 1970 году ушел на заслуженный отдых.

Приказ № 227

Наш эшелон, хоть и в замедленном темпе, но неумолимо приближался к берегам Волги. Мы все уже хорошо знали, что нас направляют в район Сталинграда и прекрасно осознавали ту ответственность, которую возлагали на нас, свежее подкрепление. Пускай и необстрелянное и непоывавшее еще в боях, но призванных из глубин Сибири и прошедшее ме-

сячные курсы первичной подготовки. Проливая семь потов за день, мы преодолевали полосу препятствий, учились метать гранаты и стрелять из винтовок и автоматов. К тому времени у старшины в хозяйстве уже имелось трофейное оружие и мы хорошо знали, что такое немецкий автомат «шмайсер», ручной пулемет системы МГ-34. Одним словом, не однажды вспоминалась знаменитая суворовская поговорка: «Тяжело в учении, легко в бою», особенно нашими командирами, любившим ее повторять к месту и без места.

Учебную подготовку наш полк проходил в полевом учебном центре, неподалеку от железнодорожной станции «Мальта», почти рядом с моим родным городом

Усолье. Вести с фронтов шли тяжелые и тревожные. Гитлеровцы неудержимо рвались на юг страны, к кавказской нефти. Мы теряли города, людей, целые армии. Нелегко было нашему политруку роты читать сводки из газет, но необходимость заставляла доводить правду положения с фронтов. Мы хорошо знали о зверствах фашистов на наших оккупированных территориях, о разрушенных городах и сожженных селах. В такие минуты я чувствовал, как во мне зарождается злость и ненависть к этим зверям в человеческом обличии и в железных касках на головах. Я был готов взять оружие в руки и уничтожить эту черную нечисть, ползущую по нашей земле. В такие моменты лица моих товарищей становились суровыми. В них я видел то же самое, что и происходило со мной.

Дело потихоньку шло к осени, стоял поздний август. На деревьях уже появились первые, чуть порыжевшие листья и некоторые слетали при сильных порывах ветра. Иногда на юг пролетали стаи крикливых журавлей и гусей, навевая еще более непонятную тоску и грусть.

Целыми днями и ночами отстукивали вагонные колеса свою монотонную мелодию. Наш поезд почти не задерживался даже на крупных железнодорожных станциях. Успевали только сбегать за кипятком. Неслышно в вагонах веселого солдатского смеха, ни соленых, с приправой шуток. Наверное, оно так и должно было быть. Никто из нас не знал, что ждет его в ближайшем времени, может пуля смертельная, а может и слава.

- Чего хлопцы приуныли. Не переживайте, или грудь в крестах или голова в кустах!

К нам подсел Колька, мой односельчанин. Мы с ним призывались вместе, не однажды встречались. Да и городок наш не такой большой, почти все знали друг друга.

- Не унывай Сашок, живы будем, не помер.

И он крепко хлопнул меня по плечу своей рукой.

- Ты в каком отделении? – спрашиваю его.

- В третье попал. Взвод то один, так что увидимся еще не раз. Нам землякам нужно держаться поближе.

- Прав Никола, я думаю так же. Не слыхал, долго нам еще ехать?

- Командир роты говорил, что осталось меньше суток.

Галдеж прекратился и все замолчали, поглядывая в окна теплушки.

Но мы были все молоды, и эта молодость брала свое, не давая нам впасть в уныние. Еще ночь простучали колеса нашего эшелона в Западную сторону, приближая нас к неизвестности.

Фашисты прекрасно осознали то, что лучше уничтожить живую силу и технику противника заранее, не дав им достигнуть линии фронта. Их авиация, словно стан хищников, выслеживали жертвы, а найдя, всей сворой накидывались на них, не давая уйти живой. Эта участь не миновала и нас. Нам впервые воочию пришлось увидеть фашистов во всех проявлениях. Я слышу, как на паровозе надрывно завыл гудок, громко и безостановочно.

- Всем из вагонов! – раздалась громкие голоса командиров.

- Оружие взять с собой.

Схватив стоявшую рядом со мной винтовку я, как и все, устремился к выходу.

- Быстро, быстро!

Уже не кричали, а орали командиры. Впереди по ходу эшелона слышались громкие удары, и я понял, что это рвутся бомбы, которые сбрасывают на нас.

Я прыгиваю на насыпь и осматриваюсь по сторонам, не зная, что делать дальше. Страх дает о себе знать так, что под ложечкой непривычно свербит и сжимает живот.

В чувство приводят команды:

- Бегом от вагонов!

- Укрыться в лесу!

Вижу впереди себя редкие деревья с кустарником, и что есть силы, устремляюсь в ту сторону. Рядом со мною бегут и другие бойцы. Взрывы с ухающим звуком ударяют совсем близко. Краем глаза я ухватываю, как в небо, вместе с дымом и огнем взлетают кусты и даже деревья, словно игрушки.

Мы падаем на землю, кто, где только смог, прижимаясь поплотнее к земле, словно моля ее о спасении. Наверное, кто-то в такую минуту и просил родную землю уберечь от смерти, а может, кто и самого Бога умолял об этом. Я лежал рядом с большим деревом, и в голове билась одна мысль «Скорей бы все это закончилось».

- Огонь по самолетам.

Услышал я громкую команду и, найдя в себе силы, оторвался от земли. Вижу, как горят наши вагоны, как новые взрывы авиабомб раскидывают по сторонам вагоны. Страшная и ужасная картина на всю жизнь врезалась в мою память.

Я еще как-то слышу, хотя близкие разрывы больно бьют по ушам. Выхожу из-за дерева, чтобы лучше видеть то, что творится передо мною.

- Огонь по самолетам!

Снова слышалась громкая команда. Ставлю планку прицела на отметку «ноль», так как высчитывать расстояние по пикирующему самолету

почти бесполезное занятие. Передернув затвор, вогнал патрон в патронник. Вокруг захлопали винтовочные выстрелы, затрещал «Дегтярь».

Целей впереди нас несколько. С ужасным воем пикируют самолеты. Мне хорошо видно как на крыльях вспыхивают огнем пулеметы и к земле устремляются струи пуль, метя свое направление трассирующими.

Крепко прижав приклад винтовки, я ловлю, как могу, в прицел, черный стервятник. Упреждение беру интуитивно, насколько умно работает мой мозг. Плавно нажимаю на спуск и чувствую отдачу в плече.

- Мой первый выстрел на фронте – почему-то отметил я.

Но долго размышлять, совсем нет времени. Вой пикирующих на нас бомбардировщиков режет в ушах и давит тяжелым грузом психику, заставляя забыть все на белом свете и упасть, зарываясь вместе с головой в спасительную землю.

Стараюсь как можно быстрее и точнее стрелять. Ловлю через прицел уже другой, быстро приближающийся самолет с уже хорошо видимыми крестами на крыльях. Он был уже так низко, что свастика была отчетливо видна. Быстро стреляю второй раз, и почти мгновенно перезарядив винтовку, посылаю пулю уже вслед пролетевшему самолету, выходящему из пике.

Вновь веду огонь в приближающегося врага, не обращая внимания на пронзительный свист осколков и пуль, срезающих как острой бритвой ветки с дерева.

Не заметил, как расстрелял обойму и догадался что в магазине пусто после того как затвор сухо щелкнул. Опускаю оружие, надобности перезаряжать уже нет. Дикий ад прекратился, и самолеты больше не появлялись, сделал свою обыденную работу.

В горячке боя мне некогда даже было наблюдать за тем, что происходило рядом со мною. Зрение, слух и все другие чувства были сосредоточены на одном, на несущем смерть всем нам, самолетах фашистов.

Осматриваю жуткую картину, оставшуюся после налета. Смотреть на это больно и страшно. От нашего эшелона осталось только название. Искореженные и горящие вагоны были раскиданы нечеловеческой силой. Из земли торчали изогнутые и рваные куски рельсов. Огромные воронки от взрывов бомб еще дымились остатками взрывчатки. Медленно приближаюсь к тому месту, что раньше было нашим эшелоном. Много так и не поднявшихся с земли бойцов с прошитыми строчками пуль гимнастерками, лежало вокруг меня. То и дело попадались остатки разорванных тел, на которые мне было очень тяжело смотреть. Это были мои товарищи, с которыми мы совсем недавно пили, ели, разговаривали. А сейчас их просто нет, даже узнать невозможно, до чего были изуродованы тела.

- Жив, земляк?

В подошедшем ко мне бойце с чумазым лицом и грязной гимнастерке, я признал Кольку, своего односельчанина.

Жив пока, повезло мне.

Это точно. Устроили фрицы нам мясорубку.

Послышались громкие крики команд:

- Строиться.

- Все сюда.

Мы с Николаем направились в сторону, где отцы командеры организовали общий сбор. Глазами отыскиваю знакомых мне бойцов из моей роты, чтобы найти свое место в строю. Но пришлось встать там, где стоял, времени для отыскания сослуживцев почти не было.

Перед строем вышел подполковник Сердюк, или как его все называют «Батя», за его преклонный возраст и седые волосы.

- Бойцы. Нам нужно срочно предать земле погибших товарищей. Хоронить будем в воронках от бомб. Оружие и документы собрать. Выполняйте.

«Батя» был немногословен, да и не до речей ему было в то время. Мы стаскали в воронки своих погибших товарищей, остатки рваных тел и одежды.

Как могли, засыпали их землей саперными лопатками. Похоронной команды с нами еще не было, и выполнять эту роль приходилось нам самим.

Закончив с похоронами своих погибших товарищей, мы снова выстроились не стройной шеренгой вдоль искореженного железнодорожного полотна.

Командеры провели переключку личного состава, громко выкрикивая по спискам фамилии и имена. С горечью узнаем, что недосчитывается ста двенадцати бойцов, целой роты. Не довелось им даже доехать до фронта, сделать свой первый выстрел по врагу. Да, знали и умели фашисты делать свою черную работу.

- Поротно! Стройся в четыре шеренги.

Прозвучали громкие команды, и мы начали быстро выполнять ее. Я догадался, что оставшийся путь нам предстоит проделать пешком. Пулеметчики и минометчики отыскивали среди разбитых остатков эшелона свои штатные принадлежности и приводили их в порядок. Кто взгромоздил на плечи станину к пулемету «Максим», кто тяжелую опорную плиту для миномета.

Лично мне достался пистолет системы «ГТ» от молодого лейтенанта, когда я волок его тело в воронку. Заметив в его руке зажатое оружие, я, с усилием разжав его пальцы, забрал себе, сунув запазуху.

- Может и пригодится, не зарывать же его в землю - подумал я и забрал запасную обойму патронов, которая находилась в кобуре на поясе погибшего офицера.

Мы с Колькой были уже в одном отделении. Взвод заметно поредел во время бомбежки, и наши командеры по-новому распределили бойцов в своих подразделениях. Наша дорога продолжается в западную сторону, приказ командеры выполняют четко. Идем нестройной колонией, стараясь не наступать на пятки друг другу.

- И долго нам еще идти? - спрашиваю толи себя, толи Кольку.

- К концу дня, думаю, будем у Волги.

- Как это ты высчитал?

- Да так вот, у меня хорошая пространственная ориентация. Довелось немного попутешествовать в Саянах.

- Повезло тебе Колька, а мне вот не довелось, семейство у нас большое слишком.

- Тебе хорошо, братья и сестры есть, а я у матери один остался.

Идем дальше, с опаской поглядывая на небо.

- Как придем на место, попрошусь пулеметчиком. Нравится мне эта машина, да и за брата нужно успеть отомстить - рассуждал Колька, у которого погиб старший брат еще в самом начале войны.

Шли долго по пыльной дороге, не останавливаясь на привалы или даже на короткий отдых. Солнце уже стояло совсем низко, когда поступила команда остановиться.

- Пришли! - облегченно вздохнул Колька, у которого из-под пилотки были видны текущие ручейки пота. Мой вид, наверняка, был также не из лучших. Мы с большим удовольствием опустили на придорожную траву с одним желанием, хоть немного передохнуть. Ноги подкашивались от усталости и изнуряющего солнцепека.

Лежа на спине, смотрю на небо, синее и бесконечное. Там тишина и покой, не видно даже птиц.

Нет желания о чем-то думать или размышлять, усталость дает о себе знать. Тихая дрема убаюкивает, и я закрываю глаза, уносясь куда-то в непонятную и незнакомую мне даль. Колька лежит рядом со мною, тихо и без всяких прибауток, которые он любил отпускать в любых ситуациях.

Дали командиры нам немного отдохнуть, не помню даже сколько времени пролежал в этом забытье.

- Подъем!

Раздалась громкая, неожиданная для задремавших, команда.

- Стройся!

Нехотя и не торопясь мы вставали, приходя в себя от короткого забытья. Солнце уже находилось на западной стороне и висело низко над линией горизонта. Мы шли по небольшому полуразрушенному поселку, с любопытством посматривая по сторонам на следы войны. То тут, то там виднелись обуглившиеся, почерневшие кучи бревен, одиноко стоящие прокопченные печки с высокими трубами.

- Часто навещаются сюда фашистские стервятники.

Подумалось мне при виде такой печальной картины. Наша команда углубилась в лес, и мы остановились.

- Прибыли к переправе!

- Скоро на другой берег! - слышались голоса бойцов.

- Всем укрыться и ждать команды. Не расходится - это уже распорядился наш взводный, лейтенант Митрохин.

- Будем переправляться на другой берег.

Мы спрятались под большие деревья, где кто смог. Что такое авиация противника, мы уже испытали на себе, и не было никакого желания попать под ее новый удар.

Где то далеко слышался разрывы артиллерийских снарядов. А может это просто громыхал вдали гром. Мы еще не умели определить это, были пока просто новобранцы. Необученные, практическим делам, не принявшие ни одного боя и не видевшие в упор глаз врага. Все это у нас еще было впереди.

- Подъем, становись на погрузку.

Заторопились наши командиры, поднимая нас. Вот настала и наша очередь переправляться на другую сторону реки, в завораживающую неизвестность. Мы выходим к берегу реки, широкой и просторной, истинно русской красавице.

У нас в Сибири, реки по большей части, имеют высокие, крутые берега, редко где-то текут по равнине. А здесь сплошная низина, насколько хватает взгляда глаз.

Поднимаемся по узенькому трапу на борт хлипкого суденышка. По всей видимости, это был старый, выдавший всякое, мотобот. Нас набилась в него, как в бочке селедки. Многим даже и присесть было не куда, так и стояли близко друг к другу. Нам с Николаем досталось место на верхней палубе, рядом с зенитной установкой, зачехленной в брезент.

Мотор затарахтел, и мы отчалили от берега. Высоко в небе мое ухо уловило ровное, монотонное гудение. Задрал голову повыше, увидел странный самолет, у которого было два корпуса.

- Рама, разведчик.

- Жди теперь фрицев.

Кроме меня заметили самолет и другие бойцы. В их голосах чувствовалась озабоченность. Немцы не заставили себя долго поджидать. Со стороны заходящего солнца появились два самолета. Вскоре их монотонное гудение превратилось в рев, и они стали пикировать на наше судно. Два молоденьких матроса быстро расчехлили зенитную установку и, оттянув назад рычаги взвода, развернули пулеметы в сторону приближающихся самолетов. Все это было проделано быстро и слаженно. По всей вероятности им приходилось не однажды это проделывать.

Мы также приготовили оружие, ощерившись стволами навстречу опасности. В истошный вой самолетов врезались короткие, пристрелочные очереди зенитных пулеметов, которые прочертили небо трассирующими пулями. Вокруг затрещали беспорядочные винтовочные выстрелы наших бойцов. Поймав на мушку пикирующий силуэт самолета, я плавно нажимаю спусковой крючок.

Наш мотобот резко накренился и стал уходить в правую сторону, свернув со своего курса. Все это было проделано вовремя. С левого борта ухнул близкий разрыв бомбы. Второй раздался где-то уже позади, за кормой. Этот маневр спас суденышко и много солдатских жизней.

Но фашисты не захотели мириться с неудачей. Развернувшись, они снова зашли со стороны солнца, мешающего нам вести прицельную стрельбу.

Расставив пошире ноги для надежного упора, я с дальней дистанции веду огонь, посылая пулю за пулей из своей трехлинейки. Зенитные пулеметы били взахлеб, почти не останавливались. На этот раз беда не миновала нас. Хотя бомбы и разорвались впереди нас, пулеметная очередь, выпущенная из ведомого самолета, прошла по нашему мотоботу, надела много бед.

Но и фашистам досталось от нас. Один из самолетов выпустил клубы черного дыма, не успев развернуться, ушел вместе с другим в западную сторону, откуда они и появились. У нас снова жертвы, не менее десяти убитых и раненых. Еще живых и стонущих, которым тут же на палубе оказывали первую помощь, забинтовывая раны. Наконец достигли противоположного берега, казавшегося таким далеким и желанным. Снова идем по траппу, только уже вниз.

Сойдя на берег, долго не задерживаемся. По быстрому построившись, двинулись вперед. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, вырисовывая из нас длинные причудливые тени.

Отойдя от берега километра три, наша часть расположилась на ночлег в редколесье.

- Дальше только степи. Сгорим на солнце - пробурчал Николай, который был рядом со мной.

- Ничего, жар костей не ломит, выдержим как-нибудь - отвечаю ему, хоть и самому нелегко.

- Скорей бы кашу сварили.

Понесло дымком от полевых кухонь. Повара старались приготовить перловку, которая нам уже изрядно поднадоела. Измотанные и проголодавшиеся не хуже лесных волков, мы ее с аппетитом уплетали, только стучали ложки о стенки котелков.

- Отбой! - прозвучала команда, которая была приятнее любой музыки.

Раскатав шинели, мы улеглись, где кто мог. Через минуту от соседей уже раздавался громкий солдатский храп. Через другую минуту и я провалился, как в черный омут, в безбрежную путину сна. Сколько времени я спал, посчитать потом не смог. Но, по всей видимости, ближе к утру увидел странный для меня сон. Вижу свою мать, сидящую за нашим общим столом. Она пристально смотрит в мои глаза и вдруг мне говорит:

- Сашенька, завтра вы будете проходить мимо трех берез, так ты под них не прячься, а останься там, где застигнет тебя беда.

Я хочу у нее спросить о том, какая меня подстерегает беда, но ее образ неожиданно исчез, словно и не было никого.

- Подъем! - раздалась громкая, неожиданно для спящих, команда. Я открываю глаза, пытаюсь понять, кто я, и что со мною происходит. Через пять секунд прихожу в себя и поднимаюсь с такой уютной земли.

Поваров наши командиры разбудили раньше, чем нас. Горячая каша была уже приготовлена. Подкрепившись своей пайкой, почувствовал себя намного бодрей.

- Эх, не мешало бы в эту кашу маслица! - мечтательно произнес Николай.

- Ага, и водки бы еще грамм по сто - размечтался кто-то из бойцов.

- В окопах выдадут положенные наркомовские сотню граммов. Так что будет тебе водка.

- Становись!

Раздалась общая громкая команда. И мы, собрав свои не хитрые солдатские пожитки, стали выходить на дорогу для построения в маршевую колонну.

И снова мы в дороге, и снова колышутся впереди меня затылки в пилотках, стволы винтовок. С безоблачного синего небе нещадно палит высоко поднявшееся солнце.

Потянулись бесконечные степи с очень редко растущими деревьями и иногда встречающимися селами, которые мы миновали, даже не заходя в них.

Снова послышался противный и протяжный вой самолетов. Он напомнил нам о том, что мы находимся на войне, а не на загородной прогулке. Первая промелькнувшая в голове мысль была явно панической. Мне захотелось бежать, куда глаза глядят, спрятаться за что-то или даже зарыться глубоко в спасительную землю.

- Воздух!

- Рассредоточится! Всем с дороги!

Снова послышались громкие крики команды. Мы бросились с большого в рассыпную, по разным сторонам. Недалеко от себя, с правой стороны дороги, замечаю три больших березы. Вокруг голая степь, а тут единственное на всю округу какое-то укрытие. Но свеж еще в моей памяти тот сон с наказом матери. Как-то сумев подавить в себе животный инстинкт страха, чтобы бежать в укрытие, я остаюсь на месте, отбежав на обочину дороги. Вокруг в панике бегут сослуживцы, то и дело, задевая и толкая меня.

Не спеша снимаю с плеча свою винтовку и, достав из подсумка новую обойму, вставляю ее в магазин. Новые, желтые патроны, как это ни странно, успокаивающе действуют на меня. И все же инстинкт заставляет меня пригнуться к земле. Я встаю на одно колено, как нас учили раньше, и вскидываю винтовку в сторону нарастающего воя. Перестаю видеть искаженные страхом лица товарищей, пробегающих мимо меня, дорогу. Все сосредоточено на самолетах врага. Я уже хорошо их вижу. Как и тогда, снова в паре, идут друг за другом.

Противный вой, выворачивающий наружу все, что есть внутри, заслонил собой белый свет.

- Спокойнее Александр, спокойнее. Нам пока умереть не суждено.

Успокаиваю свою бедную, испуганную душу, которая от страха наверняка была уже в пятках. Но внутри меня жила полная уверенность, что и на этот раз мне не отпущено Богом погибнуть в степях.

Боковым зрением улавливаю, что в небо смотрит не только моя винтовка, а и множество других.

- Не все бояться и кланяются вам фашисты - со злобою пронеслась мысль.

- Пора!

Решился стрелять, как только первый самолет достиг того рубежа, где сможет достать его моя пуля. Вокруг уже послышались беспорядочные выстрелы. Моя пальба слилась с общим трескучим хором беспорядочного огня. Стараюсь как можно побыстрее перезарядить, и прицелится в силуэт самолета, вставив мушку чуть впереди самолета. Успеваю выпустить пару пуль в первого стервятника, у которого из-под крыльев вырываются огненные струи смертоносного огня. Все это продолжается какие-то мгновения. Открываю огонь и по второму, первый уже успевает проскочить меня.

Ухнули разрывы бомб. Справа и слева от меня, вздыбливая горы земли с песком, отчетливо вижу, как те самые три березы, росшие как родные сестры близко друг от друга, вместе с корнями и клубами земли, взлетают высоко в воздух, со всеми теми, кто был вокруг них.

Длинные строчки пуль бьют в пыльную дорогу, вздыбливая фонтанчики пыли и земли. Прошивает насквозь тяжелый свинец распластанные тела солдат, строча дырочки в шинелях и разбивая в щепки приклады винтовок. Не разобраться кто жив, кто ранен, а кто убит.

Делать второй заход самолеты не стали, по всей видимости, закончились боеприпасы, или у них было другое, более важное задание. Да и этого, единственного захода на нашу колонну было достаточно, свой план они выполнили с лихвой. Десятка два бойцов не поднялись с земли оставшись навечно в степи за Волгой.

- Спасибо мама, послушался тебя.

Поблагодарил я свою мать, глядя на зияющую чернотой и желтизной огромную воронку, где раньше стояли три березы.

- Меня даже и не нашли бы сейчас.

И снова мы хороним товарищей, с опаской поглядывая в небо. Жарко так, что кажется, само Солнце жарится на сковородке.

С моего лица пот бежит ручьем, мокрая гимнастерка противно липнет к спине. Бросаем по горсти земли на прощание в братскую могилу и засыпаем тела землей. Прodelываем все это тихо, без лишних слов. На душе лежит тяжелый камень, привыкнуть к такому невозможно, и, наверное, не дано человеку.

И снова пылим кирзовыми сапогами к линии фронта, которая начала о себе напоминать. Уже стали слышны раскаты артиллерийской канонады,

порой с сидящими в них солдатами, с забинтованными головами, руками. Наша колонна остановилась резко, словно оперевшись в невидимую преграду.

- Наконец пришли!

- Отдохнем немного!

- Ой, как пить хочется!

Переговаривались солдаты, ожидая, что их ждет дальше. Наша рота сворачивает резко в сторону, и мы идем по полю вдоль свежеврытых окопов.

Перед тем, как нам их занять, нас выстроили.

Перед строем вышел командир нашей роты, капитан Виллойкин. Мы его уже хорошо знаем. Мужик свой, уже в годах. Призван из запаса и сразу же на фронт. Успел повоевать еще в гражданскую и это вызывало у нас уважение к нему. Он сражался под руководством самого Ворошилова, а это многое значит.

- Товарищи бойцы. Нам приказано занять оборону на этом рубеже, где мы находимся. Обстановка сложная, враг рвется к Сталинграду. Пока нашим войскам приходится отступать, слишком сильны фашисты. Ни шагу назад.

Если придется отступать, то только по приказу. За самовольное оставление окопов, расстрел на месте. Если позволит время, установим колючую проволоку и мины. А сейчас приведите в порядок окопы и свое личное оружие. У меня все, занимайте оборону.

Мы растекаемся по траншеи и окопам, вырытых, по всей видимости, руками женщин и стариков.

Взводный лично указал место каждого бойца.

- Ройте ниши для боеприпасов - распорядился он, прохаживаясь вдоль наших рядов. Подъехала старенькая полуторка с грузом, покрытым брезентом.

- Быстро разгружать машину.

Взводный все видит, да и сам принимает участие в разгрузке ящиков.

Лейтенант Митрохин, наш командир взвода разбил всех бойцов на три отделения, назначив командиров по своим понятиям.

Я получил сотню винтовочных, промасленных патрона и четыре гранаты Системы «РГД» с запалами к ним. Сбылась мечта Николая, ему вручили ручной пулемет «Дегтярь» и две коробки с пустыми дисками, которые он сразу же, сев на землю, принялся снаряжать патронами.

- Есть теперь чем гробить фрицев, это не из винтовок палить. Довольный происходящим приговаривал он, ловко орудуя пальцами.

- Будешь вторым номером у Николая.

Приказал мне только что назначенный командиром отделения Федор. По моим понятиям он же мужик, которому было около тридцати лет.

- Хорошо, будет исполнено. А оптики к винтовкам не имеется? - спрашиваю его.

- Нет, не видел пока.

- Жаль, у меня не плохо получается, а с оптикой было бы здорово.

- Как увижу, лично тебе выпрошу и передам - пообещал он мне.

Управившись со своими приготовлениями я помогаю Николаю набивать диски патронами. Они такие же, как и в моей винтовке.

Поужинав обычной солдатской каши и получив «наркомовские» сто грамм водки, мы выпили её, кто как мог. Многие ещё не привыкли и чертыхались, с усилием глотая вонючую жидкость. Затем закурили с большим удовольствием, махоркой нас снабдили в достаточном количестве, выдав по две пачки каждому.

День клонился к закату, а мы клонились ко сну. Командиры прекрасно понимали что нам, да им самим, нужно хорошенько отдохнуть, а то ещё когда придётся.

Ночью меня растолкали, разбудив от крепкого сна:

- Вставай, твоя очередь идти в караул.

Это был Фёдор, наш командир отделения.

- Пароль «Москва», через два часа тебя сменят.

Я знал, где находился часовой. Протерев глаза и взяв винтовку, отправился на пост. Было уже поздно, глубокая ночь, но луна хорошо освещала небо и лежащую перед нами степь. Впереди слышались раскаты выстрелов артиллерийских орудий, всполохи разрывов и осветительных ракет.

- Не спят даже ночью фрицы, а говорят, что они педантичные и всё делают вовремя.

Размышляя я, поглядывая в сторону наступающего врага. Чувство близкой опасности держало в напряжении слух и зрение. Руки были готовы мгновенно сдёрнуть с плеча винтовку и выставить вперёд штык, который я примкнул, как только заступил на пост. Вдали показались силуэты людей, тихий говор. Я вздрагиваю от такой неожиданности и быстро приваю свою винтовку в горизонтальное положение. Вижу, что это мне не показалось, и люди были уже недалеко от меня. Я шёлкаю затвором, звук которого хорошо слышен в ночной тишине и громко говорю:

- Стой, кто идёт?

- Свои мы.

- Пароль?

- Не знаем никакого пароля, из окружения мы вышли.

- Стойте на месте!

Я быстро возвращаюсь в окопы и нахожу взводного.

- Товарищ лейтенант, там люди - говорю ему и показываю рукой в их сторону.

- Говорят, что из окружения вышли.

Мы быстро возвращаемся к месту встречи.

- Кто такие? - спрашивает их уже лейтенант Митрохин.

- Из окружения вышли. Устали мы. Вы получше посмотрите на нас.

Это все, что осталось от нашего батальона.

В группе было не более пятидесяти человек, все при оружии.

- Хорошо. Располагайтесь пока в траншеях, а утром разберемся, что к чему.

Уставшие бойцы, молча, идут в наши окопы и постепенно все исчезают в них. Через некоторое время меня сменили, и я, уйдя в окоп на свое место, мгновенно уснул, лишь только прикрыв веки. Утро наступило незаметно, как будто и не отключался на сон.

Открыв глаза, тут же их прикрыл. Ударили яркие солнечные лучи. Солнце уже вышло из-за горизонта, жарко и неумолимо.

Я проснулся сам, а вокруг еще раздавался громкий залиvistый храп отсыпавшихся бойцов. Недолго пришлось наслаждаться такой красотой окружающего.

- Подъем!

Голос караульного прозвучал неожиданно, хотя все понимали, что это случится. Вставали быстро, вылеживаться некогда.

- А это кто такие?

Николай с удивлением показал на прибывших ночью окруженцев.

- Ночью вышли к нам, я их встречал.

- Вот нам и пополнение.

- Скорее мы им пополнение, а не они нам.

Пытаюсь хоть как-то пошутить и поднять настроение. Вид у солдат, конечно, был неважный, не то, что у нас. Еще ни разу не стиранные, наши гимнастерки и брюки были чисты и не помяты. А вот оружие у них было не наше, немецкое, непривычное для глаза новобранца. Позади наших окопов артиллеристы устанавливали на позиции пушки, но возможности глубже зарывая их в землю. Это хоть как-то немного радовало и согревало душу. Впереди окопов, на сколько доставал глаз, раскинулась бескрайняя степь, негде даже глазу зацепиться.

- Вот козни природы! У нас в Сибири больше лесов, а степей совсем мало, разве что в Забайкалье - думал я, сидя на бруствере окопа с котелком каши и поглядывая иногда вдаль. И в небе не появляется ни одного облачка, хоть какого-либо.

- Снова будем загорать сегодня, видишь, как солнце печет?

Сетует Николай, сидя тут же рядом со мною.

- Если немцы позволят нам это - говорю ему.

Окруженцы рассказывают, что едва от немцев оторвались. Значит где-то недалеко они.

- Скоро узнаем и мы, где они находятся.

- Это точно, про нас они не забудут.

- Почистить и проверить оружие!

Поступила вводная команда, и мы принялись за дело. Разобрать и почистить винтовку я уже умел быстро, не однажды проделывал это с ней.

Вчера разбирал и чистил, чего каждый день то.

Бурчит Николай, но подчиняясь приказу, быстро разбирает пулемет.

- Нужно успеть все сделать с утра, а то днем может быть некогда - говорю ему.

- Это так, лишний раз проверить не мешает - согласился он.
- Нам бы еще противотанковых гранат выдали, было бы надежней.

Говорю ему, вспомнив о их разрывной силе. Наши командиры словно услышали наши пожелания.

Федор, наш командир отделения принес ящик противотанковых гранат и раздал каждому бойцу. Это уже было что-то. Я почти с любовью положил ее в нишу вместе с другими, противопехотными.

Солнце постепенно поднималось выше, начиная припекать затылок и плечи. Иногда мимо нас проходили командиры, что-то обсуждая на ходу и почти не обращая на нас внимания.

Тихая идиллия продолжалась недолго. В небе зависла «рама», немецкий самолет разведчик системы «Henkel». Медленно описав большую петлю над нами, удалился восвояси.

- Жди гостей теперь - озадаченно проговорил Николай.

- Пойду, спрячу пулемет, а то с бруствера может снести к чертовой матери.

Но гости сначала появились с неба, судя по всему, наши окопы уже стали передним краем обороны.

- Настала и наша очередь встретить их - подумал я, так же как и все с тревогой поглядывая на запад, в сторону противника. Звуков боя, разрывов бомб или снарядов, там впереди, уже не слышалось. Наши части были уже, или уничтожены, или кто сумел, выходили группами из окружения, отрываясь от противника. Педантичные немцы, позавтракав, принялись за работу. Разведанные о нашей дислокации уже были у артиллеристов и в полках немецких бомбардировщиков. Постарался утренний одиночный гость.

Первыми прилетели тяжело гудящие, загруженные бомбами «юнкерсы».

Мы уже знали и видели эту черную громадину, несущую смерть. Раздалась громкая команда:

- Воздух!

Мы уже прекрасно знали, что окопы это не поле и скрываться не нужно, хотя очень хотелось сделать это и опрометью бежать, куда глядят глаза, подальше от этого кошмара.

Мы рассыпались по траншее и окопам, каждый знал свое место. Прижавшись лицом к прохладной земле, молили Бога о спасении и надеялись на случай. Ощущения того, что я могу погибнуть, у меня полностью отсутствовало. Я уже знал, что убит, не буду. Наверное, и каждый убитый испытывал такие же чувства как я, как знать. Этого я уже никогда не узнаю от них.

Не менее чем полчаса немецкие самолеты со страшным ревом пикировали и сбрасывали бомбы. Земля содрогалась от мощных разрывов, обрушивая стенки окопов и обсыпая нас землей. Налет был такой силы и вокруг так все грохотало, что я даже не решился выглянуть и открыть огня из винтовки. Наконец, истощный вой самолетов, и разрывы утихли, но не,

надолго. На нас посыпались снаряды немецкой артиллерии. Стреляли, по всей видимости, издалека, огонь был неэффективен. Разрывы слышались впереди и сзади нашей обороны, не нанося нам существенного урона.

- Вот и первое крещение принимаем - подумалось мне, как только появилась возможность соображать. До этого страх загнал все мысли так далеко, что в голове казалась только пустота и жуткое ощущение животного страха.

- Ничего, со временем привыкнем, и душа не будет убежать каждый раз в пятки - уже как-то веселее подумалось мне.

Тишина наступила резко, словно по единой команде. Как бы еще не веря, что обстрел окончился, мы еще с минуту полежали, ожидая новых взрывов. Но стояла полная тишина, и мы понемногу стали приходить в себя и вставать с земли. Кто отряхивал налипшую землю, кто откапывал заваленное сушняком оружие и боеприпасы. Нам крепко повезло, в расположение нашего взвода не упала ни одна бомба, ни один снаряд, все как-то пронесло стороной. Но стенки окопов тряслись так, что местами обвалились и даже обрушились. После такого напряжения все вокруг меня закурили. Мы с Николаем так же, как и все, достали кисеты и скрутили самокрутки. Лицо у моего односельчанина было бледным с прилипшей землей на щеке.

- Никола, ты чумазый - говорю ему. Он внимательно смотрит на меня и отвечает с усмешкой:

- Сам ты на черта похож!

Крепкий табак немного успокаивает нервы, и мы постепенно отходим от пережитого.

- Почистить оружие, подготовиться к бою!

Это взводный дает громкую команду своим подчиненным. Я беру винтовку и шомполом прочищаю ствол от пыли. У нас с Николаем один окоп на двоих. Покончив с чисткой оружия, принялись подправлять его, выбрасывая обвалившуюся землю за бруствер.

- Видимо не было времени укрепить стенки траншей хотя бы жердями или досками. А может их здесь, и в помине нет, степь кругом - размышлял я, орудуя лопаткой.

Наша позиция, как пулеметное гнездо, выдавалось немного вперед от общей траншеи.

- Свежую, землю не выбрасывай, иначе мы будем хорошо видны немцам, могут пристреляться - предупреждает меня Николай, и я отставляю лопатку.

- Скоро здесь будут! - говорю Николаю, кивая в сторону немцев.

- Да уж скорее бы, нервишки может успокоятся.

- А ты диски заряжай для их успокоения.

- Да я их уже все зарядил.

Подошел Федор, наш командир отделения:

- Ну как у вас дела?

- Все в порядке, пулемет исправлен - доложил ему Николай.

- Вот и хорошо. Стрелять по моей команде.
- Стрелять пока некуда. А что, командир бутылки с зажигательной смесью имеются? - спрашиваю Федора.
- Пока нет, может позднее подбросят.
- А что, если самим изготовить? - говорю ему.
- Как это самим?!
- Бензин наливать в бутылки и фитили, как на старинном пушечном ядре, самим поджигать.
- Да, в принципе можно, но нет пока ни того, ни другого. Будем обходиться тем, что имеем.
Впереди наших окопов, метрах в пятидесяти, раздался взрыв снаряда.
- Пойду к взводному, а то немцы начнут атаковать, а мне нужно с ним поговорить.
Заторопился Федор и быстро покинул нас. По разрыву снаряда я догадался, что это был выстрел танковой пушки, и что они уже где-то недалеко.

- Всем приготовиться к отражению атаки.
Послышалась громкая команда нашего командира взвода, лейтенанта Митрохина.

Мы с Николаем поудобнее устраиваемся в своем окопе. Ложу винтовку на бруствер и прикладываю к плечу. Стрелять можно, сектор обстрела практически безграничен. Ставлю планку прицела на триста метров и мысленно делаю засечку, где находится эта точка. Вижу небольшой бугорок, примерно на этом расстоянии.

- Вот и отлично, есть на что ориентироваться.
Мысленно отметил я и стал вглядываться вдаль. Хоть и острое зрение у меня, но без оптики что-то существенное разглядеть впереди невозможно. Идут минуты напряженного ожидания. Еще два разрыва ухнуло впереди наших окопов.

- Напрасно открывают огонь с дальней дистанции, артиллеристы вычислят, где они.

Почему то подумалось мне. И словно в подтверждение моих мыслей, за окопами забухали наши пушки. Снаряды с шелестом пронеслись невысоко над окопами и где-то далеко впереди стали появляться фонтанчики разрывов. Такие небольшие, словно ненастоящие, а игрушечные.

Но вот мои глаза разглядели танковые силуэты и всполохи огня от выстрелов. Я смотрю на Николая, как он там себя чувствует.

Спокойное, немного бледное лицо с плотно сжатыми губами и устремленными вдаль серыми глазами. Пилотка, чуть ли не до бровей, прикрывала его стриженную светлую голову.

Перевожу взгляд в сторону приближающихся немцев. Силуэты танков все увеличиваются в размерах. Рядом с ними просматриваются маленькие фигуры пехоты. Мои руки непроизвольно крепко сжимают приклад и цевье винтовки. Я понимаю, что нужно расслабить нервы, иначе вести огонь будет тяжело и что страшнее всего, будут промахи.

- Давай закурим - предлагаю Николаю.
- Чего-то не хочется, да и времени уже маловато.
- А я закурю.

Достаю сложенную в размер самокрутки газету с кisetом и, несмотря на противной вой и разрывы снарядов, скручиваю не спеша самокрутку из крупно нарезанной махорки. Ощущаю в пальцах легкую дрожь, на землю сыплются махорочные крупинки. Усилием воли заставляю прекратить в пальцах мандраж и уже спокойней заворачиваю этакую «Козью ножку».

Прикуриваю и с большим аппетитом втягиваю дым, прислушиваясь, как он проникает в мои легкие, а затем и в голову. Это сразу успокаивает мои нервы, появилось успокоение и ощущение какой-то уверенности в своих силах.

- Если немцы будут пытаться сбить нас с ходу, то тяжело нам придется - подумалось мне.

- Никола, на покури.

Я протянул ему оставшуюся недокуренной добрую половину самокрутки. Тот, взяв ее, так же как и я, с жадностью затянулся. Немцы неумолимо приближались к нашим окопам и были уже не так далеки. Уже хорошо стали различимы серо-зеленые мундиры и поблескивающее на солнце оружие.

Еще немного и они пересекут ту отметину, которую я установил. Приказа на открытие огня нет, а можно уже с винтовок и стрелять.

Хотят залпом. Это деморализует противника. Вооружены мы в основном, винтовками. Только вчера подкинули несколько пулеметов.

Наши пушки неустанно были по приближающимся фашистским танкам, которых было очень много. Все они двигались на нас с одной целью, раздавить, уничтожить.

- Ничего, мы еще посмотрим кто кого.

Во мне закипала непонятная злость, страх ушел. Один танк встал за ним другой, пуская в небо шлейфы черного дыма. Остальные громадиной катились на нас, не обращая внимания на огонь наших орудий.

- По пехоте противника.

- Огонь!

Раздалась громкая команда. Цель была уже на мушке, и я плавно нажимаю на спусковой крючок. Серо-зеленая фигура словно провалилась в землю.

- Попал!

Догадался я, но радости не испытал, не до того было в это мгновение.

Быстро передергиваю затвор и загоняю новый патрон. Планку прицела пока не перемещаю, немцы как раз в зоне мною установленного рубежа. Снова целюсь, в ближнего ко мне фашиста. Не торопясь, как учили на полигоне. И снова попадаю точно в цель. Бегущий немец, словно куда-то нырнул и больше не появлялся оттуда.

Во мне появилась уверенность, что бить фашистов можно, что вылеплены они из такого же теста, как и все. Пулемет Николая дал короткую, пристрелочную очередь и замолчал. Смотрю в его сторону:

- Чего не стреляешь? - громко кричу ему, стараясь перекричать шум боя.

- Рано пока. Зря патроны жечь только. Пусть подойдут поближе.

По всей линии нашей обороны шла трескотня выстрелов, уже не залповых. Вот и станковые пулеметы включились ровными строчками очередей. Их звук я хорошо знал, даже стрелять приходилось. Расстреляв всю обойму, вставляю вторую и поправляю рамку на прицеле. Немцы были уже где-то в двухстах метрах, очень близко.

От нашего плотного боя многие попадали, другие попрятались за танки, прикрываясь их броней и огнем. Еще один танк так же встал перед нашими окопами, взорвавшись со страшной силой.

Нашему взводу крепко повезло. Идущие на нас танки были выбиты противотанковой артиллерией, и теперь они чадили едким дымом перед нашими окопами. Пехота, оставшись без прикрытия броней, залегла. Делая короткие перебежки и строча из автоматов, приближалась к нашим окопам.

Пулемет Николая почти безостановочно бил длинными очередями. Я уже потерял счет пустых дисков, лежащих тут же, подле меня.

- Бросай винтовку, набивай диски - кричит мне Николай, на несколько секунд оторвавшись от пулемета. Я прекрасно понимаю, что огонь пулемета эффективнее моей винтовки и опускаюсь на дно окопа.

- Не вовремя, фашисты под самым носом, могут закидать гранатами. Думаю и по-быстрому вставляю патроны в приемное окно диска. И тут что-то шлепнулось на дно окопа, совсем рядом со мною. Мгновенно поворачиваюсь и вижу немецкую гранату с длинной деревянной ручкой. Механически, размышлять не было времени, я хватаюсь за эту ручку и с большой силой вышвыриваю ее обратно из окопа в сторону немцев. Следом хватаю свою, РГД и так же с силой бросаю в том же направлении. Два взрыва слились практически в один.

Кладу для Николая заряженный диск и ложусь на бруствер, где лежала моя винтовка. Короткими перебежками немцы поодиночке приближались вплотную к окопам. Не теряя ни одной секунды, открываю по ним огонь, целясь в ноги, так как перевести прицел, не успел. Вот и фуражка с высокой тулей. Немец что-то кричит и машет рукой в нашу сторону. Выстрел, и он, уронив зажатый в руке пистолет, валится на землю.

Противно повизгивают пули. К их звуку начинаю привыкать, а не кланяться земле, после каждого посвиста. Немцы в какой-то сотне метров от нас, а некоторые подобрались уже довольно близко, до броска гранаты.

- Главное не торопиться.

Приказываю себе и беру на мушку следующего, поднявшегося с земли немца. Выстрел, и этот, словно подкошенный, валится на землю.

Впереди наших окопов уже десятка два неподвижно лежащих трупов. Живые пытаются укрыться за мертвых и ведут огонь по нашим позициям. Передние наступающие практически выбиты, оставшиеся несколько живых нам уже серьезной опасности не несут.

Поняв, что массированной атакой сходу у них ничего не вышло, они, прикрываясь дымом от чадающих танков, начали отходить. Мы с упорством и ожесточением бьем по отступающим. Обуянные страхом и потерявшие всякую осторожность, многие из них попадались под наши пули. Ствол моей винтовки обжигал пальцы, но я не останавливаясь, посылая пулю за пулей, пока фашисты не исчезли. Кто погиб, кто успел скрыться.

- Дали мы им жару! - проговорил Николай, повернув ко мне довольное лицо. По его лицу текли струйки пота, но он даже не замечал этого.

- Поддали, надолго ли?

- Это точно. Давай заряжать диски, почти все расстрелял.

К нам подошел взводный, лейтенант Митрохин.

- Молодцы.

Похвалил он нас, показав в поле перед нами. Там находилось очень много трупов фашистов, даже трудно сказать сколько. Там же нашли свою могилу многие из танкистов, которых и я старался уничтожить в первую очередь.

- Не расслабляйтесь. Скоро пойдут во вторую атаку, не задержатся.

И он пошел дальше, вдоль нашей траншеи.

- Товарищ лейтенант! - громко окликнул я его.

- Что хотел? - лейтенант вопросительно смотрит на меня.

Разрешите сходить за трофейным оружием, может пригодится? - спрашиваю его.

- Валяйте.

И пошел дальше, долго не раздумывая.

- Николай, сходим за оружием?

- Времени нет, диски нужно заряжать. Ты давай побыстрее, да мне поможешь после.

- Я быстро обернусь.

Выскочив за бруствер окопа, и низко пригибаясь к земле, я бегом направился в сторону немцев. Долго бежать не пришлось, они были почти рядом. Самый ближний лежал лицом вниз и, раскинув руки, словно пытаясь ее обнять. В скрюченных пальцах зажата трава и сухая земля. Каска валялась рядом, оголив светлые волосы на его голове. Но мне нужно оружие. Его автомат «Шмайсер» валялся тут же, рядом с убитым. Снимаю подсумок с тремя запасными магазинами и, подхватив автомат, иду дальше.

А вот еще один, почти рядом с первым. Этот лежал на спине с широко открытыми глазами и неподвижным взглядом. В одной из широко раскиданных рук зажат автомат. С усилием вырываю его из руки и так же снимаю запасные магазины. Вынимаю из-за пояса две заткнутых гранаты с длинными деревянными ручками.

Загрузившись трофейным оружием, бегом возвращаюсь назад. Вижу, что не я один такой шустрый, многие из наших подбирали у немцев оружие и боеприпасы. Буквально вваливаюсь в свою траншею с тяжелым грузом и опускаю его на дно. Все обошлось благополучно, могли из подбитого танка резануть очередь, да и раненые представляют опасность. Незамедлительно хватаю пустой диск от пулемета с горстью патронов, и начинаю по-быстрому его снаряжать. Вдвоем мы скоренько управляемся. Впихнуть в диск сорок девять патронов нужно время и сноровка. Обстановка сопряженная со смертельной опасностью, была для нас лучшим учителем и наставником.

Потерпев первую неудачу, немцы не очень долго приводили себя в порядок, готовясь к новому штурму. Снова на наши окопы обрушился шквал огня. К свисту снарядов примешивался другой, незнакомый пока вой и последующий за ним разрыв.

- Должно быть, это минометы так бьют - понял я, уткнувшись лицом в дно окопа. Хотя мне было не так страшно, как в первый раз, я все равно чувствовал себя очень неудобно. Под ложечкой свербело легким предательским чувством страха.

Обработка наших окопов продолжалась недолго, минут пятнадцать, не больше. Обстрел окончился и мы, встав, кто, откуда, отряхивались от пыли и грязи, приводя себя в порядок.

Показался наш командир роты с незнакомыми военными. По петлицам я догадался, что это младший политрук. Они внимательно смотрели на бойцов. Мы с Николаем так же попали в поле их зрения.

- Как настроение? - спросил меня политрук, внимательно рассматривая нескладную солдатскую фигуру в измазанной форме и длинной винтовкой, которую я уже успел закинуть за плечо.

- Отличное, товарищ политрук, понемногу привыкаем.

- Материальная часть в исправности?

- Так точно, в боевой готовности.

Это уже Николай отвечал за свой пулемет, вытянувшись как положено по уставу.

- Удачи вам бойцы.

Пошли ротный дальше.

Они удалились, а мы остались готовиться к бою. Все наше отделение собралось вместе по приказу Федора.

- Пока есть немного времени, нам нужно поговорить. Комвзвода сейчас подойдет.

Лейтенант Митрохин появился быстро, он обходил свой взвод, проверяя его боеготовность и в то же время рассказывая о противнике.

- Здравия желаю! - приложил он руку к козырьку фуражки.

Мы дружно поприветствовали своего командира.

- Вольно. Можете закурить, кто желает.

Мы с удовольствием начали скручивать самокрутки.

- Вам нужно знать о самолетах противника, хоть немного. Самолет разведчик, или как мы его называем «Рама» системы «Хенкель-111». Бомбардировщики в основном системы «Юнкеры», «Ю-87», «Ю-88» истребители у немцев двух систем, «миссершмиты» или «Ме-104» и «Фоккеры» системы «F-101».

Мы с интересом слушали своего командира, который уже бывал раньше в боях под Москвой и многое чего знал, по сравнению с нами, молодыми новобранцами.

- Товарищ лейтенант, а из винтовки можно достать самолет? - решил я задать вопрос своему командиру, как раз по теме разговора.

- Да, конечно. Не так давно в «Красной звезде» описывался такой случай, так что можете стрелять, а не прятаться от них.

- Так и будем делать. Нам уже приходилось.

- Я гляжу вы у меня вообще молодцы. Сегодня придется трудно.

Немцы подтянут резервы и вновь двинутся, так что предстоят нелегкие дела. И вот еще что, без моего приказа ни шагу назад. Как вы знаете Волга близко, а за ней нам нельзя быть. Это сказал сам товарищ Сталин. Товарищи бойцы, у меня к вам все. Давайте быстро по местам, ждать немцев осталось недолго.

Лейтенант ушел дальше, вдоль линии обороны, а мы по-быстрому разошлись по своим местам.

Подошел Федор с деревянным ящиком в руках, полным ручных гранат. Нам с Николаем досталось по три штуки. Я отдаю ему один из трофейных автоматов с подсумком к нему. На этот раз у нас было чем встретить фашистов, не то, что в первый раз. У нас в руках было их же оружие да еще и гранат побольше. Ох уж это напряженное ожидание, хуже нет ничего. Как и все, я напряженно всматриваюсь вдаль степи. Где-то впереди немцы успели окопаться и установить минометные батареи, которые начали обстреливать наши окопы. Медленно нарастающий вой приближающейся мины, выворачивая всю душу наизнанку. Снова мы лежим в окопах, лицом в землю. Голову инстинктивно охватывают ладони рук с растопыренными пальцами, словно они могли ее защитить от тяжелой и безжалостной мины. Мне почему-то казалось, что следующая мина, после очередного разрыва, разорвется обязательно около меня. Хотя и присутствовала уверенность, что я миную многое, и смерть меня, не достанет, легкий страх присутствовал во мне. И на этот раз смерть меня миновала, оставив в живых и даже не ранив. Только сверху на меня падали комья земли, от недалеких разрывов тяжелых мин лишив возможность хоть каким-то образом логически соображать. Но что-то внутри подсказывает, что лежать вот так, ничего не видя вокруг опасно и что эта опасность идет со стороны запада, откуда шли наступающие.

Всем своим внутренним чутьем я ощущал эту опасную сторону. Разрывы мин и снарядов стали реже и вдалеке от нас. Наши командиры были опытнее нас, новобранцев и хорошо знали и изучили тактику немцев:

- К бою!

Раздались одна за другой громкие команды, и я отрываю лицо от земли. Быстро соскочив, охлопываю себя от прилипшей глины и грязи. Наводить основательную чистоту некогда, хватаю винтовку и ложусь на бруствер окопа. Скользнув по чистому, ясному небу, взгляд упал ниже, рассматривая, что там творится на земле, у немцев.

Пользуясь тем, что мы были вынуждены укрыться от обстрела в окопы, они приблизились довольно близко к нам. Хорошо видны их танки и бронемашинны, которые двигались в нашу сторону, пока без единого выстрела. Но вот стали видны и всполохи на стволах пушек бронированных громадин. И почти сразу разрыв, далеко впереди окопов. Сразу же последовало еще несколько разрывов в расположении нашей обороны. Но прятаться и укрываться было нельзя, немцы совсем близко.

Время бежит быстро, а вместе с ним накатывается новая серо-зеленая волна немцев. Уже хорошо различимы фигуры с закатанными по локоть рукавами, толи от стоящей жары, толи для придания храбрости вместе с принятым шнапсом.

Это можно было понять по их неудержимому и наглому движению в нашу сторону. Шли почти, не прячась за танки и бронемашинны. Вот и на их концах стволов автоматов засверкали отрывистые всполохи огня.

Над головой стал слышен посвист пуль, которые впивались совсем рядом, вздымая пыль. Но и среди этих черных громадин начали рваться снаряды наших орудий. Справа и слева хлестко ударили наши противотанковые ружья.

Сквозь выстрелы и разрывы, команды «Огонь» я не услышал, но понял по открывшейся стрельбе, что она была отдана. Пока дистанция до немцев большая, решаю расстрелять обойму из винтовки. Пытаюсь, как только можно быстрее сосредоточиться, и подготовиться к ведению огня.

Прикинув расстояние, устанавливаю планку на прицеле двести метров, плюс минус полсотни метров в данном случае не имеют значения. Не обращая внимания на разрывы и трескотню винтовок и пулеметов, ловлю в прорезь прицела ближайших фашистов. Все пять патронов расстрелял быстро, успевая только как можно скорее перевернуть затвор и дослать патрон в патронник. Отставив в сторону оружие с пустым магазином, беру за немецкий автомат.

Немцы совсем близко, в какой-то сотне метров от нас. Срелять из «Шмайсера» мне еще не приходилось, но как это делается, я изучил основательно, покрутив его в своих руках.

Пулемет Николая бьет практически безостановочно длинными очередями. Бросив быстрый взгляд на его лицо, вижу его совсем незнакомым для меня, с закушенной зубами нижней губой и прищуренными глазами.

Откидываю складной приклад и взвожу затвор. Все это проделывается быстро, дорога каждая секунда. Накатывающиеся фашисты совсем близко, меньше чем в сотне метров. Уже становятся различимы их лица, многие потные и разгоряченные бегом. Огонь наших бойцов не останавливает их, хотя то тут, то там, взмахнув руками падали, убитые и раненые.

Приклад автомата непривычно ударил в мое плечо. Стреляю короткими очередями, но три - четыре патрона. Оружие новое и незнакомое для меня и нужно немного пристреляться, чтобы понять, что оно стоит в бою. После каждой очереди ствол автомата поднимался вверх, уводя в сторону линию прицеливания. После двух очередей я уже хорошо понял эту особенность и стал вводить поправки.

Ряды наступающих фашистов редели. Я, как и все, непрерывно веду огонь из трофейного автомата, лоя на мушку приближающихся врагов. Да и артиллерия помогла нам. Разрывы от снарядов взметывались среди наступающих и поджигали танки. Но, несмотря на наш плотный и безостановочный огонь немцы были уже совсем близко, и казалось, что только чудо может спасти нас от полного уничтожения. Их было много, очень много и они не считались с потерями. И это чудо свершилось, если только это можно было назвать так:

- Вперед! За мной!

Я оборачиваюсь на громкий крик и вижу на бруствере окопа нашего взводного, лейтенанта Митрохина. В его руке пистолет, поднятый высоко вверх:

- За Сталина! За Родину!

Снова раздался его громкий, призывной крик и он бросился вперед, навстречу стремительно набегавшим немцам. Вслед за ним выскакивали и мчались другие бойцы, с винтовками наперевес, только штыки поблескивали на солнце. Мыслей нет, рассуждать некогда. Подчиняясь общему порыву, я мгновенно перезаряжаю автомат и выскакиваю за бруствер окопа.

Боковым зрением вижу, как Николай, обхватив свой ручной пулемет обеими руками, тоже мчится навстречу фашистам, даже не пригибаясь, во весь свой рост. Мне показалось, что время начало сжиматься и все происходит нереально, как, будто оно остановилось в своем стремительном темпе. По всей видимости, инстинкт самосохранения включает в эти мгновения все свои резервы для того чтобы его хозяин остался в живых. Умирать никому не хочется, даже инстинкту. Расстояние между нами неумолимо сокращается, мы стремительно несемся друг на друга, почти не стреляя. Какая-то неведомая, нечеловеческая сила несет меня вперед только с одной мыслью, скорее добежать до врага и вцепиться ему в горло мертвой хваткой. Наши ряды начали смешиваться с немецкими и все завертелось в самой страшной человеческой трагедии, в жестокой и беспощадной бойне не на жизнь, а на смерть.

На меня несется рыжий, здоровенный детина с засученными по локоть рукавами и абсолютно бессмысленными глазами. Я догадываюсь по этому обезумевшему взгляду, что его целью являюсь я. Почти автоматически навожу в его живот автомат и нажимаю спусковой крючок, стараясь опередить фашиста. Мне это удалось, и очередь прошивает живот и грудь набегающего.

Выронив автомат, немец буквально ныряет и расплывается у моих ног. Вновь набегают фашист с перекошенным в крике ртом и с винтовкой наперевес, штык которой направлен на меня. Еще одна другая секунда и он вонзится в меня, но я снова опережаю его на доли секунды. Дернувшийся в моих руках автомат выпустил в него очередь. Бью в упор, промахнуться практически невозможно. Успеваю увернуться от удара, сделав следующий шаг немного в сторону. Штык винтовки втыкается в землю, и немец, перебирая ее ствол руками, склоняется к земле. Рассматривать эту картину некогда, нужно идти дальше, впереди еще виднеются фигуры в серо-зеленой форме. Они очень близко от меня, и я, вскинув автомат, безостановочно, на все оставшейся в магазине патроны стреляю по ним. Некоторые были буквально скошены моим огнем. Но вот затвор сухо щелкнул, в магазине нет, ни одного патрона. Схватка в самом разгаре и на меня в любой момент могут напасть.

Так оно и случилось почти в тоже мгновение. Немцев было много, очень много и огонь из моего автомата не мог их всех уничтожить, даже тех, кто был предо мною. На меня бросается огромный детина, метров двух роста с засученными рукавами на огромных волосатых ручищах. Патронов в автомате нет, перезарядить явно не успею. И он не стреляет, по такой же видимо причине, автомат болтается на его шее. Замахиваюсь на него автоматом, но он схватился в мое горло, и повалил на землю. Немец, почему-то решил расправиться со мной не пальцами рук. Схватив свой автомат, почти одним мгновением придавил мое горло. Еще секунда другая и он раздавит мою гортань этой железной клюкой. И тут я вспомнил о своем пистолете «ТТ», который подобрал во время авиа-налета и который всегда носил в кармане с загнанным патроном в патронник. Моя рука почти автоматически нырнула к спасительному карману брюк. Одним мгновением взвожу курок пистолета и вынимаю его из кармана. Лицо немца приводит меня в какой-то ужас. Мутные, обезумевшие глаза не выражали ничего, лишь какая-то отрешенная пустота стояла в них. Рот перекошен в одну сторону и хорошо видны его крупные прокуренные зубы. Мое сознание улавливает все это в какое-то мгновение времени, в следующий миг я уже стреляю в грудь немца. Опоздай я еще на какое-то мгновение, и меня уже не было бы в живых. В горле и так, что-то давило и першило, хотелось кашлянуть. Руки здоровяка ослабли, и он стал заваливаться на меня всей своей тяжестью. Мне становится противно при виде в упор лица фашиста, и я быстро спихиваю его с себя. Разлеживаться некогда, я вскакиваю на ноги и оборачиваюсь в обратную сторону, так как я довольно далеко ушел от своих. Там творится что-то невообразимое для меня. Горящие огнем, гудящие немецкие танки, ушедшие за наши окопы и там нашедшие свой конец.

Смертельная схватка с фашистами в самом разгаре, я вижу множество сцепившихся тел, своих и немцев. Многие из них лежали на земле, пытаюсь уничтожить друг друга, кто, чем мог. Матерные крики наших и непонятные на немецком языке неслись отовсюду. Я быстро засовываю

свой пистолет обратно в карман и, подобрав трехлинейку с примкнутым штыком из рук убитого красноармейца, снова кидаюсь в кучу дерущихся. Восприятие реальности стало понемногу покидать меня. Но я еще хорошо запомнил, как с разбегу вонзил штык в спину фашиста, который сцепился в единоборстве с нашим солдатом. Даже не смотрю, что с ним дальше, после такого удара у него навряд ли остались шансы остаться в живых. Дальше происходило все как в тумане, и упомнить всего было невозможно. Нападал я, нападали и на меня, но я успевал раньше другого нанести первым смертоносный удар, откуда только взялось у меня такая ловкость и сообразительность. Скоротечный бой закончился быстро, по крайней мере, так показалось мне.

Вокруг лежало множество изуродованных, окровавленных трупов, наших и немецких. Но мы уничтожили всех, хотя и дорогой для нас ценой. Понемногу прихожу в себя и обретаю возможность видеть и слышать, что творится кругом. Вижу Николая с окровавленным лицом, но с пулеметом в руках, с которым даже не расстался во время рукопашной схватки.

- Слава Богу, живой Никола - подумал я и направился к нему, переступая через убитых и раненых.

Он смотрит на меня, словно на Иисуса Христа, который спустился снова на Землю. Молча, смотрим друг на друга, все, понимая без слов.

- У тебя кровь на лице, ты не ранен? - спрашиваю его.

Он рукавом гимнастерки вытирает потное, замазанное кровью лицо.

- Вроде нет. Наверное, чужая, я даже и не заметил.

Мы осматриваемся вокруг себя, и я вижу, какой ценой досталась нам эта победа. Все пространство усеяно трупами, порой лежащими друг на друге.

Мы медленно возвращаемся в свои окопы. Я подбираю трофейный автомат с подсумком для запасных магазинов, который снимаю с убитого фашиста. Понемногу начинаю привыкать к трупам, словно к повседневной работе, связанной с такими последствиями.

Вижу Федора, нашего командира отделения. Он лежит на земле, широко раскинув руки. Из его рта к горлу сбежала струйка крови, в руке зажата винтовка. Тяжело и больно смотреть на такое, но отворачиваться нельзя. Я механически потянулся к голове, чтобы снять пилотку, но ее там не оказалось, потерял в горячке боя. От нашей роты остались жалкие остатки, не более двадцати человек, даже на неполный взвод не наберется. Я понял, что даже легкий нажим немцев сметет наши остатки обороны. Это хорошо понимали и наши командиры, те, кто остался в живых.

Они в это время решали вопрос, как им поступить? С одной стороны приказ № 227 - ни шагу назад. С другой стороны они хорошо понимали, что оставшись здесь, они погибнут сами вместе с ними оставшейся горсткой бойцов. Я сижу на бруствере окопа, чувствуя, что смертельно устал от боя.

Вскоре мы, оставшиеся в живых, сбились в одну кучку. К нам подошли уцелевшие из дальних окопов нашей обороны. Большинство вымаза-

ны в грязи, многие из них ранены, перевязаны белыми бинтами, через которые проступали окровавленные пятна. Каждый понимал, что нужно принимать какое-то решение, иначе смерть. Мы с Николаем смотрим друг на друга как на какое-то чудо. Оба остались живыми и даже не ранены. Пока Бог своею волей оставляет нас среди живых.

Подошел подполковник Сердюк, наш «батьа» с несколькими офицерами. Нашего ротного, капитана Виллойкина я не заметил, видимо погиб. Но взводный, лейтенант Митрохин был среди них. Это хоть как-то немного обрадовало меня.

- Стройся! - скомандовал командир полка. Взглядом просматриваю оставшихся в живых, отыскиваю знакомых из своего взвода. Мы выстраиваемся, стараясь встать в строй рядом со своими, из знакомых то осталось два - три бойца. Практически все красноармейцы обзавелись трофейным оружием, сменив трехлинейки на «шмайсеры», за поясом заткнуты немецкие гранаты с длинными деревянными ручками, непривычные нашему глазу.

Всматриваюсь в лицо «бати», видя, что он внимательно осматривает оставшихся в живых. Усталое, с большими мешками под глазами, оно говорило само за себя. Конечно, он видел, что его воинство выглядело далеко не лучшим образом.

- Бойцы!

Начал говорить командир полка, и остановившись на этом слове, с минуту молчал, вероятно, окончательно принимая решение.

- Нами принято нелегкое решение. Если мы будем продолжать удерживать этот рубеж, мы все бессмысленно погибнем. Мне трудно принять решение отходить на новые рубежи обороны. Я думаю, нас поймут, мы сделали все, что могли и даже больше. Времени у нас нет, через пять минут отходим.

Командир закончил говорить и зачем-то снял фуражку.

- Все лишнее оставить, взять только оружие и побольше боеприпасов.

Это уже скомандовал лейтенант Митрохин, наш взводный.

- От меня в дороге не отставать.

Колька все же решил не расставаться со своим «Дегтярем». Закинул его на плечо, диски быстро уложил в вещевой мешок. Даже мне сунул три штуки, которые я положил в свое заплечное хозяйство.

Нас немного, не более побитой роты или того меньше, да к тому же многие ранены или контужены. И вот мы идем в сторону востока, там, где Сталинград. Как ни тяжело такое осознавать, но реальность говорит, что это действительно так. Идем быстро, минуя воронки и сожженные немецкие и наши танки, разбитые орудия. Уходили по ложине, так что немцы сразу не схватятся, что наши окопы пустые. Дай Бог подальше и побыстрее унести ноги. Командиры расслабятся, не дают, все бегом да бегом. У меня гимнастерка взмокла от пота. Другим тоже не легче. Мне хорошо видны спины с потемневшими пятнами. Только топот кирзовых сапог да тяжелое, с прidyхом дыхание. Инстинкт самосохранения гонит подальше

от смерти, туда, где можно укрыться от старухи с косой на плечах. В небе над нами нудно загудела рама, уже знакомый нам немецкий разведчик «Хенкель-111». По моей спине побежали мурашки. Память услужливо подсказала, что обычно следует за ней, после того как он улетит. Я нахожусь в голове нашей группы, остатков нашего полка, не отставая от старших офицеров. Бежим рядом с Николаем, который не отставал от меня, повесив свой пулемет на шею и держа его обеими руками.

Дышать становится тяжело, слышу, что и моим товарищам не легче моего. Дорога, а точнее путь без дороги, ведет по склону. Вдалеке виднеется лес, к нему, судя по направлению, и ведут наши командиры, чтобы хоть как-то укрыться. Но изначально, волею судьбы, нам было уготовлено совсем другое, которое мы не ожидали. По крайней мере, мы, а не наши командиры. Когда до спасительного леса оставалось метров пятьдесят и все уже предвкушали отдых, из лесу вышло два человека. Были они не в обычной солдатской форме, а в какой-то синей, с красными петлицами, фуражки с красным не привычным околышком.

- Стоять!

Раздался громкий окрик одного из них, и он выстрелил в воздух из пистолета.

- Почему оставили позиции? Вы слышали о приказе № 227?

Подполковник Сердюк вступает с ним в полемику, вслушиваться в которую, уже не было времени.

Сзади нас с молниеносной быстротой нарастал вой самолетов, по которому можно было понять, что они уже пикируют на нас с большой высоты. Успели незаметно и почти без звука, как настоящие хищники, подобраться к добыче.

Нам повезло, заградительный отряд не открыл по нам огонь сразу, без всякого на то предупреждения.

А может просто хотели сказать о том, за что нас расстреляют. До адской боли в печенках, этот ужасающий вой нарастал с каждым мгновением. Я хорошо вижу как фигуры, встретившие нас, стремительно устремились к своему спасительному лесу, туда же ринулись и наши офицеры с бойцами, что были в самой голове нашего отряда.

Какой-то внутренний голос, до сих пор не знаю чей, громко, в приказном тоне говорит мне:

- Убегай в правую сторону!

Я повинуюсь этому голосу, почти не раздумывая:

- Колька, беги за мной!

Истошно кричу Николаю, стоящему в растерянности рядом со мной. И бросаюсь что есть силы в ту сторону, куда указал голос. Вой перерастал в дикий рев, но я и Николай бежали что есть силы в сторону. Под ногами колыхнулась земля, и я падаю, утыкаясь лицом в землю, и инстинктивно закрываю голову руками. Земля дрожала и раскачивалась под моим распластанным телом. Мне жутко захотелось превратиться в червя и спрятаться глубоко - глубоко в землю. Разрывы авиабомб раскалывают землю

и небо на тысячи мелких кусочков, каждая из которых разрывает мою голову, отдавая болью в затылке и ушах. Но у меня снова уверенность в том, что я не погибну, страх исчезает.

Я поворачиваю голову, и мой взгляд упирается в сторону леса, мы лежим не так далеко от него.

По всей видимости, немецкие летчики нацеливались на лес, посчитав, что там находится укрывшееся скопление наших войск. Но они ошиблись, там были только одни энкэвдешники со своими пулеметами, да и несколько наших добравших офицеров и бойцов с надеждой укрыться в нем.

Мой взгляд выхватывает крошечный ад, творящийся в лесу. Там почти непрерывно грохотали разрывы. Мощный, вывернувший с корнем дерева взрыв, прогрехотал у самой опушки леса, не так далеко от меня. Ударившая волна заложила мои уши. Я вижу, как в небо взметнулись тела, куски одежды разлетелись далеко по сторонам. Почти под самым моим носом, со страшным скрежетом рухнул с неба станковый пулемет с оставшимся в целости куском ленты, весь побитый и исковерканный.

Наконец бомбардировка прекратилась, и разрывы бомб только эхом памяти били по нервам. Но вот эта боль проходит, и я поднимаюсь с земли. Учет

Времени я потерял. Не знаю, сколько прошло, толи пять минут, толи двадцать.

- Слава Богу, Колька жив!

Подумал я, видя как он, так же как и я поднялся с земли, отряхиваясь от земли и пыли. Перед моими глазами предстала печальная картина, на которую страшно смотреть.

Кроме пулемета у моих ног валяется синяя фуражка с красным околышком, почти вся изодранная в клочья.

- Боже мой, что творится!

Пронеслось в голове мысль, и я иду к лесу, который из густого превратился в полупрозрачный. Да это даже и не лес, а березовая, исковерканная роща на вершине склона. Вокруг зияют огромные, еще дымящиеся воронки, с вывернутыми наружу буграми земли и глины. И вокруг трупы, трупы. В основном по опушке леса. Под бомбы попала и большая часть наших бойцов. Изуродованные, кровоточащие тела повсюду вместе с обломками оружия и клочьями одежды. За мной потянулись другие, оставшиеся в живых бойцы, чтобы посмотреть это печальное зрелище.

Бог ты наш праведный! Лучше бы никогда не видеть такое. И почему небо позволяет такому происходить на Земле!

Перепаханная бомбами земля приняла в свое лоно одинаково и тех, и других, поглотив их души в свои безмерные небесные двери. Нас осталось не больше трех десятков. Среди них два энкэвдешника, оглушенных и подавленных, у которых не осталось желания расправиться с такими как мы. А такими в то время были почти все, такое было время. Мы неудер-

жимо катились к Сталинграду, теряя своих товарищей, устилая их телами степи и редкие пригорки.

Кое-как добравшись до какого-то кустарника, мы легли спать. Больше не было сил идти дальше, да и время уже позднее. Спали вповалку, где кто пристроился. Как наши, оставшиеся в живых начальники, организовывали ночной караул, я не знаю, меня никто не разбудил, или не смог разбудить. Но нам повезло, нас никто не обнаружил, и мы проспали до самого утра, не видя снов, не просыпаясь от недалеких разрывов снарядов и бомб, которые, как мы уже хорошо знали, не смолкали ни днем, ни ночью. Простудиться мы не боялись, жаркое летнее солнце нагрело землю за долгий день. Да и думать об этом как-то не было сил и времени. Пробуждение было тягостным, мое сознание сразу же преподнесло мне все, что произошло. На душе стало тяжело и тоскливо. Вповалку лежали товарищи, которых еще не разбудило встающее на востоке Солнце. Вижу одну фигуру, которая не лежала на земле, а стояла чуть в стороне, с автоматами на плече.

- Охрана не спит - прошлась в голове ленивая мысль и тут же исчезла. Я встал с земли, чувствуя, что отдохнул и твердо стою на ногах.

Вся моя амуниция и оружие лежало на земле. По-быстрому поднимаю все и привожу себя в надлежащий вид, туго перепоясавшись ремнем. Затягиваю потуже, до самой последней дырочки.

Начали подниматься и другие бойцы, спросонья недоуменно поглядывая по сторонам.

- Подъем!

Это лейтенант Митрохин сделал побудку оставшемуся личному составу, которого насчитывалось не больше взвода.

- Становись!

Мы, не спеша выстроились в нестройную шеренгу, вставая там где придется.

Прохлаждаться нам некогда. Немцы могут появиться в любой момент, если не их самолеты, то танки. Наша задача как можно поскорее оторваться от них и соединится со своими.

Митрохин замолчал, медленно идя вдоль строя и внимательно рассматривая лица бойцов. Его когда-то новенькая и чистая гимнастерка потеряла парадный вид. Но его это не смущало, наш вид был еще плачевнее. Жаль, что нет возможности взглянуть на себя со стороны.

Николай стоит рядом со мною со своим неизменным ручным пулеметом, который он повесил на шею.

- Выдвигаться за мной!

Скомандовал лейтенант и встав впереди строя, двинулся вперед, мы за ним, быстро и не отставая. Углубляемся в какую-то балку и по ней бегом двигаемся в восточную сторону, к своим. Идем долго, справа и слева вдалеке от нас слышна канонада, то далекая, то близкая.

Иногда высоко над нами, надсадно воя и гудя, пролетали самолеты. Но им, по всей вероятности, не было дела до нашей кучки людей. Мы уже,

по их понятиям, не представляли никакой опасности для вермахта. Так, сброд недобитых русских.

Постепенно балка увеличивалась в размерах, вероятно, это был овраг. Так оно и было на самом деле. Солнце поднялось в зенит и нещадно пекло наши головы. Спина моя стала мокрой от пота. И вот показалась небольшая речка с поросшими берегами, мелким кустарником и редкими деревьями.

Река оказалась мутной и не широкой, метров тридцать шириной, не больше. Мы карабкаемся по склону наверх и вскоре добираемся до поросшего кустами берега. Приземистые ивы и толовые кусты плотно прилегали к самому берегу, местами опустив свои ветви в воду. Нам всем очень хотелось пить, в горле пересохло от жажды. Наконец добрались до воды и дружно припали к ней, где кто смог. С большим наслаждением я глотаю жидкость, словно эта мутноватая вода была самым вкусным нектаром на всей земле. Выпив столь, сколько в меня вошло, наполняю свою фляжку и оглядываюсь вокруг. В прозрачном небе не было ни одного облачка. Бескрайние синие просторы с жарким, нещадно палящим солнцем. Недалеко от нас идет шляхт, который ведет к деревянному мосту через реку. С половину километра, не более.

- Всем обратно в овраг! - скомандовал Митрохин, увидев что по дороге к мосту двигаются какие-то машины, поднимая клубы пыли видимые даже невооруженным взглядом.

Довольно быстро двигаясь, мы оказались внизу, ожидая, что с нами будет

дальше. Ко мне подошел Митрохин.

- Как фамилия?

- Рядовой Сафронов - по уставному отвечаю ему.

- А твоя? - обратился он к Николаю.

- Рядовой Михалецкий - бойко ответил он, так же как и я неотрывно глядя в бледное лицо лейтенанта. Но в его голубых глазах я не уловил ни крохи страха или беспokoйства. Только ранняя тонкая сетка мерцающих вокруг них морщинок.

Так вот бойцы, нужно провести разведку в сторону моста. Попытайтесь, чтобы вас не обнаружили. Идите скрытно вдоль берега – лейтенант замолк, вопросительно и, с надеждой смотря на нас. Отвечаем почти в раз:

- Слушаюсь товарищ лейтенант.

- Мы быстро туда и обратно.

И вот мы с Николаем идем в сторону моста, укрываясь в прибрежных кустах. Добрались быстро, притаились в метрах пятидесяти. Но на дороге уже не проезжали машины. Не было видно и ни одного человека.

- Рискнем? - спрашиваю Николая. Тот все понял:

- Давай.

Бегом мы мчимся к дороге. Хорошо укатанная, со следами гусениц, она, по всей видимости, была магистральной:

- Нужно осмотреть другой берег - говорю Николаю и мы так же бегом бежим по мосту, внимательно смотря по сторонам. Ни одной души, тишина и на другом берегу. Только чуть в сторонке разбитый грузовик ЗИС - 5 и перевернутая пушка, прицепленная к нему.

- Возвращаемся.

Тем же путем мчимся в обратную сторону, спеша доложить об увиденном.

- На дороге и мосту чисто. Нет ни наших, ни немцев.

Докладывая Митрохину, который с нетерпением ожидал нашего возвращения.

- Хорошо. Мы пойдем к мосту и остановимся на обратной стороне. Ваша задача - дождаться раненых и если будет все спокойно, провести через мост. Задача ясна?

- Так точно, все ясно.

Мы остаемся, дожидаясь отставших раненых. Приказ есть приказ, выполнять нужно. Ждать пришлось не долго, через час подошли трое, перебинтованных окровавленными бинтами. Один из них немного прихрамывал, был ранен в ногу. Поэтому и отстали от группы, не имея возможности быстро передвигаться. По странному стечению обстоятельств, раненым в ногу был один из оставшихся энкэвдешников из заградительного отряда.

Вокруг полная тишина и это нам на руку. Мы с Николаем побыстрому сменяем бойцов, поддерживающих раненого, и поднимаемся наверх. Нужно торопиться, всякое может случиться. Почти бегом устремляемся в сторону моста, чуть ли не на руках неся пострадавшего от бомбежки. Все прошло благополучно и мы вышли на мост, то и дело, поглядывая на запад в сторону накатывающих немцев.

Слава Богу, успеваем благополучно миновать и мост! Наша группа расположилась сразу же за ним, около разбитой полуторки. Мы валимся от усталости, тяжело дыша от напряженного бега. Немного переведа дух, я огляделся по сторонам. Лица бойцов были хмурыми, с печатью усталости и отрешенности.

С обратной стороны моста послышались далекие шумы моторов.

- Расслабились, а вдруг это немцы?

Подумалось мне и я смотрю на бойцов. Почти все услышали далекое гудение и повскакивали с земли.

- Рассредоточитесь по обеим сторонам дороги.

Слышу команду Митрохина и, подхватив лежащий автомат, я бросился вместе с Николаем в сторону. Мы залегли и стали ожидать машины. Ждать пришлось недолго, шум быстро нарастал. Руки непроизвольно сжали автомат. Николай, широко раскинув ноги, готовит к бою свой пулемет, вставляя в него диск. Вот машины выехали на мост и стали видны. Они чем-то похожи на наши, полуторки.

- Наши! - говорит лейтенант, рассмотрев в бинокль тех, кто находился на грузовиках.

- Огня не открывать.

Через пару минут машины уже миновали мост и выехали на нашу сторону.

Заскрипели тормоза и машины остановились. Все три грузовика были заполнены нашими бойцами. Мы встаем со своих временных позиций и подходим поближе к машинам, горячим от нещадно жгучего солнца и перегретых моторов.

В кузовах полно пыльных вооруженных бойцов. Из кабины машины вышел командир. Судя по «кубарям» в петлицах - старший лейтенант. Лицо усталое, заросшее крупной щетиной на давно не бритых щеках и подбородке. На гимнастерке орден Красной звезды.

- Боевой командир. - подумал я, видя такого бравого офицера, - с таким не пропадем, видимо уже бывалый.

Лейтенант Митрохин быстро подошел к прибывшему старлею.

Мы неподалеку, с любопытством и вниманием смотрим на них.

- Командир сводной роты, старший лейтенант Петров.

Представился прибывший командир, механически приложив руку к козырьку фуражки.

- Лейтенант Митрохин. Командую остатками нашего батальона.

- Вас сколько в строю?

- Нас около тридцати, трое ранены.

У нас больше сотни, все, что осталось от полка. Какие намерения?

- Пока не знаю. Давай сообща решать. Я думаю, что река, это то, что нам нужно. Здесь мы можем подзадержать немцев.

- Да, пожалуй ты прав. Если конечно успеть заминировать мост.

- Это можно. Будет лучше, если мы еще два-три танка утопим в реке.

Мы внимательно вслушиваемся в их разговор, не пропуская ни одного слова. Нам везет, в небе нет самолетов, только где-то высоко тихо и надсадно гудят тяжелые бомбардировщики, медленно уплывающие на восток, неся тяжелую черную смерть на наши города.

- Да, но как заминировать мост? - спрашивает лейтенант старшего лейтенанта.

- У нас есть несколько мин, даже противотанковые найдутся.

- Это хорошо, но как их подорвать? На мосту немцы их заметят и обезвредят.

- У вас есть меткий боец?

- Думаю, что найдется, а что ему придется делать?

- У меня есть на этот счет свой план. Заложим под мост мины, да вот снарядов можно.

И Петров указал на разбросанные снаряды неподалеку от разбитого и перевернутого набок грузовика.

- А как подрывать?

- Вот тут нужен самый меткий. У нас есть одна трофейная снайперская винтовка.

Услышав о такой винтовке, о которой я в тайне мечтал, я сделал шаг поближе к офицерам и обратился с вопросом.

- Можно мне?

- Что можно? - не понял Петров.
- Быть тем стрелком, я думаю, у меня получится.
- А ты знаешь, что нужно делать?
- Пока нет, но догадываюсь.
- Хорошо, но нужно быть уверенным на все сто процентов, что не подве-
дешь нас.

Старший лейтенант внимательно смотрит на меня своим пронзительным, оценивающим взглядом. Мне даже стало от этого как-то неудобно. Но Петров, наверное, уже умел отличать по моему одному знакомым приметам.

- Хорошо, как фамилия?
- Сафронов, старший лейтенант.
- Пойдем со мной Сафронов.

Мы идем к следующей машине, стоящей поодаль.

- Всем выгружаться. Вместе со своим имуществом. У кого снайперская винтовка?

Громко скомандовал Петров. Подошел боец, у которого кроме автомата на плече висела винтовка.

- Передай винтовку бойцу - скомандовал Петров - И патроны к ней.

Я еще никогда не держал в руках снайперской винтовки, тем более немецкой.

Ничего, как-нибудь разберусь в ней, не такая уж она сложная будет. Принимаю из рук бойца винтовку и небольшую сумку с патронами.

Старший лейтенант быстро сформировал группу из десятка бойцов, в состав которой вошел и я.

- Вот что бойцы, наша задача подорвать мост. Берем мины, какие есть и все за мной. Кому не хватает мин, пусть возьмет пару снарядов.

И он кивнул в сторону разбитой машины. Мы быстро мчимся по мосту на обратную сторону реки. Только там есть возможность подобраться под него. С нашей стороны невозможно, вода омывает форму моста. У меня под мышками по снаряду. Другие бойцы несут мины. Установкой заряда руководит старшин лейтенант. Аккуратно и осторожно он лично укладывает их в одну кучу по своему замыслу.

- Сафронов останься, остальные бегом обратно - скомандовал он, и я пошел ближе к нему. Присев на корточки, разглядываю, мины и снаряды, сложенные в одну кучу.

- Мины установлены так, что при попадании в них пули, они детонируют. Я привел их в боевую готовность.

Бегом возвращаемся обратно, подгоняемые необъяснимой тревогой. Я выбираю позицию чуть сбоку от моста, так что мне хорошо виден заряд. Расстояние не более шестидесяти метров. Николай пристроился неподалеку от меня, по-хозяйски и основательно установив свой ручной пулемет на сошки.

- Всем окопаться.

Послышалась громкая команда нашего взводного. У кого были саперные лопатки принялись сооружать хоть как-то окопы.

Наши командиры приняли решение дать немцам бой у реки, а возможно это был приказ свыше. Мы, рядовые, этого не знали. Да и не так это было

важно для нас. Бить фашистов нужно там, где это только возможно, это мы все понимали.

Мне предстояло быстро освоиться с винтовкой. Русская трехлинейка была мне знакома до последнего винтика, а эту вижу впервые. Открываю затвор, благо все винтовки открываются одинаково. Вот только заряжать нашу удобнее и быстрее, все пять патронов соединены в одну обойму и их нужно просто все сразу вставить. Здесь нужно вставлять каждый в магазин сверху, как у системы «маузер». Быстро снаряжаю магазин и, приложив приклад к плечу, смотрю в оптический прицел. Покрутив окуляр, навел четкость видимости. Оптика сильная, наш заряд кажется совсем рядом перед моими глазами. Полагаю, что промахнуться будет невозможно. В крайнем случае, подстрахует Николай своим пулеметом. Время еще есть, пытаюсь изучить регулировку оптики, разбираясь практически на ощупь.

- Если промахнусь, вдарь из пулемета - прошу Николая, так, на всякий случай.

- Хорошо. Вдвоем справимся. Пока есть время, давай-ка соорудим бруствер, все какая-то защита будет.

Отложив в сторону винтовку и автомат, орудию лопаткой, выкладывая дерн перед собой. Инстинкт сохранения жизни при любых обстоятельствах действует безоговорочно, даже не нужно подгонять сзади. Очень хотелось, есть, давно не было во рту и крошки хлеба. Пользуясь затишьем, старшина из группы прибывших бойцов вместе с поваром побеспокоился о нас, как смог, конечно. По паре поварешек перловой каши и куску хлеба мы получили. Несказанно обрадовались свалившемуся счастью. Мне она привиделась самым вкусным, что существует на свете. Дно показалось скоро. Только ложка стучала да скребла о дно моего котелка.

Жаль, что моя пайка окончилась быстро. Но ничего не поделаешь, всему приходит конец, в том числе и моей каше. Засунув ложку за голенище сапога, предварительно облизав ее до последней крошки, я стал наблюдать вокруг себя. Многие, как и я, уже управились с кашей, дымили махоркой, а кто и просто лежал на спине, закинув руки за голову.

Пользуясь затишьем и я, так же как и многие прилег на спину, упершись взглядом в синее, безоблачное небо. Не хотелось думать о том, что идет смертельная война. Небесная бескрайняя синь никак не сочеталась с реальностью. Там, где-то в вышине летали стрижи, словно ничего в мире не происходит и на земле такая же благодать, как там в небе.

- Долго не будет дождя - лениво подумалось мне, видя птиц, так высоко парящих в небе.

- А здесь такое же небо, как и в нашем Усолье, ничем не отличается - подумалось мне.

- Такое же синее и бездонное, и птицы летают так же высоко.

Но мирной идиллии быстро пришел конец. Вернулись посланные за мост разведчики. Они, быстро пробежали по мосту, стуча сапогами о деревянный настил.

Через минуту раздался громкий крик команды:

- Всем приготовиться!

- И почему так быстро бежит время?

С сожалением подумал я, возвращаясь в реальность. Повернувшись со спины на живот, я как бы слился с землей, ощущая всем своим телом ее безграничное величие и могущество.

- Ну, мать - земля, помоги и спаси нас - почему то не к Богу, а к Земле обратился я.

Но думать об этом, уже не было времени, события надвигались снежным комом. По всей вероятности заметили наших разведчиков и вели себя довольно беспечно и даже нагло, полагая, что мы уже так далеко, что нас можно догнать только на мотоциклах или танках. Но, тем не менее, впереди были мотоциклисты - разведчики. Они неожиданно появились на мосту и, не сбавляя скорости, промчались по нему. С нашей стороны ни одного выстрела. Командиры уже хорошо изучили тактику немцев и приняли все подлежащие меры. Проехав мост, три мотоцикла углубились дальше, треща моторами. Основные силы отстали недалеко, и появились почти сразу, как проехали мотоциклисты. Впереди три бронемшины, за ними шли танки, громко рыча моторами и пуская клубы дыма во время перегазовок.

- Модель Т-2 - тихо проговорил Николай.

- Серьезные машины.

Но мне уже было необходимо действовать, нельзя было терять, ни одной секунды. Если танки пройдут, сметут нас в считанные минуты. Ловлю в перекрестие прицела черный кружок взрывателя противотанковой мины.

Затаив дыхание, наблюдаю за продвижением колонны. Палец автоматически прижался к спусковому крючку, готовый в любой миг надавить на него.

- Спокойно - говорю себе, услышав стук сердца.

- Тебе волноваться нельзя.

Хорошо понимаю, что команды стрелять не будет, момент необходимо выбрать самому.

Вот взойшло на мост два танка, показался третий. Бронемшины уже были на подходе к нашему берегу.

- Пора.

Решаю я и, затаив дыхание, тщательно целюсь. Палец мягко жмет на спусковой крючок. Резкий, неожиданный удар бьет в плечо. Снаряды, мины исчезают с поля зрения, ствол винтовки резко ушел вверх.

Мощная вспышка брызнула тысячей огней. Огромная, звериная сила взметнула все содержимое высоко вверх. Я вижу, как въехавший третий танк заваливается в реку башней вниз, сверкая траками еще движущих гусениц. Взрыв был такой огромной силы, что мост практически разрушился. Немцы опомнились и стали отвечать огнем.

Немецкий пулеметчик быстро освоился и пристрелялся. Пули его крупнокалиберного пулемета жужжащими шмелями стали пролетать то над головой, то вспахивать бруствер перед нами, с глухим шлепаньем вре-

заясь в землю. Опасную ситуацию разрешили артиллеристы, снующие у пушки. Раздался ее громкий хлопок и из бронетранспортера повалил густой черный дым. Пулемет замолчал, но ненадолго. Через минуту снова послышался его треск. Второй выстрел заставил его замолчать. Но стрельба автоматчиков продолжалась, не давая нам подняться из укрытий. Первое замешательство прошло и с нашей стороны стали слышны ответные выстрелы. Раздались короткие очереди «Дегтяря» моего друга.

- Пора и мне.

Решаю я и выглядываю из-за бруствера. Посвист пуль стал реже, это немного успокаивало. Через винтовочный оптический прицел стал рассматривать происходящее. В окуляр попадает бронетранспортер, железная громадина, приближенная в несколько раз оптикой. Хорошо видны даже головки болтов, люки. С десятков касок торчат за ним и бугром земли. Их хозяева ведут огонь из автоматов в нашу сторону. Быстренько передергиваю затвор, выбросив стреляную гильзу и ловлю в перекрестке каску. Я почти спокоен, да и времени нет размышлять об этом. Плавно нажимаю на спуск, и каска утыкается в землю, навсегда похоронив ее хозяина в земле. Быстро отыскиваю новую цель. Вот пулеметчик «МГ – 42», он непрерывно ведет огонь в нашу сторону. Почти не гаснущее пламя на срезе его ствола выплевывает в нашу сторону смертоносный свинец. Для меня он как на ладони, даже различаю черты его лица, подтянутого ремнем каски. Нажимаю на спуск и вижу, как лицо его передернулось предсмертной гримасой, а в каске, в самом ее центре, образовалась дырка. Пулеметчик ткнулся в землю, выпустив машину смерти из своих рук.

Не теряя времени, вместе со всеми, веду огонь из своей вновь приобретенной винтовки и почти не делаю промаха. Через пять минут с фашистами было покончено, и с их стороны огонь прекратился. Просто стрелять было уже некому. Только один тяжелый смрад от чадающего бронетранспортера. Вижу, как несколько наших бойцов кинулось к бронемашине, держа наготове оружие.

Трофейное оружие и боеприпасы нам были нужны, и вскоре оно перекочевало к нашим бойцам. Радоваться долго не пришлось. Немцы быстро пришли в себя от шока и повели огонь с обратной стороны реки. Наш берег был намного выше того, где находились немцы. По этой причине они не могли вести прицельный огонь и их снаряды и мины рвались хаотически, беспределно, практически не нанося нам урона.

- Не простят немцы нам потери переправы, это точно - подумалось мне, когда один из снарядов разорвался совсем недалеко от меня и плотнее прижался к родимой матушке - земле.

Не смотря на обстрел наших позиций, к нам бегом приблизился лейтенант Митрохин. Я его вижу снизу вверх, и мне становится как-то неудобно лежать на земле. Да и взрывы уже раздавались не так часто. Быстро вскакиваю, поняв, что он чего-то хочет от меня.

- Так точно, товарищ лейтенант – до меня дошло, что я попал в поле зрения нашего командира. Это даже как-то немного льстило.

- Вот, Сафронов. Назначаю тебя командиром отделения. Возьмешь шестерых бойцов и станковый пулемет. Полагаю, что для немцев будет удобно форсировать речку в этом месте, где мы выходим, по ложбине. Займете там оборону. И держаться до последнего. Не дай фрицам зайти нам во фланг. Все, исполняй.

- Николай, давай с нами - предлагаю односельчанину.

Того долго упрашивать не нужно, через минуту он собрался, сложив все свое имущество в вещмешок. Мне придали еще пятерых бойцов, и мы опрометью бросились в указанную нам сторону.

Я узнаю это место по ложбине, выходящей прямо к реке. Хорошее естественное укрытие действительно могло быть использовано противником. Скрытно и почти безопасно форсировать. И немцы обязательно этим воспользуются. Одно успокаивает, судя по карте лейтенанта, здесь приличная глубина. По всей видимости, вешние воды из ложбины промывли илистое дно до приличных глубин. Возможно, они задумают там установить переправу для машин и танков.

Занимаем позицию метрах в ста от берега реки. Отличный обзор не только устья, но и с левой, и с правой стороны от ложбины. Долго рассматривать противоположный берег нет времени, немцы могут появиться в любой момент. Мое отделение быстро окапывается, вгрызаясь в мягкую прибрежную землю. Теперь уже мне самому приходится проследить за тем, как окопались мои бойцы и приготовились к встрече неприятеля. Мы рыли землю под нарастающую с каждой минутой стрельбу, доносящуюся со стороны моста. Судя по ней, там идет жаркий и тяжелый бой. Вгрызались в землю быстро, никого не нужно подгонять. Но времени у нас в обрез, необходимо еще проверить и приготовить к бою наше оружие. Очень скоро редкая цепочка окопов была практически готова встретить неприятеля. Конечно, в полный профиль отрыть окопы мы не успели, но успели зарыться основательно.

Немцы, получив достойный отпор там, у бывшего моста, где, судя по шуму, шел не шуточный бой, приступили искать и другие, более легкие пути форсирования реки. Наш лейтенант предвидел такой вариант поведения немцев, поэтому и поступил довольно мудро. По крайней мере, угодить в фашистский котел у нас уже было меньше шансов. И здесь многое зависело от действия отделения, которым я командовал. Пользуясь тем, что у нас был какой-то запас времени, отправляю двух своих бойцов к разбитой полуторке. Там я видел много ящиков, в которых могли находиться патроны и гранаты.

Станковый пулемет «Максим» я распорядился установить напротив центра выходящей к реке ложбине. Николай со своим пулеметом расположился с правого фланга. Ему в помощь, вторым номером, назначил одного из бойцов, знающих, что такое пулемет.

Нам здорово везло, мы успели хорошо окопаться и подготовиться до подхода немцев. Я занял позицию с левого фланга, как я считал, самого опасного места. Да и всю картину нашей «обороны» мог охватить одним

взглядом. Весь ее фронт составил не более чем пятьдесят метров. Нестроительная линия окопов выглядела не очень внушительно, скорее наоборот.

Тишине и спокойствию на нашем участке суждено было продлиться недолго. На противоположном берегу появились немцы в таких ненавистно-знакомых серо-зеленых мундирах. Хорошо видны, так как расстояние небольшое. Даже бинокль не нужен. У молодых зрение острое, хваткие.

- Без моей команды не стрелять - негромко команду бойцам своего отделения. Наше расположение скрадывают в какой-то степени прибрежные кусты и нас немцы не заметили.

Но они вслепую идти напролом не собирались. Нас обнаружили их наблюдатели. Но вот в ложбине уже скопилось немало фашистов, и я понял, что наш момент настал.

- Огонь!

Громко кричу я так, чтобы услышали и в дальнем окопе. Ударили дружно из пулеметов и автоматов, сосредоточив весь огонь по ложбине, где было скопище фашистов.

Передернув затвор, я стреляю из автомата, почти безостановочно, пока не опустел магазин. Промахнуться было практически невозможно. Пулеметы били так же длинными очередями, не жалея патронов. Первые ряды немцев были буквально снесены огнем в упор. Но вот они пришли в себя, и повели ответный огонь в нашу сторону. Берусь за снайперскую винтовку, нужно гасить огневые точки.

Нам повезло, что пока немцы не подтянули пушек. Но минами могут забросать.

Словно в подтверждение моих мыслей раздался протяжный вой, выворачивающий душу наизнанку, и позади наших окопов раздался взрыв мины. Но нужно стрелять, несмотря на ответный огонь. Прятать голову не приходится. Не зря говорят, что снайперская винтовка, это оружие возмездия. Приложив приклад к плечу, смотрю в окуляр прицела. Оптика приближает противника, да еще как. Все происходящее словно прямо перед моими глазами. Начинаю выискивать цель, наиболее опасную для нас.

- Ага, вот и пулемет, он неустанно, почти не останавливаясь, ведет огонь. Устанавливаю дистанцию сто пятьдесят метров и досылаю патрон в казенник. Плавный спуск с отдачей в плечо и пулеметчик уткнулся в землю.

Пулемет заглох, уткнувшись стволом в землю. Второй номер тут же подхватил его, отодвинув убитого в сторону. И снова смертоносный свинец летит в нашу сторону. Второй номер уткнулся носом в землю после моего второго выстрела. Вижу минометный расчет, чуть в глубине ложбины. Рядом с ними два зеленых ящика с боеприпасами. То, что мне и нужно в данный момент.

Прицеливаюсь в ящик и произвожу по нему выстрел. Быстро перезаряжаю и вновь выпускаю пулю по этому невысокому штабелю. Раздается сильный взрыв, взметнувшийся недалеко от миномета. Через секунду, подброшенный взрывом, он взлетел в воздух. Столб дыма и пыли закры-

вает видимость. На какой-то момент времени стрельба стихает, но через минуту другую начинается с удвоенной силой. Строчки пуль как острой бритвой подрезают растущую перед окопом траву и с глухим шлепаньем врезаются своими горячими оболочками в землю.

Но я все стреляю и стреляю, едва успевая передергивать затвор.

Благо, патронов предостаточно в подсумке. Не забываю иногда поглядывать на бойцов своего отделения. Пока все живы и ведут по немцам огонь. Но вот немцы отхлынули от реки, и ушли назад по ложбине. Мы прекращаем, видя его бесполезность.

- Возможно, другая часть фашистов уже форсировали реку и организовали плацдарм. Зачем тогда им здесь лезть на рожон - решил я, видя как берег пустеет от врага.

- А возможно, и задумали что-то иное. Плохо, что мы не знаем их планов.

Задачу, поставленную лейтенантом Митрохиным, мы выполнили. Не позволили фашистам перейти реку там, где мы им поставили заслон. У нас всего один погибший. Снаряд попал прямо в окоп и от бойца мало что осталось. Мы его похоронили в том же окопе, собрав останки. Сверху положили каску и искореженный взрывом «ППШ». Закидав могилу землей, немного постояли над бугорком со снятыми пилотками и касками. Времени в обрез, нужно торопиться к своим, к тем, кто остался там, у моста. Там так же наступила тишина, стрельбы взрывов не слышно.

Возвращаемся быстро, как и двигались к месту нашей засады. Помогаю нести коробки с лентами к пулемету. Нас встречает лейтенант Митрохин, живой и невредимый.

- Ну как там дела у вас? - спрашивает он меня.

- Отбили попытку форсировать реку. Погиб один боец.

Митрохин, молча, глядит на меня, выслушивая мой доклад. На его бледном лице вижу озабоченность, от глаз разбежалась легкая сетка ранних морщинок. На голове поблекшая пилотка, каска на поясе.

- Пока отдыхайте. Только рассредоточь бойцов, не дай Бог самолеты налетят.

- Слушаюсь, товарищ лейтенант.

Откозырял я ему и пошел к своим бойцам, которые присев кучкой, что-то ели. Старшина как-то умудрился сварить кашу. Подошел Николай, у него в руках два котелка.

- Давай поедим немного, садись.

Пригласил он меня, и мы, уютившись на земле, стали уплетать эту пищу Богов.

- Смотри, что это!?! - удивленно произнес Николай и тронул меня за рукав.

- Где? - спрашиваю его и поворачиваю голову в ту сторону, куда он показывал рукой.

С неба, словно горох из банки, сыпались парашюты с маленькими человечками. Мне еще ни разу не приходилось видеть такое, и я с удивле-

нием и любопытством смотрел на приближающиеся к земле купола. У Николая так же от недоумения и не понимания открыт рот на застывшем лице:

- Парашютисты!

Раздался чей-то громкий, взволнованный крик.

- Немецкий десант!

Говорит Николай и, отложив недоеденную кашу, встает с места. Слышу голос Митрохина, громкий и резкий.

- Командиры отделений ко мне.

Бегом направляюсь к командиру, здесь медлить нельзя ни одной секунды. Мы стоим перед лейтенантом, внимательно слушаю его:

- Немцы сбросили десант в нашем тылу. Нам необходимо его уничтожить. Наступать редкой цепью. Для них мы первая и основная цель.

Мы бегом бросаемся в сторону десанта, пока еще часть парашютистов в воздухе. Бежим быстро, тяжело дыша. Все же до них оказалось не так близко, как это казалось изначально. Приземлившиеся первыми парашютисты успели подготовиться, видя, что мы к ним приближаемся. В нашу сторону брызнули струи огня. Но это уже не могло остановить нашего бега. Мы, как единый, могучий вал накатывались на них, подготовившись к схватке. Винтовку я оставил, в руках один «шмайсер». Но огня не веду, берегу патроны, так как во время схватки перезаряжать его у меня не будет времени. Только успеваю перевернуть затвор, приведя его в боевую готовность.

Мы успеваем во время. Опоздай мы на каких-то еще несколько минут, пришлось намного тяжелее. Часть немцев была еще в воздухе. Дистанция между нами неумолимо сокращается, мы бежим изо всех своих сил. Передо мною вырастает фигура фашиста. Мне повезло, он лихорадочно пытается сменить магазин автомата. Ему удается вставить новый, и его рука потянулась к рукоятке затвора. В азарте взгляд не замечает опасности и я с разбегу, двумя руками, в которых зажат автомат, бью в лицо фашиста. Ощущаю хруст перебитых костей и немец, уронив свое оружие, падает на землю. Свалившаяся с его головы каска отлетела в сторону, обнажив волнистые, белокурые волосы. Но у меня нет времени рассматривать бледное, в веснушках лицо врага.

А вот другой парашютист, он только что приземлился и сбрасывает с себя лямки парашюта. Это то, что мне и надо. Короткой очередью, в два три патрона, почти в упор стреляю в него и, не оглядываясь, мчусь дальше.

Успел заметить, как пули из моего автомата пробили в ненавистном мундире дырочки и немец, бросив свое занятие, схватился руками за грудь. Фашистов было не мало, почти сотня. Но я, какой, ни есть командир и мне нужно еще, и успевать следить за своими бойцами. Мы бежали в атаку почти рядом, стараясь держаться поближе друг к другу. Но врезавшись в гущу немцев, порастерялись. Николай не расстается со своим пулеметом и непрерывно ведет из него огонь короткими очередями, держа его в руках как автомат. Рядом с ним бойцы, живы и здоровы.

- Молодцы, что держатся вместе - мелькнула мысль, и я метнулся в их сторону, заметив, что один из фрицев навалился на одного из моих бойцов и душил, схватив за горло. Они оба забыли, что у них оружие и в бессознательном азарте убивают друг друга.

Короткая очередь в спину, перетянутую крест накрест ремнями и обмякшее тело немца завалилась на бойца. Сильный удар сбоку по автомату, выбивает оружие из моих рук. Я не заметил, как ко мне подобрался вплотную здоровенный немец. Он хватает меня одной рукой за горло, а второй за плечи и с большой, медвежьей силой валит меня на землю. Навалившись всем телом, руку перенес на горло и его пальцы стальной хваткой начали сжиматься. Все произошло за какое-то мгновение. Опоздал я на две три секунды, он бы меня задушил. Рука автоматически, я даже не успел об этом подумать, потянулась в карман, где лежал подобранный ранее мною пистолет «ТТ» и с которым я так и не расставался. Мгновенно взведя курок, я направил его на фашиста. В его обезумевших глазах вижу ужас и нажимаю на спусковой крючок, направив ствол в грудь моего убийцы.

Смертельная хватка пальцев на моем горле ослабевает. Сбрасываю убитого немца с себя и поднимаюсь на ноги, подхватив свой валявшийся рядом автомат. Бой в самом апогее. Слышны редкие очереди и одиночные выстрелы, дикие предсмертные крики и вопли. Страшное это дело, рукопашная. Видеть лицо своего противника, его глаза хищника, нацеленные на тебя и готовые тебя испепелить. Оглядываю вокруг себя, бой разбился на отдельные схватки.

- Надо помогать своим! - молнией промелькнула мысль и я, стреляю из пистолета в спины фашистов.

Уложив, таким образом, нескольких прячу уже пустой пистолет в карман и хватаюсь за автомат. Николай, расстреляв из пулемета диск, орудовал им словно дубиной, отбиваясь сразу от двух наседавших на него немцев.

Мгновенно спешу ему на помощь. Стрелять нельзя, могу зацепить друга. Схватив автомат за ствол обеими руками, словно увесистой дубиной, ударяю одного из них по голове. Каски на нем нет, по всей вероятности, успел потерять в горячке боя. И тут же, пока не успел понять, в чем дело, ударяю второго, в руках которого вижу штык-нож. Оба немца на земле и мы с Николаем устремляемся дальше в самую гущу дерущихся. Все дальнейшее происходило, словно в каком-то сне. Мелькали искаженные лица, незнакомые гортанные крики немцев, наш русский мат. Все это перемешалось в моей памяти единым фрагментом и мало что запомнилось. Но вот все прекратилось, и наступила полная тишина. Потихоньку прихожу в себя и оглядываюсь по сторонам.

Вокруг валяются купола парашютов. Некоторые из десантников так и остались лежать не успев, отстегнуть их лямки парашюта. И у нас не малые потери. Больно это видеть, но, то тут, то там среди трупов немцев виден и наш боец в своей до боли знакомой гимнастерке.

Большинство лежит в немислимых, неловких позах там, где их застала смерть. И все же мы победили, хотя и дорогой ценой, но победа была за нами.

- Нужно похоронить своих по-христиански - подал кто-то голос. Дружно орудуя саперными лопатками, а кто ножом или руками мы отрываем неглубокую братскую могилу.

Всей картины трагических событий того времени я, да и мои товарищи тоже, оценить не могли. Самая боееспособная 6-я армия Германии, под руководством многоопытного генерала Ф. Паулюса шла на нас. Получив лично от Гитлера «Рыцарский крест» на ленте, одетой на шею, он стал знаменитостью в Германии. Гитлер лично напутствовал своего героя.

- Победа под Харьковом значима для нас. Необходимо незамедлительно через Дон выйти к Волге.

Ф. Паулос вскинул руку в стандартном нацистском приветствии:

- Служу Германии. Хайль Гитлер.

Мужество и героизм наших бойцов рассеяли иллюзии германского командования. Цель выйти 25 июля 1942 года к Волге провалилась. К излучине Дона, где река сближается с Волгой немцы стали подтягивать силы, укрепляя и усиливая 6-ю армию.

Фашистам противостояли наши две армии 62 и 64. Вскоре Ставка усилила их 57 армией генерала Ф.И. Толбухина из резерва фронта, в составе которой и находились мы с Николаем.

Миллионы известных и неизвестных солдат полегли на полях сражения, уходя в небытие, на груди которых не было даже и медали. И никто не знает до сих пор, где они похоронены или их кости растаскали шакалы по степи.

Все они когда-то лежали, смотря на пролетающих птиц, облака, небесную синь.

Их меркнувший взгляд, вместе с жизнями уплывал в иную обитель, растворяя жизненные силы в необъятном пространстве. А жаворонки с соловьями, а где и воробьи с крикливыми воронами, отпевали их своими песнями, облегчая дорогу в бессмертие.

«В тылу»

Для фронта требовались подготовленные воины. Руководство военной подготовкой городской молодежи взяла на себя комиссия ГК ВЛКСМ, которую возглавил член Бюро ГК ВЛКСМ, работник городского отдела НКВД (в то время милиция входила в состав НКВД) Родзиевский Павел Александрович

С июня 1941 года по декабрь 1942 года военному делу было обучено 706 человек:

141 – минометчик;

337 – снайперов;

40 – истребителей танков;

78 – станковых пулеметчиков;

45 – ручных пулеметчиков

30 – шоферов.

Радисты, санитары.

Подготовлено 56 медицинских сестёр, 5 санитарных дружин.

Сдали нормы на значки АПВО – 18032 человека, «Ворошиловский стрелок» - 4054 человека.

«Память»

Приближался 1970 год, 25-е со дня Победы советского народ в Великой Отечественной Войне. Под руководством начальника паспортного стола Гороховой Марьей Андреевны была организована выездная бригада из сотрудников милиции, которая выезжала в села для выдачи паспортов

гражданам этих поселений. Кроме выдачи документов эта группа давала представления и концерты на сценах деревенских клубов и школ.

1970 год. Композиция к 25-ю Победы в
Великой Отечественной войне
Ивенин Валерий, Н. Коляда, Подольская Оля (пионер), Рубин Д.А.,
Горохов Юра (пионер), Горохова М.А., Подольская Г.А.

Список милиционеров, участников ВОВ и служивших в этот период в органах внутренних дел (МВД, ВС), награжденных медалью «50 лет Победы»

Петров Михаил Данилович
Рубцов Кирилл Пахомович
Хохлов Василий Петрович
Коновалов Петр Васильевич
Митюков Григорий Павлович
Петрова Надежда Игнатьевна
Исаков Дмитрий Сергеевич
Степин Николай Григорьевич
Гобжило Василий Федорович
Сафронов Александр Семенович
Акулов Иван Степанович
Климчук Александр Иванович
Тюхай Иван Иванович
Хайрулин Нурфаиз Валеевич
Русakov Гаврила Павлович
Соболева Софья Федоровна

Грозин Александр Ефимович
Спиров Алексей Иванович
Уткин Алексей Лукич
Матулин Федор Данилович
Филиппов Владимир Николаевич
Анкудинов Иван Тихонович
Чапига Яков Ефимович

17 апреля 1991 года на Всероссийской учредительной конференции представителей Советов ветеранов органов внутренних дел РСФСР в г.Москве был принят. Устав организации ветеранов органов внутренних дел РСФСР и переведена его регистрация в Министерстве юстиции РСФСР 5 июля 1991г. Свидетельство №194.

18 декабря 1991 годы проведена Иркутская областная конференция ветеранов ОВД под руководством начальника Управления полковника милиции А. Капустинского. Председателем Совета ветеранов ОВД и ВВ стал полковник милиции в отставке Николук Владимир Кириллович.

31 марта 1994 года состоялось общее собрание пенсионеров и ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск Усольского гарнизона Иркутской области.

На собрании присутствовало 92 человека. Председатель – п/п милиции Ультраков Х.А. секретарь – Шевчук М.А.

Информацию довел начальник ГОВД п/полковник милиции Лапенко А.Г.

Выступили – Драгунский А.А., Барсуков Г.К.

Собрание постановило создать Усольскую организацию ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск. Был избран Совет из 9 человек: Барсуков, Шевчук, Етоев, Алексеев, Еремеев, Коробейникова, Гусев, Татарников, Алексеев, Тколенко.

Председателем Совета ветеранов единогласно был избран Шевчук М.А., заместителем – Еремеев В.А., секретарем – Коробейникова Н.С.

